БОРИС ЕЛЬЦИН

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Леонид Млечин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уход из жизни Бориса Ельцина всколыхнул старые споры о том, какую роль первый президент России сыграл в истории страны. Одни говорят, что ему Россия обязана свободой и демократией, другие возлагают на него ответственность за хаос, коррупцию и всевластие олигархов. Кто-то восторгается широтой его натуры, а кто-то возмущается могуществом «Семьи». Его эпоху называют десятилетием упущенных возможностей, временем великих надежд и разочарований. Но только ли Ельцин виноват в том, что не сбылись наши чаяния? Об этом новая книга Леонида Млечина.

- ОТ АВТОРА
- Часть 1. ЗАВИДНАЯ КАРЬЕРА
  - Он не признавал местоимения «я»
  - Дегустация коньяка по-президентски
  - В юности любил подраться
  - Смотрины на старой площади
  - Итак, она звалась Наиной
  - Дом купца Ипатьева
  - Эпидемия в Свердловске
  - Призван под знамена Горбачева
  - Хозяин Москвы
  - Как обойтись без снотворного…
  - Срыв или бунт?
  - Удар ножницами
  - Расправа на пленуме
- Часть 2. НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК
  - Телефон с гербом молчит
  - Блокада прорвана
  - Первые выборы и первая победа
  - Загадочная история на подмосковной даче
  - Неудачный полет на «консервной банке»
  - Глава России
  - Появляется второй президент
  - Стоя на танке
  - В кремле место только для одного
  - Вискули: ночные бдения
- Часть 3. ХОЗЯИН СТРАНЫ
  - Борис Николаевич и Егор Тимурович
  - Руцкой и Бурбулис
  - Черномырдин, создатель газпрома

- Верный Руслан уходит в оппозицию
- Успех на референдуме
- «Не получится, сидеть будем вместе»
- Мятеж подавлен
- Новая конституция и «калинка-малинка»
- Генерал Дудаев вернулся
- Первая чеченская война
- Олигархи, Чубайс и Татьяна Дьяченко
- Союз с Александром Лебедем

- Часть 4. ЗАКАТ
  - После инфаркта казалось, что все кончено
  - Операция удалась. здоровье не вернулось
  - В поисках преемника
  - Чем понравился путин?
  - Большая семья
  - «Обязательства перед папой»
  - Заботы пенсионера
  - «Где ручка, которой я буду подписывать?»
- ФОТОАЛЬБОМ

ОТ АВТОРА

Короткое сообщение с пометкой «молния!» появилось в тот понедельник на компьютерной ленте новостей без пятнадцати минут шесть вечера: «Скончался Ельцин. Пресс-служба Кремля».

В эту минуту я находился на радиостанции «Эхо Москвы», куда меня пригласили поделиться «особым мнением» (так называется программа) о главных событиях дня. Программа закончилась ровно без пятнадцати шесть, и с двумя очаровательными девушками, которые только что пристрастно допрашивали меня в прямом эфире, мы вышли в тесный коридор. И тут показалась чья-то взъерошенная голова:

— Бэ Эн умер!

Борис Николаевич Ельцин скончался в понедельник 23 апреля 2007 года в 15 часов 45 минут в Центральной клинической больнице. У него остановилось сердце. Точный диагноз — прогрессирующая сердечно-сосудистая полиорганная недостаточность. Так сказал руководитель медицинского центра Управления делами президента. Борису Ельцину шел семьдесят седьмой год.

Борис Николаевич поступил в больницу 16 апреля. Его поместили в первом корпусе, в специальном отделении, которое когда-то и было оборудовано специально для него. В те дни в соседнем отделении офтальмологии лежала моя мама. Когда я зашел ее проведать, она сказала:

— Знаешь, привезли Ельцина. В больнице большая суета. Я шла на процедуры по коридору, меня остановили, пришлось объяснять, в какой палате лежу.

Думали, что это рядовая госпитализация — ведь в последние годы его часто привозили в ЦКБ. Но на сей раз Борис Николаевич был очень плох. И он уже не вставал.

По словам известного хирурга Рената Акчурина, который сделал Ельцину операцию на сердце, его пациент после операции, проведенной в 1996 году, чувствовал себя прилично, но сердечная недостаточность с годами прогрессировала.

Борис Николаевич каждый день плавал, гулял, перестал ужинать, отказался от сладкого и мучного, похудел, и это пошло ему на пользу. Но в начале 2005 года он перенес тяжелую пневмонию, за которой последовал сепсис. Он не мог дышать, несколько недель был подключен к аппарату искусственного дыхания, но выкарабкался. Врачи признали, что он впервые был на волосок от смерти.

В 2006 году Борис Николаевич отдыхал на острове Сардиния,

упал и сломал шейку бедра. Для пожилых людей это очень опасный перелом. Его оперировали, и он некоторое время вынужден был провести в постели, потом начал ходить — в гипсе. Он жаловался на боли, поэтому двигался мало, и это было плохо для его больного сердца. Активный образ жизни после ухода в отставку был для него спасением. Появилась одышка. Золотую свадьбу Борис Николаевич и Наина Иосифовна Ельцины отметили в очень узком кругу.

Погубила его сильная простуда — результат еще одной зарубежной поездки. 25 марта 2007 года он полетел в Иорданию, где несколько дней отдыхал на Мертвом море, потом перебрался в Израиль и осмотрел то место на реке Иордан, где, как считается, был крещен Иисус Христос. Опустил в реку руки, омыл лицо святой водой. 2 апреля вернулся в Москву.

Резкая смена климата — серьезное испытание для не очень здорового человека. Для Бориса Николаевича путешествие оказалось роковым. Ждали, что он придет на теннисный матч Россия — Франция. Ельцин связался с президентом Федерации тенниса Шамилем Тарпищевым, объяснил, что простудился и будет смотреть поединок по телевизору.

9 апреля 2007 года он позвонил послу на Украине Виктору Степановичу Черномырдину — поздравлял с днем рождения. Ельцин сказал, что собирается в Крым на неделю-другую, спросил, когда это лучше сделать. Черномырдин посоветовал подождать, пока потеплеет. Борис Николаевич поинтересовался, как дела на Украине, где в самом разгаре был политический кризис — после того, как президент Виктор Ющенко распустил парламент и назначил новые выборы. Ельцин — словно он еще был в Кремле — предложил свои услуги:

— Надо ли мне кому-то позвонить в Киеве?

— Борис Николаевич, — осторожно ответил Черномырдин, — пока не надо.

Виктор Степанович поинтересовался самочувствием Ельцина.

— Сердце побаливает, побаливает, — ответил Борис Николаевич.

18 апреля руководитель службы протокола первого президента Владимир Шевченко в последний раз говорил с шефом по телефону. Лежа на больничной койке, Борис Николаевич ему тоже пожаловался на боли в сердце, сетовал, что пока здоровье не улучшается.

На сей раз старания врачей не увенчались успехом. В последние три дня его самочувствие резко ухудшилось. В субботу ему стало совсем плохо. А утром в понедельник как будто бы отпустило. Но это было лишь временное облегчение. Его личный

охранник Анатолий Кузнецов зашел в палату, чтобы помочь шефу умыться, и у него на глазах Борис Николаевич потерял сознание. Больше в себя он не пришел.

Произошла остановка сердца. Реанимационная бригада запустила сердце, но вторая остановка оказалась последней. Наина Иосифовна Ельцина все время находилась рядом, в больнице. Когда ей сказали, что все усилия медицины оказались бесполезны, она с тоской в голосе произнесла:

— Я никогда не думала, что потеряю самое дорогое — и так быстро.

О смерти Ельцина президентская пресс-служба сообщила ровно через два часа. На «Эхе Москвы» стали переделывать новостной выпуск. Понадобились мнения разных людей. Я оказался под рукой, меня завели в студию. Получилось, что я первый, кто говорит об уходе Бориса Николаевича. Глядя в черный микрофон, я сказал:

— Ушла эпоха, ушел человек, определявший всю нашу жизнь на протяжении последних полутора десятилетий, и я думаю, настало время воздать ему должное. Несмотря на то что он услышал при своей жизни множество ужасных обвинений, отвратительных оскорблений, он прожил свою жизнь очень достойно, никогда не отвечал на эти обвинения и оскорбления, никогда никого не душил, никогда никому не запрещал говорить. Он ушел из власти, когда захотел это сделать. Его не выталкивали оттуда. Он останется в моей памяти человеком, который был исключительно мужественен, человеком, который выиграл все выборы, в которых участвовал. То есть всякий раз, когда он обращался к мнению народа, народ его поддерживал. Он ушел человеком, совершившим две ужасные ошибки, но я не буду сейчас о них говорить. Мы будем вспоминать о нем с благодарностью. Он сделал для России значительно больше, чем Россия сказала ему благодарственных слов…

На смерть Ельцина откликнулась вся страна.

Президент Владимир Путин позвонил Наине Иосифовне и выразил ей соболезнования. Вечером он выступил по телевидению, и слова его звучали искренне.

— Мы знали Бориса Николаевича как мужественного и при этом сердечного, душевного человека. Это был прямой и смелый национальный лидер… Ушел человек, благодаря которому началась целая эпоха. Родилась новая демократическая Россия — свободное, открытое миру государство. Благодаря воле и прямой инициативе Бориса Ельцина была принята новая Конституция, провозгласившая права человека высшей ценностью. Она открыла людям возможность свободно выражать свои мысли, свободно

выбирать власть в стране.

На пленарном заседании Государственной думы председательствовал вице-спикер Олег Морозов. Он предложил почтить память Ельцина минутой молчания. Только депутаты-коммунисты отказались вставать и не участвовали в похоронах первого президента России, которого всегда ненавидели.

Президент Путин перенес на день оглашение своего послания Федеральному собранию и своим указом объявил общенациональный траур. В преамбуле указа говорилось: «23 апреля 2007 года скоропостижно скончался первый Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин. Б.Н. Ельцин навсегда останется в памяти народа России как реформатор и последовательный сторонник демократических преобразований в стране…»

Председателем государственной комиссии по организации похорон первого президента страны Путин назначил руководителя своей администрации Сергея Собянина. Он организовал первые государственные похороны в новой России. В последний раз главу государства хоронили в Москве в марте 1985 года, когда скончался председатель президиума Верховного Совета и генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко. По православному канону в последний раз отпевали почившего в бозе императора Александра III в 1894 году. И в послании Патриарха Московского и всея Руси Алексия II говорилось: «Впервые за сто с лишним лет мы прощаемся с главой Государства Российского в храме, прощаемся с молитвой».

Представитель Русской православной церкви — отец Михаил Дудко, секретарь отдела внешних церковных связей, — заявил:

— Период правления Ельцина совпал с открытием новых перспектив для церкви. Ей передавались отобранные ранее храмы, монастыри, появились возможности для проповеди в средствах массовой информации, на телевидении умножились религиозные сюжеты. И уже за одно это, за возможность проповедовать об истине христианства перед светским миром нельзя не быть благодарным. Он не был религиозным человеком в том полном смысле, который церковные люди вкладывают в это понятие. Но он никогда не объявлял себя противником церкви.

Ельцин каждый год поздравлял патриарха с днем рождения, приезжал к нему в резиденцию в Чистом переулке, как всегда, с пирогом от Наины Иосифовны. Патриарх говорил, что ему нравятся ее пироги.

Гроб с телом Ельцина доставили в храм Христа Спасителя. Всю ночь семинаристы Сретенской и Николо-Перервенской семинарий читали над ним Псалтырь. Утром викарий патриарха

архиепископ Истринский Арсений отслужил заупокойную литургию.

Церемония прощания с Ельциным в храме Христа Спасителя началась во вторник, в половине пятого вечера. Гроб стоял в центре зала, почетный караул нес президентский полк. На двух скамейках сидела семья — на первой Наина Иосифовна с дочками и зятьями, на второй внуки.

Выстроилась большая очередь — от набережной. К середине ночи желающих попрощаться было больше всего. К утру поток спал. Цветы раскупали с невероятной скоростью. Попрощаться с Ельциным, по данным милиции, успели двадцать пять тысяч человек. Люди проходили мимо гроба, накрытого российским флагом, кланялись и оставляли цветы. Многие, кто побывал в храме Христа Спасителя, отмечали, сколько в этом нескончаемом потоке было хороших, открытых молодых лиц.

В среду в половине первого прекратили пускать в храм. Выставили кордоны из солдат внутренних войск. Появились почетные гости. Ближе к двум часам приехал президент Путин с женой. В храм прибыли все высшие чиновники государства и многочисленные иностранные гости, среди которых выделялись два бывших президента Соединенных Штатов — Джордж Буш-старший и Билл Клинтон.

Отпевание совершил старейший член Священного синода митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Патриарх Алексий II отсутствовал, потому что лечился в Швейцарии. Заупокойную литию на Новодевичьем кладбище совершил архиепископ Арсений.

Отпевание завершилось около четырех дня. Гроб вынесли и поставили в черный катафалк. С эскортом мотоциклистов его провезли по Волхонке и набережной и доставили в Новодевичий монастырь. Владимир Путин шел за гробом пешком. Здесь гроб переставили на пушечный лафет, который тащил бронетранспортер. Первому президенту были оказаны все воинские почести как бывшему Верховному главнокомандующему.

Место для могилы на Новодевичьем кладбище заранее выбрали дочь президента Татьяна Дьяченко и его зять Валентин Юмашев. Московский мэр Юрий Лужков сказал дочери Ельцина:

— Таня, как ты скажешь, так и будет.

На центральной аллее Новодевичьего кладбища положили новый асфальт, вдоль аллеи высадили цветы, памятники протерли.

Ельцина проводили артиллерийским салютом. Два офицера стали складывать флаг, которым был накрыт гроб, но это

получилось у них только со второго раза. Глава президентской администрации Сергей Собянин — на американский манер — передал сложенный флаг Наине Иосифовне.

Очень важные персоны, которые не поехали на кладбище, ждали остальных в Малахитовом зале Кремля, ели бутерброды и пили чай. Поминальный обед, обозначенный в приглашениях как «Траурный прием», прошел в Георгиевском зале Кремля. Многие места за столами пустовали. Официанты разливали «Царскую» водку, угощение показалось более чем скромным — блины, салаты, холодная рыба.

Путин произнес речь о Ельцине:

— Только такой лидер, какого вырастила и напитала своей энергией великая Россия, мог побудить и развернуть такую страну, как наша, к фундаментальным переменам. Став президентом благодаря поддержке миллионов граждан страны, он изменил лицо власти, сломал глухую стену между обществом и государством и своему народу преданно и мужественно служил.

Наина Иосифовна, с трудом сдерживая слезы, сказала:

— Спасибо и низкий поклон всем, кто разделил горечь утраты нашего любимого Бориса Николаевича. Все было настолько тепло и… красиво, хотя так, наверное, не говорят о похоронах. Я ничего подобного никогда не видела… Владимир Владимирович сказал так много и так емко. Если бы Борис Николаевич слышал, он был бы доволен… Господь Бог так распорядился, что он на мгновение потерял сознание, и он даже не знал, что он ушел от нас так надолго. Навсегда… Он всю жизнь служил делу. Дело было самым главным. Семья была на втором месте. Мы прожили долгую жизнь, более полувека вместе. Он действительно уникальный человек. Я всегда поражалась его способности мышления, оценке ситуации… Спасибо еще раз за память. Всем низкий поклон!

Прием не затянулся. Не прошло и часа, как стали расходиться. Наина Иосифовна перемолвилась несколькими словами с президентом Путиным.

А страна все три дня говорила о Ельцине и вдруг не без ностальгии — об эпохе, которую последние годы поминали только недобрым словом. Самого Ельцина считают разрушителем и возлагают на него ответственность за распад Советского Союза, тяжелый экономический кризис, хаос, политическую неопределенность, коррупцию и власть олигархов. Его эпоху называют десятилетием упущенных возможностей, временем великих надежд и разочарований. Но только ли Ельцин виноват в том, что не сбылись наши чаяния? Это задача не для одного человека. Мы наивно надеялись, что все произойдет как-то само

собой, без нашего участия. Что он все сделает за нас один. Не получилось, и тогда Ельцина стали топтать ногами с той же остервенелостью, с какой еще недавно потрясали его портретами на митингах и демонстрациях.

Считать его правление эпохой бесконечных провалов и неудач, понятное дело, крайне выгодно для наследников. А тут, после смерти Ельцина, вспомнили о том, что он был выдающейся фигурой, без которой невозможны крутые повороты истории, что он — первый избранный народом глава России. Сколько бы ни кричали об «антинародном режиме», Борис Николаевич — единственный, кто получил мандат народа (причем не единожды!) на свою политику. Более того, он первый, кто добровольно — в отличие от Николая II, Хрущева или Горбачева — оставил свой пост. И он первый глава государства, кто счел своим долгом дважды просить прощения за свои ошибки.

После смерти Ельцина вспомнили, какой была страна, когда он стал президентом, — очереди, пустые полки, забастовки и бунты. Вспомнили, что демократия и либеральные реформы заложили базу для нынешних экономических успехов.

На короткий миг изменилось государственное телевидение: на экраны вернулись его прежние соратники и помощники, которые не только называли Бориса Николаевича выдающимся политиком, чье имя навсегда вошло в историю, но и с тревогой повторяли, что основные достижения его эпохи либо отменены, либо поставлены под сомнение — прежде всего свободы и права человека.

Хочется воскликнуть: о каком месте в истории можно говорить применительно к человеку, которым все недовольны? Но пройдет время, и оценки изменятся. Ведь даже Леонид Ильич Брежнев, который при жизни был только объектом насмешек, персонажем анекдотов, сейчас оценивается иначе и многим кажется олицетворением стабильности, сытой и спокойной жизни.

Ельцин принадлежал к тем, кто делает историю. Он из породы людей, которые неостановимо идут к власти. Для них власть — это, пожалуй, единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальное доставляет лишь кратковременную радость. На наше счастье, Ельцин пришел к власти и оставался у власти с помощью механизма демократии. Нарушив историческую традицию, Ельцин перестал давить своих подданных, насильно тянуть нас в светлое будущее. Нельзя сказать, что народ ему за это сильно благодарен. В дни прощания с Ельциным прозвучали самые разные мнения.

Художественный руководитель театра Ленком Марк Захаров:

— Я не знал другого человека такой широты, ума, мужества и непредсказуемости. Я вместе со всеми верил, что первый президент России приведет нас к настоящей демократии. Однако теперь мы осиротели.

Борис Немцов:

— Ельцин был патриотом России, очень любил свою страну, но был не понят многими гражданами нашей страны. Он дал свободу и возможность себя реализовать. Он не любил цензуру, терпел оппозицию и поддерживал регионы. К сожалению, все те завоевания, которые он продвигал, а именно — свободная печать, многопартийность, защита местного самоуправления, политическая конкуренция, — все эти завоевания сейчас уничтожаются. Причем уничтожаются так жестоко, я бы сказал, беспощадно, что лучшая память о Ельцине будет, если мы вернем нашей стране свободу.

Геннадий Бурбулис:

— Это был человек выдающийся. Он сумел в самый ответственный момент взять ответственность на себя и уберечь страну от кровавого раздела наследства тоталитарного СССР.

Евгений Ясин, бывший министр:

— Это был большой человек по масштабам свершений, который прекрасно чувствовал свою эпоху и ее нужды. Несмотря на всеобщее неодобрение, он делал то, что было необходимо для страны.

Игорь Яковенко, секретарь Союза журналистов России:

— С его уходом закончилась эпоха, закончились наши российские, свободные, хмельные девяностые.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы:

— При том, что он был натурой властной, жесткой, воспитанной в советских коммунистических правилах тоталитарной системы, Ельцин каким-то непостижимым способом понял, как важно для России двигаться в направлении демократии. Хотя порой журналисты вели себя непростительно невежливо в отношении Бориса Ельцина, за все время своего президентства он ни разу не позволил себе какого-то упрека в адрес средств массовой информации.

Академик Евгений Велихов:

— Борис Николаевич был очень похож на Россию. Он был одним из нас. И именно это помогло ему идти против течения, а когда это было надо — говорить и делать то, что сказал бы и сделал каждый из нас.

Егор Гайдар:

— Будучи полновластным хозяином России, он использовал

это не для того, чтобы еще раз установить в нашей стране режим, похожий на самодержавие, а для того, чтобы, по крайней мере, дать нам надежду, за которую придется бороться, надежду на то, что у нас может быть демократический режим, при котором люди, пришедшие к власти, не держатся за нее до тех пор, пока держаться становится невозможно.

Анатолий Чубайс:

— Борис Николаевич сделал абсолютно невозможное. Он привел нас из несвободы к свободе. Из страны, в которой вранье было просто повседневным, повсеместным, всеобщим — от генерального секретаря ЦК до любого собрания, в страну, которая пытается жить по правде.

Маршал Евгений Шапошников:

— У нас в России на тот период, когда страной руководил Ельцин, не было человека подобного масштаба, который мог бы развернуть Россию в ту сторону, в которую мы сейчас идем. Он был прекрасным человеком. Очень тонким, несмотря на его большой рост и манеры крупного мужчины. Он все видел, все знал, все очень тонко воспринимал и чувствовал.

Сергей Степашин:

— Когда бушевал Северный Кавказ, этот человек брал ответственность на себя лично. Можно говорить об ошибках, о чем угодно, но он никогда не был трусом, и он не перекладывал свою личную ответственность за кого-либо другого.

Геннадий Зюганов:

— Как человек, уважающий православные каноны, я хочу воздержаться в день кончины Ельцина от дальнейших комментариев. Хороших слов у меня о нем нет, а плохие говорить сейчас не хочу. Умер человек, дела и политическая практика которого обернулись для России большой бедой и большим горем для миллионов людей.

Григорий Явлинский:

— Ельцин побеждал своих политических оппонентов, но никогда не уничтожал. То, что месть и сведение личных счетов, физическое устранение политических противников не стали частью государственной политики в девяностых годах, — его личная заслуга.

Михаил Горбачев:

— Да, были между нами и расхождения, причем большие, и это наложило отпечаток на то, что происходило в стране. Но в эти минуты я думаю о том, что оба мы хотели добра стране и ее народу.

Александр Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей:

— Если бы Ельцина не было, путч 1991 года, скорее всего, оказался бы удачным и Россия скатилась бы к тоталитаризму и югославскому варианту. У демократических сил тогда других реальных лидеров не просматривалось.

Народный артист Олег Басилашвили:

— Этот человек сделал для России так много, как ни один лидер ни до, ни после него. Он заставил нас поверить, что мы свободные люди и что от нас, а не от доброго царя, генсека или президента зависит наше будущее. Он запомнился как очень волевой человек, производящий впечатление гранитной глыбы, которую не свернуть, которая стоит на своем. Но вот эта его «гранитность» скрывала доброе и отзывчивое сердце…

Это была эмоциональная реакция на смерть Ельцина. Теперь, когда его тело предано земле и он стал частью истории, наступает время оценить его жизнь и личность. Ведь Борис Николаевич и в самом деле создал государство, в котором мы живем. Без него мы бы оказались совсем в другой стране.

Часть 1. ЗАВИДНАЯ КАРЬЕРА

Он не признавал местоимения «я»

Сам Борис Николаевич Ельцин вообще не любил говорить о себе, о своих мыслях, чувствах, эмоциях, планах и идеях. Никто, за исключением самых близких людей, не слышал его откровений. Если он вообще был способен на откровенность. Книги, написанные за него, не в счет. Другие, конечно, много чего наговорили о Ельцине, в том числе и всякой несусветной и обидной бессмыслицы. Надо отдать должное Ельцину. Он вел себя достойно. Стойко переносил клевету и никогда не отвечал ни на брань, ни на критику.

В январе 2000 года, через девять дней после ухода Ельцина в отставку, в Большом театре вручали премии «Триумф», присуждаемые выдающимся мастерам литературы и искусства. В царской ложе появился Борис Николаевич с Наиной Иосифовной. Зал встал. И тогдашний художественный руководитель Большого театра Владимир Васильев сказал ему фантастические слова:

— Вы триумфально пришли и триумфально ушли.

Зал вновь встал. Это было признание. Ему забыли все плохое. Люди отходчивы. Самый талантливый режиссер не сумел бы так искусно покинуть политическую сцену, как это сделал первый президент России, который в последний день XX столетия передал свое кресло в Кремле Владимиру Владимировичу Путину.

Высокий и немногословный Ельцин с его твердым характером более всего соответствовал вошедшему в нашу плоть и кровь представлению о начальнике, хозяине, вожде, отце, даже царе и нашему желанию прийти к лучшей жизни, которое должно совершиться по мановению чьей-то руки. Как выразился один замечательный историк, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо, какое существует в России, в которой атеизм многие десятилетия был одной из опор государственного мировоззрения.

Все его существо было настроено на достижение власти и на ее удержание. Летом 1989 года помощник президента СССР Георгий Шахназаров спросил Горбачева:

— А почему бы вам не удовлетворить амбиции Ельцина? Скажем, сделать его вице-президентом?

Михаил Сергеевич отрезал:

— Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. Ему нужна вся власть.

Ельцин принадлежал к числу людей, которые лучше всего

проявляют себя в роли полновластного хозяина. Он родился таким, такова была его генетическая структура. Вся его жизнь была подчинена этой внутренней программе. И даже когда он уходил в отставку (а он делал это дважды), то с глубоким смыслом. Не стоит забывать, что в его жизни первая отставка привела к победе и президентству, вторая — избавила его от всех проблем, которые преследовали его все последние годы.

Ельцин нисколько не сомневался, что его роль в истории России будет оценена по достоинству. И это произойдет вне зависимости от того, как поведет себя его преемник — будет ли он с уважением относиться к ушедшему в отставку первому президенту России или же по традиции возложит на него вину за все беды и неудачи.

Хотя Ельцин понимал, что при неблагоприятном развитии событий его, конечно, могли бы привлечь к ответственности за то, что при нем происходило. Один из его помощников говорил мне тогда, что Борис Николаевич, наверное, даже готов стать жертвой. Значит, он тем более войдет в историю. Говоря шахматным языком, это жертва ферзя ради выигрыша партии.

Но похоже, Борис Николаевич решил не рисковать и не захотел жертвовать собой, поэтому преемника тоже выбрал по собственному вкусу.

— Мне всегда говорили — и его охранники, и те из помощников, кто был к нему близок, — что он любит напористых, даже хамоватых, — рассказывал мне бывший руководитель президентской администрации Сергей Филатов. — Ему нравились люди инициативные, безусловно преданные, те, кому можно доверить свои тайны. Путиным он восхищался, потому что тот, став главой правительства, смело и твердо проводил линию в Чечне. А вот хлипких Ельцин не любил. И я заметил, он не любил совестливых глаз. Боялся их. Может быть, поэтому он не очень часто раскрывался, не хотел показать себя.

Считал ли Ельцин себя вождем, лидером? Размышлял ли о себе и о своем месте в истории?

Андрей Козырев, первый министр иностранных дел новой России:

— Он о себе вслух никогда не говорил. Это ему не было свойственно. Никогда не слышал, чтобы он занимался каким-то самоанализом. Но у него был ярко выраженный советский вождизм. Он же секретарь обкома. Он считал, что может и должен руководить, что это естественная для него роль. Но при этом о себе не говорил! Это тоже представление о мистичности власти. Советская бюрократия была страшно замкнутая и закрытая. Мы ведь видели только портреты, и эти люди старались вести себя

как портреты даже между собой. С определенного уровня человек вел себя особым образом — мало говорил и только произносил лозунги, отдавал руководящие указания, в том числе своим детям. Почему в этих семьях было много наркоманов и пьяниц? Потому что у них не было нормального общения с родителями, в семье не было отца или деда, а был член политбюро. Внуки и дети не знали, что думает отец или дед… У Бориса Николаевича это тоже чувствовалось. Хотя в своей семье он был нормальным папой и дедушкой, я это видел…

— И все-таки он, наверное, думал о себе: «Это я построил новую Россию»? — спросил я у Георгия Сатарова, бывшего помощника президента.

Сложно ответить. Ельцин — человек, который не признавал местоимения «я». Это особенно заметно по его выступлениям. Когда я стал участвовать в подготовке его речей, один из первых уроков, которые мы получили: Ельцин не любит местоимения «я». Это проявлялось и в общении. Он про себя очень не любил говорить. Мне просто трудно вспомнить, чтобы он произнес: «Мне это неприятно». Когда нужно было сказать о себе, он говорил в третьем лице: «президент». Журналисты его на этом ловили — но это не мания величия! Это совсем другое! И о своих чувствах, эмоциях он не говорил. Так что можно только строить предположения.

— Когда он разговаривал с окружающими, видно было, что Ельцин всякую минуту помнит, что он — президент?

— Да, безусловно. Это часть его игры. «Я первый президент России и поэтому должен быть именно таким».

— А это сознание собственного величия не переходило в обычное начальственное барство?

— В личном кругу, среди помощников, членов президентского совета, я этого не замечал. Рассказы такого типа слышал, но это, может быть, касалось самых близких людей, которых Борис Николаевич использовал, чтобы сорвать на них напряжение, разрядиться как-то. Он мог бросить какую-то не понравившуюся бумагу, но не в лицо. Конечно, мог проявить раздражение… Но это видели только самые близкие люди.

— Грубости я никогда не видел, — вспоминает Козырев. — Барского, советского хамства тоже не встречал — ни в отношении к себе, ни к другим. Он всегда обращался на «вы» — за исключением редких случаев интимного общения вне работы. И по имени-отчеству. Он вообще не ругался матом. У нас в ряде случаев это просто общепонятный технический язык, а он этого не выносил. В работе с ним было много приятных сторон, царила более культурная, интеллигентная обстановка, чем в советские

времена.

В президентском клубе, где собиралось высшее руководство страны — заниматься спортом или ужинать, — Ельцин даже ввел штраф: сто рублей за каждое нецензурное слово. Желающие рассказать скабрезный анекдот сразу выкладывали деньги, а потом веселили публику. Но Ельцин к этому все равно относился неодобрительно, хотя анекдоты любил.

— Звучит удивительно! Всегда считалось, что Ельцин — обкомовский человек, чуть что — кулаком по столу. Или это он не со всеми себя так вел? — продолжаю я беседу с Сатаровым.

— Он же артист, — отвечает мой собеседник. — Умел играть. Он, может быть, не всегда правильно строил свою роль, но всегда играл. Он, может быть, с нами тоже играл, но то была другая игра — с теми, кого он сам выбрал, кто ему должен помогать. Он иногда любил говорить добрые слова. Например: «Георгий Александрович, я наблюдаю за вашей работой, даже знаю о ней больше, чем вы думаете, и я вами доволен». В этих словах тоже была своя игра. Но приятная…

Ельцин совершал ошибки, ведь и самый гениальный шахматист иногда проигрывает. Он потерпел множество мелких поражений, он оставил страну в бедственном положении, но в борьбе за власть выиграл все основные битвы. В этом его отличие от Горбачева, блистательного тактика, который одерживал одну мелкую победу за другой, но проиграл главную битву и лишился власти. Ельцина никто не сумел лишить власти. Он ушел сам, когда счел это целесообразным.

Борис Николаевич вступал в борьбу, когда становилось ясно, что команда может проиграть. Тогда он брался за дело, и ситуация сразу менялась. В нем решение должно было созреть. Когда это происходило, он действовал. А так он мог как бы дремать, порождая самые странные предположения на свой счет.

— Он хитрый, — говорит Андрей Козырев. — Он следил за всем полем. И многие ошибались, думая, что он уже потерял хватку. Впечатление создавалось такое, будто крокодил спит. И я видел, как многих людей это подводило. Он, возможно, специально делал вид, что спит. Хотел посмотреть: а как они себя поведут?..

Противники Ельцина относились к нему уничижительно. Но как же в таком случае ничтожны его противники, которые постоянно ему проигрывали! Наверное, многим это сознавать неприятно, но он побеждал во всех выборах, в которых участвовал. Ему дважды пытались объявить импичмент. Причем оба раза депутаты — сначала Верховного Совета, потом Государственной думы — были уверены, что избавятся, наконец,

от этого человека. И все равно Ельцин их обставил.

Мелкий политик, как и шахматист средней руки, ставит перед собой конкретную цель, достигнув ее, переходит к следующей, словом, карабкается наверх шаг за шагом, всякий раз просчитывая всего лишь несколько ходов вперед.

Гроссмейстер, шахматист от Бога, сразу представляет себе, как будет развиваться вся партия и какая позиция ему нужна, чтобы добиться успеха. Так и прирожденный политик Ельцин сначала формулировал в голове окончательную цель и лишь потом думал о том, как к ней приблизиться, что нужно сделать сейчас, а что потом. По словам некоторых его помощников, наблюдать за действиями и ходами Ельцина было так же интересно, как следить за игрой шахматного чемпиона Гарри Каспарова или слушать лекции гениального физика Льва Ландау.

Занимаясь политикой всю жизнь, Ельцин конечно же многому научился. Но главное было заложено в нем с детства. В прежние времена Ельцин завоевывал сердца избирателей в тот момент, когда неожиданно улыбался, крепко жал кому-то руку и произносил одну, максимум две фразы. И это не те фразы, которые в состоянии выдумать самые талантливые консультанты. Это простые фразы, которые подсказывал Ельцину его политический инстинкт.

— Это был беспредельно талантливый человек, — вспоминает Георгий Сатаров. — Борис Николаевич учился, впитывал от других. У него была колоссальная память. Он любил ею блеснуть, фундаментально готовился к поездкам, и мы ему всегда организовывали общение с интеллектуалами, независимыми экспертами, чтобы он мог обогатиться. Ему это дико нравилось!

На серьезной международной встрече он мог повергнуть своего партнера по переговорам в полное недоумение интересными подробностями, неожиданными поворотами. Он это обожал! Поэтому ценил, когда ему предлагали оригинальные идеи, выкладывали интересную информацию. Он все впитывал, понимал с ходу. Это не было систематическим образованием, но внутренний талант позволял ему умело эксплуатировать новые идеи.

Советское, конечно, в нем тоже оставалось. Прежде всего это касалось каких-то общих вещей, понимания принципов управления страной. Ему все-таки самым важным казалось управление через кадры. Это классическое советское искусство. Новый принцип — естественное управление посредством законов — давался Ельцину тяжело…

— Он всё и всех помнил, — говорит Евгений Савостьянов,

бывший заместитель руководителя президентской администрации. — Ему не надо было, называя фамилию, объяснять, о ком идет речь… Ельцин все мгновенно усваивал и умело пользовался информацией. Причем цитировал и цифры и факты на память, не заглядывая в бумаги. Он сначала побаивался поездок за границу, поэтому, готовясь, собирал специалистов, внимательно слушал их и старался разобраться.

Он получал огромное количество информации, все читал и запоминал. Он человек с феноменальной памятью, это свойство многих партийных работников, можно сказать, критерий профессионального отбора. Без отличной памяти невозможно было продвинуться наверх, потому что приходилось часто менять сферу деятельности и заниматься вещами, о которых еще вчера не имел ни малейшего понятия.

Поэтому, когда Ельцин принимал заведомо неудачные решения, никто не хотел верить, что это он сам придумал. Грешили на других, на тех, кто дает ему советы. Хотя его окружение никогда не позволяло себе выходить из определенных рамок. Ссылки на окружение лишь маскировали ясно выраженную президентскую волю.

Он менялся. Он расстался со многими представлениями и мифами советских времен.

После того как осенью 1999 года в немецкой клинике умерла от лейкемии Раиса Максимовна Горбачева, Ельцин послал за ее телом самолет из правительственного авиаотряда. Вражда двух президентов осталась в прошлом, делить больше нечего и незачем. Возможно, Ельцин понял, что все в жизни преходяще и перед лицом смерти уже ничто не имеет значения.

Он многое в себе поборол. Он так и не захотел стать диктатором, даже не пытался. Средства массовой информации годами буквально обливали его помоями. А он решил для себя, что свобода печати должна сохраниться, и ни один журналист его не боялся. Разносить президента было безопаснее, чем любого чиновника в стране.

Его не раз толкали в сторону чуть ли не военной конфронтации с Западом. Анатолий Чубайс однажды рассказал журналистам о том, как шло совещание в Кремле по поводу расширения НАТО:

— Какие там варианты обсуждались! Просто волосы дыбом вставали. Пересмотр бюджета, деньги на военно-промышленный комплекс, поддержать Федеральную службу безопасности и другие спецслужбы, усилить разведку, мобилизация экономики, Центральному банку денег напечатать…

И все-таки Ельцин на это не пошел. Чувствовал, что может

погубить страну.

Аналитикам казалось, что Ельцин постоянно ошибается, все делает не так, как надо. Но аналитики руководствуются обычной логикой, основываясь на известных им фактах, на анализе ситуации. А у него была совершенно иная логика, основанная на интуиции, а не на изучении деталей.

— Он производил впечатление человека, который не хотел вникать в детали, хотел из всего сразу получить главное, конкретное, — вспоминает генерал армии Андрей Николаев, бывший директор Федеральной пограничной службы. — Он не хотел вникнуть в суть вопроса. Он хотел получить ответы на тот блок вопросов, который был ему интересен, и извлечь главное звено — то, что он считал важным… Ельцин очень опытный политик.

— Когда я обращался к нему с каким-то делом, он иногда мог сказать: «Ну что, вы сами не можете решить этот вопрос?» — рассказывает Андрей Козырев. — Это означало, что он оставляет себе свободу рук, чтобы потом, в случае неблагоприятного развития событий, иметь возможность сказать: вот я вам доверил, а вы ошиблись. Но мне важно было позвонить и доложить. Я, по крайней мере, честен: я не взял на себя то, что не должен был брать. А если он хочет оставить себе свободу рук — это его право…

Ельцин быстро принимал решения, но не спешил их обнародовать. Устраивал совещания, выслушивал противоположные мнения, иногда казалось, что он склоняется в сторону тех, с кем в реальности не согласен. Те, кого он в действительности поддерживал, уже готовы были подать в отставку, и тут он объявлял решение, которое для многих становилось неожиданным.

— Он полагался на мнение окружающих его людей? Или как-то сразу понимал: это хорошо, а это плохо? — задал я вопрос Георгию Сатарову.

— Во-первых, он для себя решал, можно ли полагаться на то, что говорит этот человек, или нельзя. Я уверен, что он собирал информацию об окружающих его людях, да ему и стучали на всех. Во-вторых, конечно, у него были собственные представления о том, как надо решать многие проблемы.

Однажды Сатаров пришел к президенту с аналитической запиской, в которой предсказывались напряженные политические баталии:

— Борис Николаевич, вы, конечно, все знаете и без меня, но нас ждут такие вот потрясения…

Ельцин положил руку на стол:

— Давайте поспорим, что все будет нормально? Сатаров заулыбался:

— Борис Николаевич, я с удовольствием поспорю и с еще большим удовольствием проиграю, но я обязан отработать и наихудший вариант.

Президент согласился:

— Это правильно, это ваша обязанность.

Но в конце концов президентская интуиция победила расчет его помощников…

— Значит, он действительно обладал интуицией, о которой некоторые говорили с восхищением?

Он хорошо знал политическую элиту, знал людей, с которыми имеет дело, и это помогало его интуиции. Вот пример — отставка Примакова. Если бы в тот момент я был помощником президента, я бы ему сказал, что ни в коем случае этого не надо делать. Нельзя трогать Примакова — будут большие потрясения. Я был в этом уверен на сто процентов. Он бы мне так же протянул бы руку: давай поспорим, что все пройдет спокойно! И он оказался прав…

Дегустация коньяка по-президентски

История болезни Бориса Николаевича Ельцина составляет не один толстенный том. Букета даже известных всем нам заболеваний достаточно, чтобы другого человека — не президента — давно отправили на покой. Правда, нам постоянно говорили, что его интеллектуальные способности не затронуты. Но в последние годы президента Ельцина на телевизионном экране мы видели малоподвижного человека, который говорил крайне медленно и с видимым трудом.

— Обычно человек говорит так же, как и думает. Борис Николаевич только на экране был такой или в жизни тоже? Он производил впечатление тугодума. Или же это стало следствием одолевавших его болезней?

— Он был интровертом, — отвечает Георгий Сатаров. — Интроверты всегда говорят медленно. У них процесс речи связан с приоткрыванием самого себя, это проблема для них. Он не был человеком живой речи. Такова его физиология, личная психофизика.

Со стороны странно было наблюдать, как Борис Николаевич медленно, словно с трудом, букву за буквой выводит на документе свою простую подпись. Когда нам показывали такую сцену по телевидению, это воспринималось как очевидный симптом каких-то серьезных болезней. То ли рука ему не подчиняется, то ли он вообще с трудом управляет собой.

Но люди из ближайшего окружения Ельцина уверяют, что так было всегда. Многие люди подписываются быстро и размашисто. Борис Николаевич всегда медленно и старательно выводил свою подпись. Вообще относился к этому делу всерьез.

Возможно, в молодые годы он не был таким. Но, обосновавшись в Кремле в роли президента самостоятельной России, Борис Николаевич серьезно изменился. У него были свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль. Изменились его манеры, взгляд, даже походка стала неспешной. Он стал избегать стремительных движений — теперь они казались замедленными…

— Подпись под указами или распоряжениями — дело десятое. Значительно важнее другой вопрос — как он реагировал на поступающую к нему информацию, понимал ли, что ему хотят сказать, объяснить, доказать? Его реакция была такой же замедленной? Или же он достаточно быстро соображал, но не подавал виду, не спешил проявить свои эмоции? — продолжал я

задавать вопросы Сатарову.

— По глазам, по мимике можно были видеть, как он реагирует — и ловит быстро. А выдавал свою реакцию медленно. Может быть, внутри переваривал… Но ловил быстро.

— Он вообще был человеком немедленных, быстрых реакций, — считает Сергей Филатов. — Если его что-то зацепило, он мог тут же по селектору позвонить: тут у меня Филатов, есть интересная мысль, давайте сделаем то-то и то-то… Если его идея захватывала, он тут же начинал действовать.

— В разговоре Ельцин предпочитал слушать или говорить? — спросил я у Евгения Савостьянова.

— Как правило, больше приходилось говорить самому. Он слушал. Не отличался говорливостью. Он вызывал человека не для того, чтобы при нем произносить речи. Он вызывал, чтобы выслушать подчиненного о его работе, иногда дать какие-то указания, замечания.

— Ельцину интересно было беседовать с человеком, который приходил к нему по делу? Он внимательно слушал, вникал? Смотрел в глаза собеседнику или безразлично отводил взгляд?

Пока ты говорил, он всегда смотрел тебе в глаза. По всей вероятности, хотел понять, насколько ты сам готов к разговору, в какой степени владеешь материалом. Обычно такие встречи длились минут двадцать. За это время надо доложить, как идут дела по тем направлениям, которыми занимаешься. На каждый вопрос уходило три-четыре минуты. Нельзя растекаться мыслями по древу и философствовать.

— Вас заранее предупреждали, по какому вопросу предстоит докладывать президенту?

— Нет, просто говорили: «Президент вызывает сегодня на двенадцать часов. Встреча в таком-то помещении». Дальше это его дело, о чем он будет спрашивать. Ты идешь докладывать свое. Но через двадцать минут надо встать и уйти. С Ельциным можно было спорить. Но желательно не публично. Не следовало, скажем, на совещании обязательно стараться настоять на своей точке зрения, чтобы президент вначале сказал одно, а потом признал: вот, Иван Иванович все правильно придумал, а я ошибался…

Но спорить с ним можно было, с этим соглашаются все, кто работал с президентом. Он всегда выслушивал своих сотрудников и никогда не говорил: «Заткнитесь, замолчите!» Он любил полагаться на профессионалов. Резолюцию «Не согласен!» можно было увидеть очень редко. Как ни странно.

Ельцин был надежным партнером: если он принял решение, то от него не отступался. Это происходило только в том случае, если ему подсовывали какую-то ненадежную бумагу, которую

потом оспаривали другие чиновники. Если его с аргументами в руках убеждали в необходимости какого-то решения, он соглашался. Вел себя порядочно. Он знал, что принял это решение и разделяет ответственность за него. Даже если не подписал документ, а всего лишь сказал: «Действуйте по своему усмотрению».

Бывало другое: он знал, что решение заведомо непопулярное, и хотел, чтобы критиковали какое-то ведомство, а не его самого. Тогда разыгрывалась соответствующая игра: президент возмущался тем, что принимаются какие-то решения, о которых он ничего не знает! Таким образом он выводил себя из-под удара.

Вопрос к Андрею Николаеву, бывшему директору Федеральной пограничной службы:

— А переубедить Ельцина можно было? Или если он занял какую-то позицию, то будет до последнего стоять на своем? И его с места не сдвинешь?

— Вполне можно было. Он совершенно точно чувствовал, когда человек квалифицированно докладывает, а когда пытается лапшу на уши вешать. Мгновенно мог оценить ситуацию и сказать: «Хорошо, спасибо, идите работайте». Он не занимался политесами, мог любого остановить, сказать: «Разберитесь, мы к данному вопросу еще вернемся». Как правило, в следующий раз этому человеку не скоро представлялась возможность докладывать президенту.

Но мстительным он не был. Плохого работника мог без сожаления уволить, но поверженного не топтал. И тех, кто не подчинялся его воле, тоже не заносил в черный список.

— На людях он воплощался в личность жесткую, бескомпромиссную, на первый взгляд откровенно пренебрежительно эксплуатирующую человеческий материал, — рассказывал журналистам Геннадий Бурбулис, который когда-то был очень близок к Ельцину. — Но наедине он был совсем другим человеком: достаточно мягким, внимательно относящимся к своему собеседнику…

Эдуард Россель, губернатор Свердловской области, рассказывал журналистам, как в семидесятых годах, когда он работал на комбинате Тагилтяжстрой, его пытались сделать председателем горисполкома в Нижнем Тагиле. Ельцин, тогда еще секретарь обкома, приехал в город, вызвал Росселя и сказал:

— Вы, конечно, знаете, что у нас нет председателя горисполкома?

— Знаю.

— Так вот, я переговорил с секретарями райкомов партии, парткомов, рабочими, советом директоров Нижнего Тагила — все

единогласно рекомендуют вас.

И Россель вдруг отказался. Ельцин был изумлен. Он всегда вертел в левой руке, на которой не хватало двух пальцев, карандаш. Услышав отказ, Ельцин от раздражения сломал карандаш и металлическим голосом произнес:

— Я ваш отказ запомню и не прощу.

Тем не менее Ельцин продолжал ценить Росселя и продвигал его по строительной части.

Генералу Николаеву президент сказал:

— Вы будете ко мне приходить раз в неделю в такой-то день.

Николаев попросил сделать так, чтобы он имел возможность обращаться к президенту по делам службы в любое время.

— Поэтому мы достаточно часто встречались, — вспоминает Николаев. — К каждой встрече предварительно готовили материалы, которые позволяли президенту заранее вникнуть в тему. Как правило, начало разговора показывало, что он читал, разобрался и понимает, о чем идет речь и какие проблемы я бы хотел решить. Я надеялся обсудить один-два вопроса, самых важных, но в беседе мы выходили на решение, может быть, и десяти вопросов. Он сразу давал необходимые поручения.

— Вам приходилось его заставлять принимать нужные вам решения? — спросил я. — Или он в принципе прислушивался к вам как к специалисту?

— В девяти случаях из десяти принимал мои предложения. Мы никогда не предлагали президенту непродуманные, спонтанные решения. Если он не считал возможным согласиться, то говорил: «Давайте еще подумаем, а вы посоветуйтесь». И называл имена людей, с которыми я должен встретиться. Добавлял: «Вернемся к этому вопросу через две недели». Не было случая, чтобы он не вернулся к этому вопросу в условленное время. Пустых разговоров, не связанных с темой, у нас практически никогда не было. Никаких бесед о жизни. Только то, что касалось работы и службы.

— То есть президент не испытывал желания просто поговорить, расспросить, что-то самому рассказать?

— Нет. И у меня никогда не было в мыслях использовать время, которое мне предоставлено, для того, чтобы решать какие-либо иные вопросы, кроме службы.

— Вы могли разбудить его среди ночи? Была такая техническая возможность?

— Если возникала нужда, то да.

— Он не обижался?

— Он просто знал, что я никогда не сделаю этого зря. Если Николаев звонит ночью (а это случалось, может быть, раза два),

значит, это совершенно необходимо.

— А не было случая, когда он реагировал эмоционально: ну что вы ко мне с этим пристаете?..

— Нет. Никогда не было. Он знал, что я не пристану к нему, как вы выразились, с чем-то несерьезным…

Многие знающие Ельцина отмечали его очень сильное качество — умение слушать. Тот, кто умел убедительно говорить, способен был добиться от президента большего, чем тот, кто представил самый точный и разумный анализ, но в письменном виде. Ельцин предпочитал не читать, а слушать.

Но, как известно, недостатки — это продолжение наших достоинств. Тот, кому удавалось втереться в доверие, кто научился убеждать президента, использовал свое умение себе во благо. Когда Ельцин прислушивался к таким людям, это приводило к печальным последствиям.

— Я понимаю, что руководитель все в голове держать не может, — говорит Сергей Филатов. — Он доверяет своим помощникам, доверяет тем, с кем общается, кто к нему приходит. Не случайно говорили: у Ельцина мнение последнего посетителя.

— Да вы поймите, что в тот момент решения принимались с ходу, времени на анализ не было! — возражает Андрей Козырев. — История не отпускала времени на долгие размышления. Было так: человек приходил к президенту не с идеей, а с последней новостью — что-то случилось! Это же меняет ситуацию, верно? Если дом горит, надо вещи выносить. А человек, который утром приходил, он еще не знал, что дом сгорит. И советовал проводить капитальный ремонт. Решение изменилось, но изменилась и ситуация. Так что не совсем честно его за это упрекать.

Люди, добравшиеся до вершины власти, кажутся нам какими-то особенными. В определенной степени это так и есть. Испытывал ли Борис Николаевич какие-то обычные чувства, доступные всем нам? Точный ответ могут дать только самые близкие люди. Он был закрытым человеком и прятал эмоции. Но ни чувством юмора, ни чем-либо иным природа его не обделила.

Осенью 1995 года на пресс-конференции Ельцину прислали записку: «Думаете ли вы о Боге, Борис Николаевич?»

Ельцин удивленно переспросил:

— О чем?

Его тогдашний пресс-секретарь Сергей Медведев повторил:

— О Боге, о великом. Это записка от тверских журналистов.

Ельцин ответил охотно:

— Вчера полдня только о Боге и думал. Был на богослужении, потом участвовал, хоть и немного, значит, в

крестном ходе. Потом был, значит, на крестинах своего внука, успел под самый конец, чтобы, не дай бог, без меня другим именем не назвали. И только, понимаешь, отец Георгий хотел имя назвать, я говорю: «Глеб», и он сказал: «Глеб». И все, и на этом дело закончилось… Конечно думаю.

Медведев обратился к залу:

— Еще вопросы?

Ельцин проявил инициативу:

— Ну дайте девушке, уж вся извелась, понимаешь. Медведев попросил другого журналиста потерпеть:

— Уступите девушке? Уступает девушке. Корреспондентка петербургского телевидения спросила Ельцина:

— Борис Николаевич, в народе есть свое представление о российском президенте. Ну, общеизвестно, что крепкий политик, сибирский мужчина, семьянин, теннисист, а что бы вы сами добавили к этому?

— Что, и негативные стороны тоже говорить?

— Нет, просто как вы думаете, что бы вы сами добавили, чтобы образ получился цельный?

— Нет, я согласен с тем, что вы сказали. Журналисты расхохотались и захлопали. Профессиональный политик по определению циничен,

иначе он едва ли добьется успеха.

— Ельцин был равнодушен к горестям и трагедиям жизни? — обращаюсь я к Андрею Козыреву.

— Я был очень близок с ним в первую чеченскую войну, — отвечает Козырев, — и видел: он чудовищно переживал, видя гибель гражданского населения, разрушения. Другое дело, что в нем политик и администратор всегда брали верх над личными переживаниями. Но только незнающие могут говорить, что ему все было безразлично.

Никакого цинизма в нем не было. В нем была политическая рациональность.

— Но Борис Николаевич так легко расставался с самыми близкими людьми, что создавалось ощущение, будто он вовсе не способен к обычным человеческим эмоциям.

— У него личные привязанности не довлели над политической целесообразностью, как он ее понимал. За это его можно критиковать, но политик такого плана должен ставить во главу угла дело, а не личные отношения. И я бы мог сказать: мы пять с лишним тяжелых лет были вместе, и вдруг он меня сдает… Но я понимаю, что он руководствовался только политическими интересами. Нельзя критиковать его за то, что он политические соображения ставил выше личных отношений…

Соратники, союзники и помощники были нужны Ельцину для выполнения определенной цели. Как только цель достигнута, он расставался с этими людьми. Особенно если они начинали говорить о нем что-то плохое, как это произошло с Коржаковым.

Он уволил своего помощника Льва Суханова, который прошел с ним самые трудные годы и был исключительно ему предан, и даже не нашел времени для прощальной аудиенции. Суханов вскоре умер, так и не услышав слов благодарности за верную и беспорочную службу. Расставшись с ненужными работниками, Ельцин тут же набирал себе новую команду, которая добивалась вместе с ним следующей цели.

Общение с Ельциным не было простым. Он умел быть разным. И заранее невозможно было узнать, с кем сегодня встретишься.

— Я это наблюдал много лет, — вспоминает Андрей Козырев. — Может утром раздаться звонок человека, который говорит медленно, с трудом — такое впечатление, что у него в голове проворачиваются какие-то жернова. А вечером вы встречаетесь с человеком, который очень быстро на все реагирует, шутит. Причем это могло измениться за несколько часов. Мы разговаривали с ним минимум раз в день. Всякий раз я пытался в первую же секунду оценить: с кем я беседую? От этого многое зависело: как докладывать? В какой форме? Либо совсем упрощенно — в расчете на жернова, тогда и сам начинаешь говорить медленно, чтобы это проникло в жернова. Либо ты должен был делать это в совсем иной манере — с шутками.

— А с чем это было связано? — задаю я вопрос.

— Не могу вам сказать.

— Но была какая-то закономерность?

— Не определил. Я просто знал, что это так. Особенно это важно было понять при телефонном разговоре. При встрече сразу можно оценить, в каком он состоянии. А по телефону это гораздо сложнее, ты же человека не видишь. Легче было, если он сам звонил. Пока он выговаривал первые фразы, можно было представить, в каком президент настроении. А если сам звонишь? Он откликается: да, здравствуйте. А дальше надо излагать дело, но совершенно не знаешь, с кем из двоих ты сейчас столкнешься. А от этого многое зависит. Если вы человеку, который находится в заторможенном состоянии, начнете быстро, с шуточками, с вензелями что-то рассказывать, он ничего не поймет. В то же время, если человеку, который находится в прекрасном расположении духа, все соображает, начнете медленно что-то втолковывать, вы и половины не расскажете из того, что нужно.

— На службе он был один, а в неформальном общении, где-

нибудь на даче, — совсем другой?

— Нет. Уезжая с работы, Ельцин, насколько я знаю, никогда не прекращал работать, заниматься политикой. Он не переключался, за исключением игры в теннис. Да и на корте мог начать говорить о том, что обсуждалось днем.

— А зачем он вас звал к себе на дачу? Вы с ним такие разные люди.

— Он считал, что с теми, с кем он часто общается — это некое политбюро, состоящее из наиболее важных министров, — у него должны быть не только официальные, но и дружеские отношения. И он их целенаправленно развивал. Потом уже и привычка к общению возникла. Это было движение не столько души, сколько ума, который говорил, что с этими людьми должны быть и неформальные, товарищеские отношения…

В прежние годы Ельцин активно общался со своими приближенными. Пока был здоров, играл с ними в волейбол, потом в теннис — четыре-пять раз в неделю. Если проигрывал, то настроение у него безнадежно портилось. Он купался, даже если температура воды не превышала одиннадцати градусов. Весной и осенью плавал в Москве-реке, буквально расталкивая льдины, чувствовал себя после этого прекрасно. Ельцин любил застолье, устраивал званые ужины в президентском клубе в особняке на Воробьевых горах.

Жизнь высшего эшелона власти в России была устроена несколько необычно. Собирается министр вечером после работы домой, ему звонит президент:

— Ну как, сегодня в теннис играем? Поужинаем? Могло быть иначе. Министр уже садится в машину, когда его охранник спрашивает невинным голосом:

— Ну как, в президентский клуб поедем?

— А почему в клуб?

— Потому что там Борис Николаевич, — со значением говорит охранник.

Министр откладывал любые дела и ехал в клуб. Отказ не предполагался. Причем было известно, что если президент не желал кого-то видеть, то охрана министру о клубе не напоминала. Когда Ельцин стал болеть, посиделки с обильной выпивкой и закуской прекратились. Смена образа жизни была полезна для печени. Но одновременно Борис Николаевич лишился общения, распался круг людей, которые худо-бедно рассказывали ему о происходящем вокруг.

Ельцин был прост в обращении, не высокомерен.

Его тренер по теннису Шамиль Тарпищев, ставший потом министром спорта, описывал в газетном интервью, как он близко

познакомился с Ельциным. Тарпищеву позвонил начальник президентской охраны генерал Александр Коржаков:

— Шамиль, надо срочно поехать в аэропорт встретить президента Международного олимпийского комитета Самаранча.

Тарпищев поехал, но в аэропорту маркиза Хуана Антонио Самаранча не оказалось. Позвонил Коржакову. Тот сказал:

— Ладно, приезжай на дачу к Самому, доложишь. Ельцин выслушал его и говорит:

— День у вас все равно потерян. Оставайтесь. Пообедаем, в бильярд сразимся.

— Ну, я и остался, — заключил Шамиль Тарпищев. Как оказалось, надолго.

При Ельцине теннис стал символом здоровья и динамизма новой политической элиты. В теннис играли самые близкие к президенту люди.

Всякие неожиданные перемены в настроении Ельцина, его внезапные исчезновения из Кремля, когда он пропадал то на несколько дней, то на неделю, оставив дела и бросив страну на помощников, трактовались однозначно: Борис Николаевич злоупотреблял горячительными напитками.

В советские времена Аркадий Иванович Вольский работал в отделе машиностроения ЦК:

— Я знаю Бориса Николаевича лет тридцать. Не раз летал в Свердловск, где он был первым секретарем обкома. Наблюдал его и в таком виде, и в таком. Иногда после полета в Свердловск надо было три дня отгулов брать. Как навалится: «Ты что, не хочешь за Брежнева выпить? Ты что, вообще за партию не хочешь?»

К спиртному Ельцин привык еще на стройках. Свердловская область соревновалась с Днепропетровской. Первый секретарь Днепропетровского обкома Евгений Викторович Качаловский, вернувшись домой, с восхищением рассказывал:

— Борис Николаевич мог вечером выпить литр. Утром все в разобранном виде, еле языком ворочают, а он в шесть утра уже на стройке, «накачку» дает. Истинно уральская натура.

— На ваших глазах Борис Николаевич много пил? — спросил я Андрея Козырева.

— У нас есть определенные традиции застольного общения, — дипломатично ответил бывший министр иностранных дел.

— Но это сказывалось на работе?

— Ничего, что выходило за рамки традиций, я не наблюдал, — последовал еще более дипломатичный ответ.

Я задавал те же вопросы и другим людям, которые работали с Борисом Николаевичем, ведь страна была уверена, что первый

президент выпивал.

— Так насколько заметна была его страсть к спиртному в близком общении? — спросил я у генерала Николаева.

— Могу сказать абсолютно честно, я никогда не видел президента выпивающим. Ни разу. Ну, кроме шампанского при подписании официальных документов. А так ни разу не видел, хотя обедал вместе с ним.

— А вкусно кормили у президента?

— Просто. Я, во всяком случае, особых изысков не видел. Кормили прилично, но ничего особенного. Вообще, меня тема питания не очень интересует, в еде я человек скромный, можно даже сказать, аскетический. К тому же обед опять-таки носил деловой характер. Он обычно предлагал: «Хорошо, давайте продолжим разговор за обеденным столом». Принципиальные вопросы мы уже решили, а во время обеда обговаривали детали…

— Мне пришлось всего один раз за время службы в Кремле видеть его пьющим водку, — вспоминает Георгий Сатаров. — В этот момент я и сам это делал. Это было на стадионе в Лужниках. Было очень холодно, мы приехали туда с Сашей Лившицем, помощником президента по экономике, а потом неожиданно появился президент. В ложе для особо важных персон всегда накрыт стол, и, уходя, он поднял рюмку водки и уехал… Я видел, как он на приемах пьет шампанское, но потом и это прекратилось. Я помню встречу Нового года. Мы, помощники, пришли его поздравить. Подняли по бокалу. Он грустно сказал: «Вам налили шампанское, а у меня заменитель». Врачи ввели ограничения, и, насколько я знаю, после 1995 года употребление напитков пошло резко вниз. Хотя, может быть, отдельные рецидивы были… А до этого случалось. Я не был свидетелем, но видел последствия.

— А это сказывалось на работе? С похмелья не срывал какие-то важные дела?

— Что касается тех мероприятий с участием президента, которые я вел, такого не было ни разу. О других эпизодах знаю только по рассказам.

Можно ли было увидеть на его лице следы вчерашних злоупотреблений? Вот приходят к нему помощники и видят, что после вчерашнего Борис Николаевич в плохом состоянии, попросту говоря, страдает от похмельного синдрома?

— Обычно это проявлялось (во всяком случае, мне так казалось) в некоей заторможенности. Но я особого значения этому не придавал. Человек он не шибко здоровый, и этому могло быть много объяснений.

— Если утром на Бориса Николаевича смотришь и видишь,

что он не в форме, — вспоминает Сергей Филатов, — то я это больше связывал не с горячительными напитками, а с простудным заболеванием, вообще с нездоровьем. Я не могу подтвердить, были ли у него запои. Слухов, конечно, много на эту тему ходило. Я не исключаю, что по этой причине он иногда покидал работу, а иногда исчезал на более долгий срок.

Александр Шохин вспоминал в «Известиях», как Борису Николаевичу с явным удовольствием снова и снова наливали. Заранее предвидя ответ, как бы по простоте душевной спрашивали:

— Сколько наливать?

— Ты что, краев не видишь?

Спрашивать, почему Ельцин пил, наверное, нелепо. В нашей стране удивление скорее вызывают непьющие люди. Впрочем, помимо национальных традиций есть, наверное, и другие причины для злоупотребления горячительными напитками. Психиатры уверяют, что Борис Николаевич таким образом спасался от постоянных стрессов. К этой теме мы еще вернемся…

В молодости он, говорят, предпочитал коньяк и мог употреблять его в завидных количествах. Потом оценил водку, настоянную на тархуне. После операции на сердце в 1996 году вынужден был ограничивать себя красным вином.

Когда Ельцин во время визита в Германию, славно угостившись, взялся дирижировать немецким оркестром, его неумеренность стала очевидной всему миру. Но на людях такие печальные истории происходили не часто. Ближний круг, конечно, видел всякое.

— Однажды после пресс-конференции я шел по коридору, — вспоминает Сергей Филатов, — вижу, стоит группа охраны, значит, там президент. Открываю дверь — сидит Борис Николаевич в рубашечке. Перед ним пять или шесть стопок с коньяком, а в стороне бутылки стоят. Он выпивает стопку за стопкой и каждую оценивает, а охранники его оценки записывают. Вот это я видел своими глазами. Не знаю, часто ли бывало нечто подобное. Мне стало не по себе. Сидеть — неудобно, встать и уйти — тоже неудобно. Пришлось сидеть до конца, пока эта процедура дегустации не завершилась.

В юности любил подраться

В разгар одной из антиельцинских кампаний заборы в Москве были испещрены надписями «Беня Эльцин — предатель». Заборы разрисовывали озлобленные граждане, которые не знали, как бы еще больнее уязвить президента России, виновного, по их мнению, во всех бедах и несчастьях народа. Глядя на себя в зеркало, Борис Николаевич, должно быть, веселился: ну в каком дурном сне можно увидеть в его облике семитские черты? Ельцин для всего мира — олицетворение русского характера. Для россиян он свой, такой же, как они, потому в период расцвета Ельцин и пользовался такой фантастической популярностью.

Борис Николаевич Ельцин родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. Здесь жили его отец — Николай Игнатьевич Ельцин и мать — Клавдия Васильевна Старыгина. Борис был первым ребенком. Позднее у него появились младший брат Михаил и сестра Валентина (они оба пережили Бориса Николаевича).

Ельцин вспоминал — видимо, со слов матери, — что во время крещения хорошо угостившийся священник опустил будущего президента в купель, то есть просто в бадью, а вынуть, заговорившись, забыл. Мать выловила его где-то на дне. Мальчика еле откачали.

Некоторые уральцы, впрочем, сомневались потом насчет правдивости этой истории, считали ее байкой — в начале тридцатых церкви на Урале закрывали одну за другой, да и угощать священника было нечем. Однако мать Бориса Николаевича не походила на человека, который мог бы придумать такую историю. Похоже, ангел-хранитель и в самом деле не обходил Бориса Ельцина своей заботой. Не один раз он помогал ему выпутываться из историй, которые могли закончиться самым плачевным образом.

Семью Ельциных раскулачили. Деда, церковного старосту, лишили гражданских прав и выслали на Север, где он вскоре умер. Отец и дядя уехали из родной деревни, завербовались на строительство Казанского авиационного завода, плотничали. Николая Игнатьевича Ельцина сделали бригадиром, Андриан Игнатьевич трудился у брата в бригаде. Жизнь была тяжелой, братья Ельцины жаловались на то, что плохо кормят, насильственно подписывают на заем, заставляют жертвовать на помощь мировому пролетариату.

Николая Игнатьевича Ельцина и его младшего брата

арестовали в апреле 1934 года. Когда отца арестовали, семью приютили добрые люди — семья Василия Петрова, который оказался в одной камере с Николаем Игнатьевичем. Он попросил жену забрать семью Ельциных из барака. Через много лет Ельцины найдут способ выразить им свою благодарность. Жена Ельцина, Наина Иосифовна, отыскала в Казани дочь Василия Петрова Нину Васильевну, которая в тридцатых годах совсем еще девочкой заботилась о маленьком Борисе. На свои деньги президент Ельцин купил ей двухкомнатную квартиру…

Уже став президентом, Ельцин сумел увидеть архивное дело своего отца. Обвинили их вместе с группой вчерашних крестьян в том, что они «проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком. Используя имеющиеся трудности в питании и снабжении, пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим — т. е. совершили деяние, предусмотренное статьей 58–10 УК».

Печально знаменитая 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР карала всех, кого в те времена именовали государственными преступниками. Пункт десятый 58-й статьи предусматривал наказание за «антисоветскую пропаганду и агитацию». Судебная «тройка» Государственного политического управления (так именовались тогда органы госбезопасности) Татарской АССР 23 мая 1934 года приговорила Николая Игнатьевича Ельцина к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

Некоторые исследователи считают, что внук и сын кулака Ельцин затаил ненависть к советской власти и потому, став президентом, запретил КПСС и развалил Советский Союз. Однако такие романтические мстители встречаются только в плохих авантюрных романах. Репрессированные родственники были и у Егора Кузьмича Лигачева, и у других видных партийных руководителей, что не мешало им до последнего отстаивать преимущества реального социализма. Большую часть жизни Ельцин тоже находился во власти представлений того времени: да, при Сталине были перегибы, но сама партия их осудила и исправила…

Скрывал ли Ельцин неблагоприятные по тем временам обстоятельства своей биографии?

Один из свердловских исследователей биографии Ельцина нашел его старые анкеты, которые Борис Николаевич заполнял собственноручно. Там нет и упоминания о том, что его родные

были репрессированы. Но не стоит думать, что об этом никто не знал.

Один из ученых, который изучал архивы бывшего КГБ, рассказывал мне: он обратил внимание на то, что совсем старые дела, еще двадцатых и тридцатых годов, казалось бы никому не нужные, постоянно просматривались аппаратом госбезопасности. Зачем? Искали репрессированных родственников тех, кто шел на большую работу, или трудился на режимных предприятиях, или собирался поехать за границу. И вполне уважаемому работнику вдруг отказывали в загранкомандировке, потому что кто-то из его родственников участвовал, например, в Кронштадтском восстании в 1921 году.

Проверяли не до третьего колена, а значительно глубже. Так что и биографию Ельцина знали до малейшей запятой. Но в его судьбе те старые приговоры, видимо,

значения не имели. Он безостановочно продвигался вверх. Не потому, что ему кто-то ворожил. А потому, что не продвигать его было невозможно.

С помощью своего верного биографа Валентина Юмашева, который написал за него в общей сложности три книги, Ельцин охотно рисовал себя прирожденным лидером и борцом за справедливость, человеком, который не умеет подчиняться, но способен руководить другими.

Это был не просто верный ход в предвыборной борьбе. Лидерское начало проявилось в нем очень рано — высокий, физически крепкий, задиристый, он увлекал за собой ватагу таких же сорванцов, как и сам. И с юности в нем проявился знаменитый упрямый характер, способность, сжав зубы, добиваться своего, несмотря на любые препятствия.

Школьные годы Ельцина прошли весело. Занятиями он себя не утомлял, а развлекался будущий президент со товарищи незамысловато: например, втыкали иголки в стул преподавателю немецкого языка… Неудивительно, что по поведению ему неизменно ставили двойку.

В юности Борис Ельцин любил подраться. Однажды ему врезали оглоблей по голове. Не будь голова у Бориса Николаевича такой крепкой, история России пошла бы иным путем. Бойцовский характер у Ельцина сохранился на всю жизнь. Оглоблей его больше не били, но доставалось ему изрядно, пожалуй, больше, чем любому политику этого поколения.

В юности Ельцин увлекался волейболом, выступал за сборную города. Ему не мешало и то, что на левой руке у него нет двух пальцев — большого и указательного. Борис покалечил себя, когда мальчишкой украл на складе оружия две гранаты и решил

их разобрать. Ударил молотком по гранате, и она взорвалась. Еле добрался до больницы, где ему отрезали пальцы. Еще повезло: мог и зрения лишиться, и на всю жизнь остаться инвалидом. Несчастный случай его не напугал и не заставил быть осторожнее.

В 1949 году он поступил на строительный факультет Уральского политехнического института имени СМ. Кирова. Строитель — в конце пятидесятых это была вполне уважаемая и перспективная профессия. Судя по его собственным рассказам, все институтские годы Ельцин уделял спорту значительно больше времени, чем учебе. Ездил с волейбольной командой по стране, играл с удовольствием.

Однажды он заболел ангиной, но все-таки пошел играть. Закончилось это плохо — впервые в жизни заболело сердце. Врачи прописали постельный режим. Но Ельцин сбежал из больницы. Отлежался у родителей, встал на ноги и сразу двинул на спортивную площадку. Крепкий и спортивный, он жил в ощущении, что ему все под силу и он способен справиться с любыми трудностями. Но эта история не прошла даром для его сердца, хотя Борис Николаевич почувствует это не сразу. Он пропустил так много занятий, что ему пришлось остаться на второй год.

Институт он закончил в 1955-м, на год позже тех, с кем поступал. Специальность по диплому — инженер-строитель. Распределили Ельцина после института мастером в трест «Уралтяжтрубстрой». Стройка — суровая школа жизни, воспитывавшая жесткость и привычку добиваться своего любыми средствами. Главное — план: кровь из носу, но сделай! Имеет значение только результат — победителя не судят.

Работать приходилось даже с заключенными. Побывав в такой компании, уже никого и ничего не боишься. О себе Ельцин не без удовольствия говорил: «Вообще мой стиль работы назвали жестким. И это правда». Стройка приучала и к спиртному, и к привычке объясняться исключительно матом.

От горячительных напитков Ельцин не отказывался, а матом практически не ругался. Он — может быть, единственный во всей высшей номенклатуре — на дух не переносил матерщины. И ко всем, кроме самых близких людей, обращался исключительно на «вы». Это сохранится и когда он станет хозяином Кремля.

Через два года, в 1957-м, перешел в трест «Южгорстрой». Ельцин быстро поднимался по служебной лестнице — прораб, старший прораб, главный инженер, начальник стройуправления. Управляющий трестом, по его словам, попался злой, упрямый, самодур, иногда только что до драки дело не доходило. Ельцин

мрачно предупредил начальника:

— Имейте в виду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее — я все равно успею ударить первым.

Смотрины на старой площади

От многих неприятностей молодого Ельцина спасал второй секретарь Свердловского горкома Федор Морщаков. Борис Николаевич надолго сохранит к нему чувство благодарности. Именно Морщакова Ельцин назначит первым управляющим делами президента России — до того, как присмотрит на эту должность якутского мэра Павла Бородина.

На строительной площадке Ельцина приметил человек, который сыграет в его судьбе ключевую роль, — один из самых заметных партийных работников Свердловска Яков Петрович Рябов. В 1963 году в области создали комбинат крупнопанельного домостроения, главным инженером поставили Ельцина, через два года он стал начальником комбината. Рябов симпатизировал настырному и упрямому строителю. Ельцин мало говорил и много делал; он знал, что от выполнения плана зависит репутация области, и не подводил начальство. Рябов повсюду вел за собой Ельцина, спасая его в тяжелых ситуациях. В 1965 году пригласил Ельцина к себе в аппарат Свердловского обкома — заведовать отделом строительства.

Прежнему заведующему отделом было пятьдесят четыре года, и он казался Рябову человеком в возрасте, а секретарю понадобился молодой и энергичный работник.

Пригласив Ельцина, Рябов среди прочего сказал ему:

— Вот меня предупредили, что у тебя есть такие-то и такие-то недостатки…

Ельцин его сразу спросил:

— А кто вам это рассказал? Рябов его одернул:

— Борис Николаевич, разве такой вопрос надо задавать? Следует, наоборот, сказать: да, это во мне есть, постараюсь исправить…

— Так он их все равно вычислил, — рассказывал мне Рябов, — и потом не давал им ходу, хотя ребята отличные.

Борис Ельцин четырнадцать лет проработал на стройке, прежде чем его пригласили в партийный аппарат. Вот что отличало его, к примеру, от Лигачева или Зюганова и вообще всех тех, кто всю жизнь провел на комсомольско-партийной работе, перебираясь из кабинета в кабинет.

Ельцин и без того научился на стройке быть жестким, а тут еще школа Рябова, который строго спрашивал с подчиненных. Мастер спорта по классической борьбе, первый секретарь Свердловского обкома Рябов умел заставлять других работать и сам работал много. Вот, по словам Рябова, его кредо:

— Я всегда объяснял: тех, кто не выполняет моих заданий, я могу раз предупредить, второй раз. А третьего предупреждения уже не будет. Я так говорю: или ты должен уходить, или я. Но я-то не уйду, меня может освободить только вышестоящий орган. Так лучше я тебя уберу, не стану ждать, пока насчет меня примут решение.

Это дивный принцип: умри сначала ты, а потом я! Так и делались карьеры. Вверх шли по головам менее ловких и умелых. Ничему иному партийная жизнь и не могла научить Ельцина. Стоило ли потом удивляться и возмущаться, что Ельцин, став первым секретарем в Москве, жестоко ломал судьбы своих партийных подчиненных, не способных обеспечить ему успех? Он рвался вверх, и рядом с ним выживали только те, кто был способен помочь ему подняться еще на одну ступеньку. И всю свою профессиональную жизнь он без сожаления расставался с теми, кто стал ему не нужен.

Продвижение Ельцина на следующую ступеньку партийной лестницы произошло не скоро. Он семь лет просидел в кресле заведующего отделом, прежде чем в 1975 году стал секретарем обкома. Ему поручили все строительство, благоустройство области и дороги, строительную, деревообрабатывающую и лесную промышленность. Сбылась его мечта. На новой должности он уже стал самостоятельной и видной фигурой. Все меньше тех, кто может тебе приказывать, все больше тех, кому приказываешь ты.

Ельцин проработал секретарем обкома всего год, как Рябова забрали в Москву. Молодого, напористого и умелого свердловчанина Брежнев сделал секретарем ЦК КПСС по военной промышленности — вместо Дмитрия Федоровича Устинова, который стал министром обороны. В этот день решилась и судьба Бориса Ельцина.

Леонид Ильич спросил Рябова:

— Кого будем ставить вместо тебя в Свердловске? Рябов предложил Геннадия Колбина, который прежде работал в Свердловском обкоме, а потом был переведен в Грузию вторым секретарем республиканского ЦК. Но Брежнев считал, что Колбин в Грузии нужнее. Тогда Рябов предложил своего воспитанника Бориса Ельцина. Брежнев удивленно спросил:

— А кто он такой? Мы его не знаем. Рябов объяснил:

— Ельцин — это человек, с которого можно спросить. Человек, который может заставить работать, который сам работает. И человек, который прошел у меня хорошую школу. Я его сам воспитывал.

Брежнев согласился:

— Тебе виднее. Раз ты уверен, я поддерживаю.

Пока решалась его судьба, Ельцин находился в Москве — на месячных курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Его неожиданно вызвали на Старую площадь. Сначала с ним разговаривал секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов, потом секретарь ЦК по промышленности Андрей Кириленко и, наконец, секретарь по идеологии Михаил Суслов. Никто из них ничего конкретно Ельцину не сказал. Его расспрашивали, к нему присматривались. Это были смотрины.

Только Михаил Андреевич Суслов, фактически второй человек в партии, чуть прояснил ситуацию, когда стал спрашивать, чувствует ли в себе Ельцин силы для самостоятельной работы, хорошо ли знает областную парторганизацию?

Потом Капитонов и Рябов отвезли его в Кремль к Брежневу. Высокий и надежный Борис Ельцин понравился генеральному секретарю. 2 ноября 1976 года на пленуме Свердловского областного комитета Бориса Николаевича Ельцина избрали первым секретарем. Он сразу поставил на ключевые должности своих людей. Таково было еще одно правило аппаратной жизни — зачем держать рядом с собой людей, у которых ты еще недавно был в подчинении, кто будет по привычке вести себя на равных? Надо окружать себя теми, кто не сомневается в твоем превосходстве, кто с первого дня привык смотреть на тебя снизу вверх…

Многие потом замечали, что Ельцин лучше всего чувствует себя в роли первого человека. А вот подчиненные из таких людей, как он, выходят неважнецкие. Это совершенно точное наблюдение. Он по характеру хозяин, который органически нуждается в полной, ничем не ограниченной власти. С той минуты, как Борис Ельцин стал первым секретарем, он поверил в то, что может и должен руководить всем и всеми. И это естественная для него роль.

Итак, она звалась Наиной

В 1978 году Ельцина избрали депутатом Верховного Совета СССР. В 1981 году на XXVI съезде КПСС — членом ЦК. Ельцин мог поставить себе в заслугу обширное жилищное и дорожное строительство в области. Он получил разрешение пустить в Свердловске метро. Приезжая в Москву, он стучался в самые высокие кабинеты, его всегда принимали. Первые секретари обкомов — одна из главных опор режима. От них зависел даже генеральный секретарь, потому он старался с ними ладить.

Борис Николаевич нашел способ сделать приятное генеральному секретарю. Ельцину напомнили, что в конце двадцатых годов в области работал Леонид Ильич Брежнев. Ельцин засадил работников обкомовского архива за работу. Они нашли протокол заседания бюро Бисертского райкома партии (Свердловский округ Уральской области) от 9 октября 1929 года, когда Леонида Ильича «как служащего-специалиста, принимающего активное участие в общественной работе» приняли кандидатом в члены ВКП(б). Протокол переслали Леониду Ильичу.

Ельцин заботился об авторитете власти и построил самое высокое в стране здание обкома партии — высотку,

в которой свердловчане увидели некий фаллический символ и потому именовали самым неприличным образом — «член КПСС».

Свердловский обком был одним из самых больших в стране. В нем работало примерно двести человек — с учетом сотрудников Дома политического просвещения и партийного архива. Пять секретарей, множество отделов: тяжелой промышленности, машиностроения, оборонной промышленности, лесной промышленности, строительства, торговли и бытового обслуживания, науки и культуры, административных органов, пропаганды и агитации, организационно-партийной работы, общий…

Борис Николаевич, как и его предшественник Рябов, любил порядок и старался планировать работу. Очень рано приезжал в обком, собирал секретарей, обсуждал распорядок дня и недели, определял, кто чем займется: один секретарь поедет на стройку, другой — на пуск промышленного объекта, третий — на городскую конференцию.

По вторникам проходило бюро обкома. Первый вопрос — утверждение кадров, потом все остальное. В повестке все расписано: когда начинается обсуждение вопроса, когда

заканчивается, кто отвечает за его подготовку. Ельцин, следуя примеру Рябова, следил за тем, чтобы бюро шло по графику. Если секретарь обкома или заведующий отделом, которые поставили вопрос, не управлялись в отведенное время, их ждала выволочка.

В Свердловске он вел себя, как потом в Москве. Однажды попытался на трамвае проехать от Уралмаша до центра города. После этого принял решение строить в городе метрополитен.

На встрече со студентами начались жалобы на пустые полки магазинов. Кто-то поинтересовался:

— А вы-то где пиджак приобрели? Ельцин отвернул полу пиджака:

— Чешский пиджак, жена в ЦУМе купила, любой может приобрести.

С подчиненными Ельцин держал дистанцию, ни на минуту не забывал, что он первый человек в области. Но одновременно считал необходимым поддерживать с ближайшим окружением личные отношения — не только работать,

но и отдыхать вместе. Членов бюро обкома вместе с женами Ельцин заставил играть в волейбол — все выходили на площадку два раза в неделю.

Будущую жену Ельцин встретил в институте. Рассказывают, что вроде бы сначала он ухаживал за другой девушкой, но она вышла замуж за его однокурсника, о чем потом сильно жалела и быстро развелась… А Ельцин нашел женщину, которая стала спутницей его жизни.

Анастасия Иосифовна Гирина на год моложе Бориса Николаевича, училась на строительном факультете, специальность ходовая — канализация и водоснабжение. Она рассказывала, что дома ее всегда звали Наей, в школе Наиной. В шестидесятых годах она даже официально поменяла имя и получила новый паспорт на имя Наина. Она родилась в Оренбургской области. Детство у нее было таким же трудным, как и у мужа, — в семье шестеро детей. В 1950 году она поступила на строительный факультет Уральского политехнического института, тот самый, где учился Борис Ельцин.

Студенческий роман перерос в крепкое чувство. Наина Ельцина прошла рядом с мужем весь его трудный путь. Он, наверное, по-своему всегда ее любил, но был слишком занят своей карьерой. Наталья Константинова, бывший работник пресс-службы Кремля, так пишет о Наине Иосифовне: «Возможно, все эти сорок с лишним лет ей не хватало тепла и заботы, хотя какая женщина признается в этом вслух. Только однажды вырвалось в разговоре с младшей дочерью Татьяной о семейном житье-бытье: «Если бы меня мой муж каждую минуту так целовал, как твой

Леша…»

Борис Николаевич бывал с ней грубоват, мог прикрикнуть. Сам признавался: «Я человек жестковатый, не отрицаю. Наине со мной трудновато приходится».

Александр Шохин описал характерную сцену. Кто-то из приближенных наполняет Ельцину рюмку. Наина Иосифовна пытается его остановить:

— Борь, ну не пей!

— Цыц, женщина!

Приносят борщ. Ельцин берет солонку. Наина Иосифовна предостерегает:

— Борь, ты попробуй сначала. Борщ соленый.

Не обращая внимания на ее слова, начинает трясти солонку…

Наина Иосифовна — волевая, сильная женщина, иначе бы она не смогла жить с человеком такого трудного характера. Наина Иосифовна была ему предана. Когда он стал болеть, повсюду с ним ездила, ухаживала за мужем. Никогда не жаловалась и не рассказывала о семейных проблемах. Говорила журналистам:

— Мы никогда с Борисом Николаевичем всерьез не ссорились. Наши дети никогда не слышали ссор. Да и повода не было всерьез поссориться. Мы с ним были как одно целое.

Она конечно же переживала за мужа. Наталья Константинова:

— Во время поездок по стране к ней подходили люди, забрасывали вопросами, особенно о Чечне. От некоторых вопросов у нее на глазах выступали слезы. Летом 1996 года на Мамаевом кургане в Волгограде ее окружили ветераны. Они жаловались на жизнь. После беседы Наина Ельцина отошла в сторону и заплакала.

В 1956 году Наина и Борис поженились, через год родилась Елена, еще через три года — Татьяна. Ельцин хотел сына, но вырастил двух девочек. Отсутствие наследника в семье со временем сделает более обостренным поиск наследника политического…

Наина Иосифовна два десятка лет проработала в «Водоканалпроекте».

Когда молодой строитель Ельцин женился, он получил комнату в коммунальной квартире. Двухкомнатную квартиру (маленькую и очень холодную, в четырехэтажной новостройке) ему дали, когда родилась Елена и он стал начальником управления. Избранный первым секретарем, Ельцин въехал в пятикомнатную квартиру, в которой прежде жил Рябов. Потом Борис Николаевич велел пристроить к дому возле пруда новый подъезд, и там квартиры получили члены бюро обкома. Этот дом в городе называли «дворянским гнездом».

Руководителям области — секретарям обкома, первому секретарю Свердловского горкома, председателю облисполкома, главе профсоюзов и начальнику областного управления КГБ — полагались дома в дачном поселке, выстроенном еще в тридцатых годах.

Первого секретаря обслуживала «Чайка», естественно с номером 00–01. Но по области он обычно ездил на «Волге» с номером 00–02. А охотиться или рыбачить — на «газике» 00–13. Спецномера были важной частью быта высших чиновников. Даже среди членов бюро обкома шла конкуренция за самые заметные номера на персональном автомобиле. Став первым секретарем, Борис Николаевич в своей манере приказал сократить до минимума количество «блатных» номеров. Когда кто-то из областных руководителей пожаловался на «невнимание» со стороны ГАИ, Ельцин жестко сказал:

— А я вас ждал с другим докладом.

Слух об этом немедленно распространился по всем учреждениям области, и разговоры о спецномерах прекратились. Но сотрудники ГАИ и так знали все начальственные машины Свердловска, так что проблем у чиновников не было.

В Москве, став президентом, Ельцин прикажет построить для высшего руководства отдельный дом — на Осенней улице и сам определит, кто станет там жить, не понимая, что через несколько лет прежние добрые отношения расстроятся. Сергей Филатов, который руководил президентской администрацией, рассказывал мне, что он присутствовал при дележе квартир в президентском доме:

— Противная сцена, очень противная… Я вообще считаю, что это было неправильно — построить президентский дом и какую-то группу людей туда поселить. Что теперь с этим домом? Гадючник какой-то образовался. Сплошной клубок — как пауки в банке. Там ни одного друга нет — одни недруги.

Дом купца Ипатьева

В самом центре Свердловска находился дом купца Ипатьева, в котором провели последние дни своей жизни император Николай II и его семья. Здесь они и были расстреляны в июле 1918 года. Когда-то сюда водили на экскурсии пионеров и иностранных гостей — расстрелом врагов трудового народа гордились. Постепенно настроения в обществе менялись, возник неподдельный интерес к старой России, к императорской семье. Идеологическое и чекистское начальство забеспокоилось: дом Ипатьева превращается в объект поклонения.

26 июля 1975 года председатель КГБ Юрий Андропов отправил секретную записку в ЦК КПСС: «Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города… Представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому партии решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть».

4 августа политбюро одобрило записку Андропова и поручило «Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка Ипатьева в порядке плановой реконструкции города». Но это решение было исполнено только через два года. Предшественник Ельцина Яков Рябов утверждает, что постановление политбюро давно было получено в обкоме, но он не спешил его выполнить, потому что краеведы хотели сохранить дом как памятник истории. А Ельцин, напротив, проявил инициативу и снес дом.

Борис Николаевич потом рассказывал, что на него Москва очень сильно давила, что он дважды отказывался исполнить приказ о сносе дома Ипатьева, а потом все-таки капитулировал. Так или иначе, но в те времена отношения с КГБ у Ельцина были очень хорошие.

Бывший генерал госбезопасности Валерий Воротников пришел в краевое управление КГБ с поста второго секретаря Свердловского обкома комсомола. Он рассказывал мне:

— Ельцин часто у нас бывал. Я ему докладывал об обстановке. К нашей информации он относился внимательно, принимал меры. Была проблема, которая состояла в том, что

областные руководители считали, что местные подразделения контрразведки — это «их» информационная служба. Но в КГБ был очень строгий принцип: мне не сообщить в Москву всю правду о том, что творится на моей территории, — это грех самый тяжкий. Бывали такие случаи, когда не хотелось какую-то информацию сообщать в центр, но я не мог не сообщить. А система была такая. Я подписываю шифровку, и, если речь идет о важной информации, ее — даже без подписи председателя КГБ — автоматически отправляют высшим руководителям страны. То есть хозяин области отдает себе отчет в том, что произойдет после того, как такая информация уйдет в Москву. Когда происходило чрезвычайное происшествие, начинались проблемы. С точки зрения местной власти — это пустяк. А с точки зрения центра — это очень важно. Например, прорвало трубы, снабжающие теплом рабочий поселок. Это произошло ночью. Утром уже стали восстанавливать. Я все выяснил: масштабы ЧП, ход работ. И собрался доложить первому секретарю. Тут мне звонят и слезно просят не говорить Ельцину:

— Мы уже все сделали, авария ликвидирована. Зачем Бориса Николаевича беспокоить?

В понедельник во время беседы с Ельциным я об этом деле умолчал. Вернулся к себе. Через полчаса зазвонил телефон, и я получил очень серьезный втык от Ельцина: почему не рассказал о ЧП? Мне было стыдно, это был урок, и я понял, что не докладывать всю информацию — чревато…

Эпидемия в Свердловске

С КГБ Ельцину пришлось тесно сотрудничать в апреле 1979 года, когда в городе произошла тщательно скрываемая вспышка таинственной эпидемии. Многие люди умерли, потому что медицина оказалась бессильна против неизвестной болезни. Официальное объяснение — люди скончались после употребления в пищу мяса зараженных животных.

Но этой версии не поверили. Летом 1992 года Ельцин во время поездки в Соединенные Штаты признал, что в Советском Союзе врали, когда говорили, что не производят биологическое оружие. Он сообщил, что эпидемия в Свердловске возникла из-за того, что смертельно опасные вирусы вырвались на свободу. По мнению специалистов, в Свердловске находится один из заводов, который занимался созданием биологического оружия. В результате аварии в воздух попал аэрозоль, содержащий патогенные микроорганизмы. Ветер разнес их над городом. Видимо, это был новый вид оружия, вакцину против которого еще не разработали. Спасти заболевших было невозможно. До сих пор неизвестно, какой именно вирус мог вырваться на свободу в Свердловске. Считается, что это один из штаммов сибирской язвы. Другие специалисты полагают, что, судя по симптомам, это была или (Q-лихорадка, или лихорадка Марбурга.

После своей поездки в Соединенные Штаты Ельцин уже не был так откровенен. Видимо, ему объяснили, что не стоит раскрывать все карты, когда речь идет об оружии. Трагедия в Свердловске все еще остается таинственной историей.

Призван под знамена Горбачева

Михаил Сергеевич Горбачев позже старательно уверял, что перевод Ельцина в Москву в 1985 году совершился не по его инициативе: «Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало». Эти слова кажутся странными. Если бы генерального секретаря Горбачева, затеявшего перестройку, что-то настораживало, Ельцина бы в аппарат ЦК не взяли.

Но Ельцин был одним из тех, кого Горбачев сразу призвал под свои знамена в Москву. Буквально через десять дней после избрания Михаил Сергеевич приискал Ельцину место в аппарате ЦК.

21 марта 1985 года на заседании политбюро Горбачев заговорил о том, что вскоре соберется сессия Верховного Совета РСФСР и пора освободить от должности заместителя председателя Совета министров России Алексея Максимовича Калашникова, просидевшего в этом кресле пятнадцать лет. А на его место (то есть с большим понижением) перевести заведующего отделом строительства ЦК КПСС Ивана Николаевича Дмитриева.

Предложение генерального секретаря в своей напористой манере поддержал секретарь ЦК по кадрам Лигачев. Это означало, что они с Горбачевым заранее обговорили этот вопрос. Таким образом в аппарате ЦК освободили место для Ельцина.

Горбачев поинтересовался мнением тогдашнего секретаря ЦК по экономике Николая Рыжкова, которому в те годы очень доверял. Рыжков, бывший директор Уралмаша, хорошо знал Ельцина по Свердловску и отозвался о нем неодобрительно:

— Намыкаете вы с ним горя. Я его знаю и не стал бы рекомендовать.

Тогда Горбачев поручил Егору Лигачеву, ведавшему кадрами, еще раз взвесить все за и против. Лигачев поехал в Свердловск и через несколько дней позвонил Горбачеву:

— Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин — тот человек, который нам нужен. Все есть — знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

— Уверен, Егор Кузьмич? — строго переспросил Горбачев.

— Да, без колебаний.

Ельцина приметил еще Юрий Андропов в бытность свою генеральным секретарем. Может быть, с подачи свердловских чекистов, может, какие-то другие причины заставили его обратить внимание на свердловчанина. Андропов и принял решение его выдвинуть.

Сам Борис Николаевич, выступая позднее в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, на вопрос о его отношении к Андропову заявил: «Отношение самое, самое хорошее. Я был у него два раза за короткий срок, когда он был генеральным секретарем. Должен отметить, что и разговор его очень умный, и реакция на просьбы, и оперативное решение вопросов, которые я ставил. А как он вел пленумы… Конечно, нам не хватало такого генерального секретаря».

Егор Лигачев не раз вспоминал, как в конце декабря 1983 года ему из больницы позвонил Андропов и попросил при случае побывать в Свердловске и «посмотреть» на Ельцина. Это не был вопрос: разузнайте, хорош или плох свердловский секретарь? Ответ у Андропова уже был, но он хотел, чтобы выдвижение Ельцина шло обычным порядком.

Лигачев правильно понял Андропова и поручение выполнил немедленно. В январе он приехал в Свердловск: формально — принять участие в областной партконференции, а в реальности — увидеть, каков Ельцин в деле. Лигачев не мог не доложить Андропову, что генеральный секретарь, как всегда, прав в подборе кадров. Тем более что энергичный и решительный первый секретарь наверняка понравился и самому Лигачеву.

Но Ельцина тогда так и не выдвинули, потому что Андропов умер, обновление кадров приостановилось и возобновилось уже при Горбачеве. Первый секретарь Свердловского обкома был заметной фигурой, считался сильным и перспективным партийным работником, поэтому Горбачев и поспешил включить его в свою команду. Лигачев, решив, что Ельцин должен работать в Москве, добился своего. С Ельциным Егора Кузьмича роднила бешеная энергия и отсутствие иных интересов, кроме работы. Но, говоря словами Николая Рыжкова, «как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга…».

3 апреля 1985 года Ельцину прямо в машину позвонил секретарь ЦК Владимир Иванович Долгих, сказал, что политбюро поручило ему сделать Ельцину предложение — перебраться в Москву и поработать в ЦК заведующим отделом строительства. Ельцин отказался.

Во-первых, таков был партийный ритуал: надо было продемонстрировать готовность трудиться на своем месте, не рваться в столицу. Во-вторых, Ельцин сознавал свое положение хозяина крупнейшей области и искренне считал, что роль заведующего отделом для него мелковата. Первый секретарь такого крупного обкома мог рассчитывать сразу на пост секретаря ЦК.

На следующий день Борису Николаевичу позвонил Лигачев:

— Твой отказ не поймут в политбюро. Думаешь, я рвался в Москву? Давай, не мудри, соглашайся. Я сегодня иду к генсеку. Раздумывать нечего. Надо.

12 апреля Ельцин уже приступил к работе на Старой площади. Вероятно, в разговоре с Лигачевым мелькнуло обещание не держать его долго в кресле заведующего отделом: это положение временное. Но пока что Ельцин, который уже привык быть полным хозяином, оказался в кресле подчиненного, высокопоставленного, но чиновника. Это сильно угнетало самолюбивого и самостоятельного Ельцина.

Руководитель отдела ЦК был хозяином в своей отрасли. Он вызывал к себе на Старую площадь не только министров, но и заместителей председателя Совета министров СССР. Однако внутри аппарата ЦК Ельцин был всего лишь одним из двух десятков руководителей отделов, получал указания от курирующего секретаря ЦК и отчитывался перед ним. А он уже привык к самостоятельности, к тому, что сам решал, чем заняться сегодня, а чем завтра.

На приеме в Кремле по случаю Дня Победы в Великой Отечественной войне, вспоминает руководитель кремлевской медицины академик Евгений Чазов, «среди гостей я увидел Ельцина. Он скромно и, как мне показалось, одиноко стоял за столиком среди малоизвестных ему представителей тогдашней московской элиты. Я подошел к нему и искренне поздравил с переездом в Москву. Он обрадовался знакомому человеку, разговорился, сетуя на то, что пока еще не может привыкнуть к новой работе и московской жизни».

Борис Николаевич видел, что, несмотря на высокую должность, он всего лишь исполнитель. Ключевые решения принимались на секретариате ЦК, где он мог присутствовать с правом совещательного голоса — сидеть у стеночки и слушать. На заседания политбюро его приглашали только в том случае, если рассматривался вопрос, связанный со строительными делами. Как только его вопрос заканчивался, Ельцин должен был выйти. Члены политбюро, занятые государственными делами, смотрели на него невидящими глазами. Но мнительный Ельцин напрасно обижался на Горбачева, который положительно оценивал активную работу нового зав отделом. Он писал: «Ельцин мне импонировал, и на июльском Пленуме я предложил избрать его секретарем ЦК. Не скрою, делал это, уже «примеривая» его на Москву».

В те времена Ельцин вел себя, как положено партийному чиновнику. Бунтарем он станет не сразу. Личный повар Горбачева Анатолий Галкин рассказывал через несколько лет в газетном

интервью: «С Ельциным у нас были прекрасные отношения, когда Горбачев пригласил его из Свердловска. Мы с ним за руку здоровались, могли поговорить по-простому. Ельцин часто у меня спрашивал: «Как там Наш, как у Него настроение?»

На заседании политбюро 29 июня 1985 года Ельцина рекомендовали избрать секретарем ЦК по строительству. Происходило это, судя по краткой записи, так. Горбачев заговорил об огромных масштабах незавершенного строительства: «За решение этой проблемы мы взялись, принят ряд известных вам крупных постановлений. Укрепили этот участок, взяв сюда, в Москву, заведующим отделом строительства т. Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии и имеющего хороший опыт в области строительства. Может быть, посмотреть его секретарем ЦК КПСС, который, оставаясь заведующим отделом, на уровне секретаря ЦК КПСС занимался бы вопросами строительства?»

Сомнение выразил глава правительства Николай Тихонов, который ревностно относился к любым кадровым решениям в сфере экономики. Он не хотел, чтобы секретарем ЦК по строительству стал горбачевский выдвиженец.

Тихонов спросил:

— А как он себя покажет в новой роли?

— Вопрос понятный, — ответил Горбачев. — Но у товарища Ельцина есть хороший опыт: он работал прорабом, главным инженером, начальником строительного треста, был главным инженером, а затем начальником Свердловского домостроительного комбината. Затем работал в Свердловском обкоме партии. Так что он знает эту отрасль и имеет опыт партийной работы.

Но Тихонов продолжал возражать генеральному секретарю:

— Но я как-то его не чувствую. На выручку бросился Лигачев:

— Товарищ Ельцин активно взялся за дело, был в ряде министерств, к нему потянулись люди.

Поддержал кандидатуру Ельцина и его куратор Долгих, хотя возвышение Бориса Николаевича ничего хорошего ему не сулило:

— Товарищ Ельцин правильно строит отношения с министрами. У него хорошая связь с обкомами партии. Поближе познакомившись с ним, я не обнаружил у него слабых мест.

Горбачев продолжал давить:

— В области строительства очень многое нужно сделать. Требуется энергичный человек.

В этом Тихонов согласился с генеральным:

— Строительство — наше слабое место, Генерального поддержал еще один член политбюро —

Михаил Соломенцев:

— Нужно рекомендовать товарища Ельцина секретарем ЦК. Он будет расти. Данные для этого у него есть: образование, инженерная практика в области строительства. В общем, это человек с перспективой.

Горобачев счел, что добился своего, и удовлетворенно заключил:

— Я специально поднял этот вопрос для того, чтобы обменяться мнениями. Хотел проверить себя и узнать мнение товарищей. Тогда как будем поступать? Будем рекомендовать товарища Ельцина на пленуме избрать секретарем ЦК?

Теперь уже все согласились с Горбачевым. Тихонову оставалось работать на посту главы правительства меньше трех месяцев. Через день, 1 июля, в Свердловском зале Кремля собрался пленум ЦК. По традиции кадровые вопросы обсуждались первыми. Все кандидатуры предлагал генеральный секретарь, ничего лишнего не говорили. Вопросы не задавали.

Когда пленум окончился, Ельцина бросились поздравлять недавние коллеги — первые секретари, жали ему руку и многозначительно желали успеха. Его сразу же из зала пригласили пройти в комнату президиума, где собиралась партийная верхушка. Здесь пили чай с бутербродами и пирожными, обменивались мнениями. Начался новый раунд поздравлений — на сей раз Ельцину пожимали руку те люди, чьи портреты трудящиеся по праздникам несли по Красной площади. Отныне он стал одним из них.

После пленума Ельцин вернулся в свой старый кабинет, в приемной его ждал офицер 9-го (охрана высших должностных лиц) управления КГБ — прикрепленный к нему охранник, который станет неотлучно сопровождать его повсюду.

Борис Николаевич сразу попал в жестко очерченную жизнь высшего партийного руководителя, доселе ему неизвестную. Как первый секретарь обкома или как заведующий отделом ЦК он и так был обладателем всех благ, но секретарю ЦК полагалась охрана, машина ЗИЛ, собственный врач…

Оклад у секретаря ЦК — восемьсот рублей, такова была зарплата всех секретарей, включая генерального, но деньги никого из них не интересовали, потому что покупать, собственно, было нечего, все выдавали или бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Скажем, секретарь ЦК Ельцин получил возможность заказывать продукты на спецбазе на сумму двести рублей (членам политбюро выдавали харчей на четыреста рублей, кандидатам в члены политбюро — на триста), но эти цифры ничего не говорят,

потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные.

На рабочем месте секретарь ЦК завтракал, обедал и ужинал бесплатно, и с собой ему завертывали все, что душа пожелает. Существовала система закрытых магазинов для семей высшего партийного руководства, где продавали одежду исключительно зарубежного производства.

Ельцину тут же подобрали государственную дачу — раньше на ней жил Горбачев. В отпуск или в командировку секретарь ЦК летал теперь не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в государственной резиденции платить ничего не надо было. Люди из 9-го управления КГБ взяли на себя заботу не только о его безопасности, но и о всех бытовых проблемах — его собственных и всей семьи.

Ельцин с трудом привыкал к московским нравам и обычаям. Провинциал, он втайне боялся показаться смешным и нелепым и потому настороженно относился к москвичам. Борис Николаевич никак не мог привыкнуть к цековским нравам, удивлялся, что в шесть вечера здание на Старой площади пустело, — он привык работать допоздна.

Ельцин получил квартиру на четвертом этаже нового дома у Белорусского вокзала. Этот из светлого кирпича дом, построенный для начальства, стоит в глубине квартала, укрыт от нескончаемого потока машин на улице Горького (теперь Тверская), но после Свердловска район показался Борису Николаевичу грязным и шумным.

В квартире — два туалета, большая кухня, лоджии, обширный холл, две спальни, кабинет Бориса Николаевича, комната дочери Татьяны и ее мужа Алексея Дьяченко и небольшая комнатка внука Бориса. В квартире развесили много картин, большей частью уральские пейзажи.

В этом же доме получит квартиру сотрудник идеологического отдела ЦК КПСС Геннадий Андреевич Зюганов. Несколько лет они будут соседями, пока Ельцин не переберется на дачу.

Хозяин Москвы

Столичного начальника Горбачев сменил одним из первых.

Тут, несомненно, были и личные мотивы — первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин когда-то не очень приветливо встретил человека из Ставрополья. Горбачев это запомнил. А когда умирал Константин Устинович Черненко, ходили упорные слухи, что Гришин вознамерился сменить его на посту генерального секретаря. Это, разумеется, исключало возможность совместной работы Горбачева и Гришина.

23 декабря 1985 года, в неурочный день, в кабинете генерального секретаря собрались члены политбюро — не позвали только Гришина. Зато сверх списка Горбачев пригласил секретаря ЦК по строительству Бориса Ельцина. Михаил Сергеевич коротко сообщил коллегам, что член политбюро и первый секретарь Московского городского комитета партии Виктор Гришин подал заявление об уходе на пенсию. Горбачев рассказал, что накануне у них была беседа. Разговор шел трудно. По его мнению,

Виктор Васильевич неадекватно воспринимает ситуацию. Не хотел уходить, просил отложить решение этого вопроса. Он настаивал. Гришин попросил разрешения подумать. Ну а потом все-таки принес заявление.

Члены политбюро тут же постановили: заявление Гришина удовлетворить. Затем Горбачев коротко предложил:

— Если у товарищей нет возражений, то в работе пленума Московского горкома можно было бы принять участие мне. Теперь о кандидатуре на пост первого секретаря Московского горкома КПСС. Речь идет о столичной партийной организации. Поэтому целесообразно рекомендовать на этот пост человека из ЦК КПСС, с опытом работы в крупной партийной организации, знающего вопросы экономики, науки и культуры. Есть предложение рекомендовать товарища Ельцина Бориса Николаевича. Я беседовал с товарищем Ельциным. Он не возражает.

Горбачев сделал вопросительный жест в сторону Ельцина. Тот подтвердил,

— Он понимает место и значение московской партийной организации, трудность и сложность работы на посту первого секретаря. Столица есть столица.

Ни замечаний, ни вопросов у членов политбюро не было.

Почему выбор остановился именно на Ельцине?

Москва должна была стать витриной перестройки — и как

можно скорее. Горбачев и Лигачев резонно предполагали, что Борис Николаевич, человек со стороны, способен быстро добиться успеха, стать примером для всей страны, продемонстрировать колеблющимся реальные результаты перестройки.

Против кандидатуры Ельцина — и то лишь во время предварительного разговора с Горбачевым, а не на политбюро — высказался один только Рыжков.

Вечером в кабинете генсека Рыжков горячо говорил, что столице нужен другой человек — умный, гибкий, интеллигентный руководитель. А Ельцин человек другого склада.

— Он — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его из Свердловска в Москву, в ЦК, не делайте еще одну, роковую.

Доводы Рыжкова ни на Горбачева, ни на Лигачева не произвели впечатления. На прощание Николай Иванович сказал:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете об этом. Будете локти кусать, но будет уже поздно!

В словах Рыжкова звучит что-то очень личное. Вероятно, совместная работа в Свердловске оставила у Николая Ивановича тяжелый след. Или же эта оценка — наслоение более поздних политических столкновений с Ельциным? В любом случае к Николаю Ивановичу Горбачев не прислушался…

24 декабря, на следующий день после заседания политбюро, собрался пленум Московского горкома, который должен был решить кадровый вопрос. Несколько опасаясь враждебной реакции гришинского окружения, на пленум приехал сам Горбачев.

Тогдашний начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал-полковник Виктор Алидин вспоминал: «Как всегда в небольшой комнате, примыкающей к залу заседаний, собрались члены бюро горкома. Вскоре в комнату вошли Горбачев, Гришин и Ельцин. Поздоровались. Стало очевидно, что первым секретарем Московского городского комитета партии будет Ельцин. Гришин представил каждого члена бюро Горбачеву и Ельцину, сели за стол пить чай…»

Выступая на пленуме, Горбачев предложил членам городского комитета освободить от должности Гришина и избрать Ельцина. Помощник генерального секретаря ЦК КПСС Анатолий Черняев записал в дневник: «Сегодня день ликования всей Москвы: сняли наконец Гришина, заменили Ельциным…»

Борис Николаевич перебрался из ЦК в соседнее здание, где располагался горком, с твердым намерением показать, на что он способен. Москва, конечно, больше Свердловска, но эта работа

ему знакома. И наконец-то он опять сам себе хозяин. Ельцин не сомневался, что справится с задачей, и принялся за новое дело со всей свойственной ему энергией. Он исходил из того, что ключ к решению всех проблем — это кадры. Надо решительно убирать неумелых и разленившихся гришинских людей, поставить вместо них новых и дельных работников.

24 января 1986 года на городской партийной конференции Ельцин сделал свой первый доклад.

На конференцию — небывалый случай! — приехали все члены политбюро во главе с Горбачевым. Михаил Сергеевич хотел поддержать Ельцина, если понадобится, а заодно посмотреть, как справляется новый первый секретарь и как к нему отнесется городской актив.

Ельцин произнес невиданную по тем временам речь — о бюрократизме и показухе, о том, что московская парторганизация оказалась вне зоны критики. Впервые за десятилетия первый секретарь горкома говорил о провалах и о бедственном положении столицы. Причины — старое мышление руководителей и оторванность партийного аппарата от жизни. Горком производит тонны бумаг, а на предприятиях партийные руководители не бывают.

Его речь напечатала «Московская правда», за скучной городской газетой утром выстроились очереди. Ее читали, не веря своим глазам. Вся Москва обсуждала Ельцина, которого еще никто не знал. С этого момента и началась его слава.

На первом после XXVII съезда партии пленуме ЦК Ельцина избрали кандидатом в члены политбюро. Из третьего класса партийных руководителей он перешел во второй и был уверен, что в самом скором времени займет место среди членов политбюро. Первый секретарь Москвы по партийной традиции всегда был членом высшего руководства.

Ельцин на съезде получил слово вторым — после первого секретаря ЦК Украины Виктора Васильевича Щербицкого. Но Щербицкий был уходящей фигурой, а на Ельцина смотрели с нескрываемым интересом. В его речи прозвучало именно то, что люди хотели слышать, и зал встречал его резкие пассажи одобрительными аплодисментами.

Ельцин говорил:

— Нет у ряда партийных руководителей мужества своевременно и объективно оценить обстановку, свою личную роль, сказать пусть горькую, но правду, оценивать каждый вопрос или поступок — и свой, и товарищей по работе, и вышестоящих руководителей…

Далее он произнес фразу, сразу расположившую к нему

людей:

— Делегаты могут меня спросить, почему же об этом не сказал, выступая на XXVI съезде партии? Ну что ж, могу ответить, и откровенно ответить: видимо, тогда не хватило смелости и политического опыта…

Резкая речь Ельцина не могла не обратить на себя внимания. Как странно: Ельцин никогда не умел говорить так складно и легко, как Горбачев. И речи Михаилу Сергеевичу писали лучшие в стране мастера. Но по прошествии лет никто не вспомнит ни одной речи генерального секретаря, поразившей людей. А выступления Ельцина всякий раз производили неизгладимое впечатление.

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров вспоминает, как сильно на него подействовала речь Бориса Николаевича:

«Публично покаявшись в том, что не нашел смелости выступить против благоглупости брежневского режима, Борис Николаевич сразу перешел в разряд деятелей общенациональных.

Так непривычно, так дико было слышать подобные признания с высокой съездовской трибуны, что свердловский первый секретарь покорил сердца многих, истосковавшихся по искреннему, идущему от сердца слову. К тому же могучее телосложение, благородная седая шевелюра, открытый взгляд выразительных серых глаз, горделивая осанка — все это производило отрадное впечатление. Женщины были покорены, мужчины не скупились на похвалы…

Сам я, не скрою, с восторгом выслушал его выступление на съезде и уже в первом перерыве, обсуждая услышанное с коллегами, высказал мнение, что Горбачев получил сильного союзника, который может быть использован как своего рода «таран» демократических реформ…»

Ельцин мог выступать более напористо и смело, а Горбачеву оставалось следить за реакцией общества и либо поддержать смельчака, либо пожурить за излишнюю прыть. В таком тандеме они могли бы продержаться долго. Однако очень скоро выяснилось, что Ельцин не намерен играть роль «горбачевского авангарда» и будет добиваться собственного места на политическом небосклоне. Одновременно выявился его стиль как политического деятеля — резкие неожиданные шаги, нежелание идти на компромисс, готовность рисковать, ставить все на карту, чтобы не ограничиваться отдельными выигрышами, а «снять весь банк».

Весь первый месяц работы в горкоме Ельцин провел в поездках по городу. Это было нечто небывалое для Москвы. Первый секретарь побывал на Петровке, в Главном управлении

внутренних дел, а потом поехал на один завод, на другой, третий, четвертый… Он заходил в магазины, столовые. Интересовался зарплатой, жилищными делами, детскими садами, пионерскими лагерями. Спрашивал не просто так: просьбы, которые мог исполнить, выполнял. Если обещал открыть в новом районе магазин или пуститьдополнительный автобус, то делал. Теперь, когда магазины открываются в силу экономической потребности, а не решением горкома, его усилия вызывают, наверное, улыбку, но тогда все это нравилось.

Ельцин ездил на метро и в троллейбусе, чтобы увидеть, как в час пик чувствуют себя горожане. Он сразу стал очень популярен. Он совсем не походил на других партийных чиновников.

Борис Николаевич сам заходил в магазины, в заводские столовые, стараясь застать продавцов и поваров врасплох, проверял, что продается, что спрятано под прилавком. Его охранник Александр Коржаков записывал замечания первого секретаря, потом ехал в горком, сам звонил секретарю горкома по торговле, сообщал, как прошла проверка, и диктовал замечания. Так Коржаков привыкал делать не свое дело. Собственно, он в этом не был виноват, его приучили.

Ельцин сократил ввоз рабочей силы — лимитчиков. Столица и без того перегружена, говорил он, пусть предприятия повышают производительность труда. Открылись полторы тысячи новых магазинов, стали проводиться торговые ярмарки. Первый секретарь устраивал в городе «санитарные пятницы» — выгонял чиновников убирать улицы.

Люди жаждали очищения и обновления, и он пытался очистить партийный аппарат от гнили и вообще преобразовать его. Москвичи увидели в нем искреннее желание улучшить их жизнь. Хотя было и другое — он хотел отличиться, доказать, что способен изменить жизнь в городе.

— Получили бумагу, — негодовал руководитель Украины Владимир Щербицкий, — секретарь Московского горкома Ельцин просит, чтобы к новогоднему столу москвичам поставили сто тысяч молочных поросят, из них на Украину дали разнарядку сорок тысяч. Разве он не знает, что поросята сейчас на вес золота? Ничего мы отправлять не станем.

Ельцин провел кампанию по искоренению семейственности в кадрах Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли. Он требовал, чтобы в элитарный мидовский Институт международных отношений принимали не только детей большого начальства, и вообще обещал добиться справедливости при приеме в столичные высшие учебные заведения. Став президентом, Борис Николаевич уже не будет так строг к родным

и родственникам. Как минимум, его собственная семья приобретет невиданное влияние на государственные дела.

Известный артист Леонид Броневой вспоминал, как он участвовал в правительственном концерте в Кремлевском дворце съездов, читал «Стихи о советском паспорте» Маяковского. После концерта за кулисы пришел первый секретарь горкома Ельцин. Кто-то из артистов Свердловского хора спросил его:

— Борис Николаевич, как вам тут, в Москве? Он махнул рукой:

— Даже не спрашивайте!.. — повернулся к Броневому — Вы — сибиряк?

— Можно сказать — да, работал в Иркутске. Ельцин грозно повернулся к сопровождавшим его чиновникам Министерства культуры:

— Почему вы не даете людям звания?

А Броневому никак не присваивали звание народного артиста СССР. Слова Ельцина оказалось достаточно. Через несколько дней коллеги уже поздравляли Броневого.

6 мая 1987 года вечером на Манежной площади собралась манифестация общества «Память», которое начиналось с заботы о русской старине, но быстро сосредоточилось на борьбе с «вредоносным влиянием» Запада и евреев. Участники манифестации требовали зарегистрировать их организацию. Вволю поговорив о заговоре сионистов, манифестанты двинулись к Советской площади, к зданию Моссовета и потребовали встречи с первым секретарем Московского горкома. Неожиданно манифестантов провели в Мраморный зал, к ним вышел Ельцин и два часа с ними разговаривал. Ему горячо доказывали, что простому человеку невозможно пробиться к руководителям страны, а «Память» могла бы вместе с партией сражаться против общего врага — космополитизма, рок-ансамблей, американизации жизни… Ельцин отвечал очень спокойно:

— Вокруг вас много спекуляций. Многие вас охаивают. Но вы даете повод к этому близкими к антисоветским высказываниями. Мы рассмотрим вопрос о регистрации, но на истинно патриотической основе…

Эта встреча породила подозрения: «Память» была одиозной организацией, порядочные люди с ней дела не имели. Так, может быть, Ельцин разделяет идеологию «Памяти»? Сочувствует ей? Или же просто не разобрался? Больше он с людьми из «Памяти» не встречался. Скорее, в тот день просто хотел показать, что не побоится выйти из кабинета и заговорить с возмущенной толпой.

Никаких оснований для подозрений в антисемитизме Ельцин не давал. Хотя и поговаривали, что в свое время первый секретарь

Свердловского обкома Борис Ельцин красным карандашом подчеркивал еврейские фамилии в списке работников Свердловской киностудии. Если это и было, то развития не получило.

Горбачев с раздражением говорил министру иностранных дел Александру Бессмертных и своему помощнику Анатолию Черняеву:

— Посмотрите, кто окружает Ельцина, кто его команда: евреи — все евреи!

В марте 1991 года председатель Верховного Совета России Ельцин провел заочную пресс-конференцию с помощью «Комсомольской правды». Его среди прочего спросили:

— Борис Николаевич, у нас Россия. Почему же вы так благоволите к евреям?

— В чем это сказывается?

— Потому что вы ведете политику неправильную.

— Нигде и никогда я не выделял национальностей. Считаю, каждая нация, каждый народ должны иметь равные права… А вы все-таки, если возможно, оценивайте людей по иным критериям, а не по паспортной графе…

Еще более известной стала устроенная в московском Доме политпросвещения встреча с пропагандистами. Она продолжалась шесть часов. Борис Николаевич говорил очень откровенно и свободно. Такого еще не было. Ельцин вспоминал:

«Я поставил себе за правило хотя бы раз в неделю бывать в магазинах. К сожалению, меня начинают узнавать. Каким-то образом узнают о моих маршрутах. Наводят марафет, встречают в белых халатах, вытаскивают из-под прилавка дефицит. Тут что-то надо предпринимать. Показуха мне не нужна…

Я побывал на многих московских рынках. Таких цен, как на рынках Москвы, я нигде не видел… Но ограничивать цены нельзя, потому что этот метод уже применялся и не дал результатов. Торговцы просто перекочевывают в другие города и области. На рынок надо давить торговлей, У каждого рынка нужно строить кооперативный магазин…»

Ельцина спросили, почему освобожден от должности второй секретарь Октябрьского райкома партии.

«Он снят с работы и получил партийное взыскание. Квартиру в многоквартирном доме он отгрохал себе барскую, с персональным камином и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом. Таким князьям не место в партии! На партработе должны работать кристально чистые люди».

Забавно перечитывать эти слова сейчас, когда новая номенклатура понастроила себе дворцов. Стремление к

обогащению, которое стало так заметно при новой власти, естественно, но Борис Ельцин не сделал ничего, чтобы помешать разложению своих чиновников, и даже скорее это поощрял. Во всяком случае, за камин в квартире он больше не увольнял.

Принимает ли первый секретарь простых посетителей? — спрашивали его тогда.

«Да, принимаю. Вот несколько дней тому назад принимал молодую женщину, продавщицу, мать двоих детей. Мы с ней проговорили два часа. Она подробно раскрыла мне систему поборов, существующих в торговле. За последние месяцы в Москве арестовано восемьсот руководителей торговли. Черпаем, черпаем, а дна в этом грязном колодце пока не видно. Но надо до конца вычерпать эту грязь. Мы стараемся разорвать преступные связи, изолировать руководителей, на их место посадить честных и преданных партии людей, а затем постепенно идти вглубь. Работа предстоит трудная и долгая, но мы твердо намерены вычерпать эту грязь до конца».

Тогда он еще думал, что коррупцию можно победить. Потом его грозные обещания покончить с коррупцией уже не воспринимались всерьез. Это превратилось в ритуал,

С горожанами первый секретарь беседовал участливо, интересовался их делами и мнением, не отмахивался от чужих забот. С руководителями говорил жестко. Городская номенклатура, избалованная тихими гришинскими временами, пришла в ужас. Не справившихся Ельцин сразу же снимал с работы. Находил новых, из них тоже немногие уцелели. Он привел в Мосгорисполком Юрия Михайловича Лужкова, который многие годы будет его верным союзником.

Постепенно у самого Ельцина накопились раздражение и недовольство — решения принимаются разумные, секретари и в горкоме, и в райкомах новые, а в целом ничего не меняется. Почему? Объяснение Ельцин находил неверное. Он полагал, что все можно исправить, если радикально обновить партийный аппарат, посадить новых людей и заставить их работать. Мысль о том, что понадобятся куда более глубинные преобразования, придет к нему не скоро.

Ельцин не понимал, что самый хороший секретарь райкома не в состоянии наполнить магазины продуктами и построить столько квартир, сколько необходимо.

Ельцин вновь сменил состав бюро, руководителей отделов горкома, нашел нового редактора «Московской правды» — Михаила Полторанина, который стал его верным соратником. Полторанин превратил скучную городскую газету в одну из самых читаемых. Защищенная до поры до времени авторитетом первого

секретаря, «Московская правда» громила номенклатуру и ее привилегии. Сотрудники ГАИ получили приказ останавливать на выезде из города черные «Волги» и выяснять цель поездки: оказалось, что большие чиновники пользуются служебным автотранспортом для поездок на дачу. Ельцин приказал сократить число персональных автомобилей и требовал, чтобы на служебных машинах не ездили жены и дети чиновников.

Ельцин сменил двадцать трех из тридцати трех первых секретарей райкомов. Приезжая на бюро горкома, ни один первый секретарь райкома не знал, в какой должности он вернется назад. Самое тесное общение с Ельциным не избавляло от жесткой критики и увольнения. Сначала это производило колоссальное впечатление на москвичей, которые видели, что сметается целая генерация партийных чиновников, не вызывавших у людей никаких чувств, кроме презрения. Потом острота впечатлений притупилась. Прежние чиновники исчезали, появлялись новые, но точно такие же.

Как обойтись без снотворного…

На Ельцина в ЦК пачками пошли жалобы от обиженных чиновников. Его поведение искренне возмущало партийных коллег. Они считали, что Ельцин подрывает основы власти.

И в ЦК им были недовольны: где перемены? Близкого контакта с Горбачевым у него не было. А тут еще разладились отношения с Лигачевым. Горбачев поначалу передал Лигачеву все полномочия второго секретаря, поручая ему делать то, чем не хотел заниматься сам: проводить кадровую чистку, закручивать гайки, осуществлять повседневный контроль. Егор Кузьмич достиг пика своего влияния, и от него многое зависело в чисто практических делах. Он хотел все знать и старался во все влезать. Он держался нарочито строго и жестко, считая, что любое проявление либерализма, нарушение иерархии взаимоотношений между начальником и подчиненным губительно для руководящей и направляющей роли партии.

Ельцин был не единственным, кто жаловался на мелочную опеку Лигачева, но Борису Николаевичу доставалось больше других. Егор Кузьмич пытался держать московского секретаря в ежовых рукавицах и жестко контролировал его деятельность. Во-первых, Ельцин был тут, под рукой, в соседнем подъезде. Во-вторых, если руководители правительства могли хотя бы формально отстаивать свою независимость, то уж Московский горком точно подпадал под власть секретариата ЦК.

Егор Кузьмич исходил из того, что Ельцин должен быть ему по гроб жизни обязан за перевод в столицу. Но Борис Николаевич не испытывал таких чувств. Лигачев, видимо, быстро разочаровался в своем выдвиженце. Он не любил своенравия и знал, как прищемить хвост. Для этого у него в руках были все необходимые рычаги.

Он дергал Ельцина по мелочам, по каждому поводу заставлял отчитываться, считая, что таким путем укротит строптивого. А Борис Николаевич просто перестал ходить на секретариаты ЦК и при случае сам атаковал Егора Кузьмича. В разгар антиалкогольной кампании рассказал, что закупленное в Чехословакии оборудование для пивных заводов демонтировали и сломали.

Горбачев развел руками:

— Что сделаешь?..

Ельцин заговорил о том, сколько вырублено виноградников, сколько заводов перепрофилировано. Лигачев завелся:

— Позвольте?.. Ельцин:

— Я еще не закончил! Лигачев:

— Позвольте, я скажу.

Горбачев молча наблюдал за перепалкой. Ельцин закончил свою речь словами:

— За такие дела надо снимать с работы и судить! Видя, что московский секретарь бунтует, Егор Кузьмич пустил в ход тяжелую артиллерию. В августе 1986 года на заседании политбюро Ельцин заговорил о том, что в Моссовет обращаются разные группы, которые пытаются проводить демонстрации и митинги. Они требуют, чтобы Моссовет решил, где проводить такие мероприятия, сколько людей могут в этом участвовать и так далее. Ельцин выразился в том смысле, что такое решение придется принимать.

Горбачев согласился и поручил Ельцину готовить предложения. Прошел месяц, Горбачев уехал в отпуск. Заседания политбюро вел Лигачев. И вдруг, вспоминает член политбюро Воротников, Егор Кузьмич «поднял вопрос о публикации в московской печати Моссоветом правил проведения митингов и демонстраций». Предлагалось все митинги проводить в одном месте — в Измайловском парке (по типу лондонского Гайд-парка).

Лигачев резко отчитал московского секретаря:

— Почему Ельцин не рассмотрел этот вопрос на бюро МГК? Когда ты, Борис Николаевич, поднимал на политбюро этот вопрос, то Горбачев просил тебя проработать и внести предложения о порядке проведения всяких демонстраций, митингов и шествий. Ты согласился. А сделали по-другому. Ведь принятый Моссоветом порядок беспределен. Он не определяет многие параметры: предварительное согласование, место и продолжительность демонстраций, количество людей. Кто ответствен за безопасность и тому подобное?

Ельцин не ожидал атаки, стал оправдываться:

— Это дело Советов, я же докладывал на политбюро, было дано добро.

— Неверно, — возмущался Лигачев, — было дано принципиальное согласие — разработать правила проведения митингов, шествий. Горбачев сказал: вносите предложения, а вы пустили на самотек. Надо же иметь единый порядок не только по Москве, но и по стране.

Ельцин даже несколько растерялся. Он пытался объясниться, но обвинения следовали одно за другим. Динамизм Ельцина в политбюро нравился немногим. Остальных он раздражал, и это выплеснулось. Опытные партийные чиновники почувствовали, что и отношение Горбачева к Ельцину изменилось к худшему.

Генеральный секретарь надеялся, что Борис Николаевич, выполняя его указания, покажет, чего можно добиться под знаменем перестройки.

Первоначально Горбачеву нравилось, как действует неутомимый Ельцин. Он хвалил Бориса Николаевича за то, что тот решительно очищает столицу от гришинского наследства. Но особыми успехами Москва похвастаться не могла (как, впрочем, и вся страна). Зато сам Ельцин стал как бы теснить Горбачева в сознании людей. На фоне московского секретаря Михаил Сергеевич казался вялым и консервативным. Горбачев хмурился, а тонко улавливающие, настроения начальства высшие партийные чиновники сразу сообразили, что Ельцин больше не фаворит, и стали держаться от него подальше. Ельцин почувствовал себя в изоляции, на политбюро молчал. Но Горбачев не давал ему молчать, просил Бориса Николаевича тоже высказываться. Это привело к еще большему обострению отношений.

В январе 1987 года на пленум ЦК КПСС был вынесен вопрос о кадрах. Накануне пленума доклад Горбачева обсуждался на политбюро. Ельцин, по обыкновению, молчал. Горбачев спросил его мнение. Лучше бы он этого не делал…

Ельцин высказался резко и безапелляционно: предложил дать оценку членам политбюро, которые виновны в застое, но все еще сидят на своих местах, реальнее оценить скромные успехи перестройки, быть самокритичнее, не спешить себя хвалить — пока не за что. Во многих эшелонах власти не произошло ни оздоровления, ни перестройки. Критика идет в основном сверху вниз. Ельцин не упустил случая высказаться в адрес Лигачева: мы никак не можем уйти от нажимного стиля в работе, это идет от аппарата ЦК…

Секретари ЦК Вадим Медведев и Александр Яковлев, сторонники более глубоких политических реформ, на том заседании политбюро обменялись короткими записками относительно Ельцина, который неожиданно открылся им с новой стороны.

Медведев написал Яковлеву: «Оказывается, есть и левее нас, это хорошо».

Яковлев ответил Медведеву: «Хорошо, но я почувствовал какое-то позерство, чего не люблю».

Медведев — Яковлеву: «Может быть, но такова роль».

Яковлев — Медведеву: «Отставать — ужасно, забегать — разрушительно».

Горбачев был раздосадован словами Ельцина. И в заключительном слове перешел в контратаку, сказал, что нельзя

«в оценке прошлого сводить дело к оценке членов руководства и членов ЦК прежних составов».

Генеральный обрушился на московского секретаря, сказал, что «надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо под видом усиления требовательности устраивать гонение на кадры, ломать «через колено» судьбы людей. Перестройка начата во имя утверждения в обществе и партии демократических принципов, этих целей не достичь на подходах, далеких от демократии…».

Слова Горбачева были небывало резкими. Борис Николаевич вновь взял слово и пошел на попятную:

— Для меня это урок. Думаю, что он не запоздал.

Ельцин не ожидал такого выпада со стороны генерального секретаря, он понял, что лишился поддержки Горбачева. Он даже почувствовал себя плохо. Когда все разошлись, он все еще сидел в зале заседаний политбюро, приходил в себя. Вызвали врача, но Ельцин отказался от его помощи.

А Горбачев никак не мог успокоиться. На следующий день он стал обзванивать членов политбюро, говорил, что вчерашнее выступление Ельцина оставило у него неприятный осадок, что Борис Николаевич заигрывает с массами, а ситуация в Москве не улучшается, много слов, да мало дела.

Ельцин тоже переживал после неудачного выступления на политбюро. Позвонил члену политбюро Виталию Воротникову:

— Занесло меня опять. Видимо, я перегнул где-то, как считаете?

Воротников его успокоил:

— Нередко и другие вступают в споры. Только ведь надо как-то спокойнее, самокритичнее выступать. Ты всегда обвинитель, обличитель. Говоришь резко, безапелляционно. Так нельзя.

Ельцин согласился:

— Такой характер. А выступать на пленуме надо ли?

Воротников его подбодрил:

— Конечно надо. Ельцин был благодарен:

— Ну, спасибо.

Стараясь восстановить отношения, Ельцин попросился на прием к Горбачеву. Они разговаривали почти два с половиной часа. Вроде бы объяснились. Но на очередном пленуме ЦК, выступая, Ельцин опять говорил очень резко:

— Прошло два года, а перестройка вглубь не пошла. И снова критиковал стиль работы секретариата, то есть непосредственно Лигачева:

— Ничего не изменилось — обилие бумаг, администрирование.

Коллеги по политбюро не понимали поведения Ельцина. С

одной стороны, он не хотел ссориться с генеральным секретарем, с другой — как только начинал говорить, вступал в спор.

На заседании политбюро, где обсуждался проект доклада Горбачева к семидесятилетию Октября, Ельцин высказал массу замечаний. Горбачев буквально взорвался и наговорил Борису Николаевичу много неприятного.

После этого заседания отношение Горбачева к первому секретарю Московского горкома резко изменилось. Он как бы не замечал Ельцина. Это был очень дурной признак. Ельцин не наивный человек. Понимал: при таких отношениях с генеральным секретарем долго не проработаешь. Так оно и произошло. Эти годы стали разрушительными для здоровья Бориса Николаевича.

«Ельцин стал срываться, — писал тогдашний начальник 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР академик Евгений Чазов, — у него нарушился сон (по его словам, он спал всего три-четыре часа в сутки), и в конце концов он попал в больницу. Эмоциональный, раздраженный, с частыми вегетативными и гипертоническими кризами, он произвел на меня тогда тяжкое впечатление. Но самое главное — он стал злоупотреблять успокаивающими и снотворными средствами, увлекаться алкоголем.

Честно говоря, я испугался за Ельцина, потому что еще свежа была в моей памяти трагедия Брежнева. Ельцин мог пойти по его стопам (что и случилось впоследствии, причем в гораздо худшей форме).

Надо было что-то предпринимать. Я обратился за помощью к известному психиатру, которого считал лучшим по тем временам специалистом в этой области, члену-корреспонденту Академии медицинских наук Рубену Наджарову. Состоялся консилиум, на котором у Ельцина была констатирована появившаяся зависимость от алкоголя и успокаивающих средств…

Наши рекомендации после консилиума о необходимости прекратить прием алкоголя и седативных препаратов Ельцин встретил в штыки, заявив, что он совершенно здоров и в нравоучениях не нуждается. Его жена, Наина Иосифовна, поддержала нас, но на ее просьбы последовала еще более бурная и грубая по форме реакция. К сожалению, жизнь подтвердила наши опасения, и через десять лет этот сильный от природы человек стал тяжелым инвалидом…»

Срыв или бунт?

По своему психотипу Ельцин отличался от остальных членов политбюро. Он человек не речевой культуры, ему было неуютно среди давно обжившихся в Москве умельцев и говорунов. Ему хотелось первенствовать. Но за огромным столом секретариата ЦК Ельцин не был первым. Первым был еще более энергичный и быстрый в словах и поступках Егор Лигачев. В политбюро Ельцин, как кандидат, и вовсе ощущал себя второсортным. Его это угнетало.

Горбачев пишет так:

«До меня доходили переживания Ельцина, что Горбачев держит в «предбаннике» — кандидатом в члены Политбюро — первого секретаря столичной партийной организации, что мешает ему действовать более авторитетно и решительно. И это, мол, в то время, когда в Политбюро сохранились от прошлого «мастодонты и динозавры»…

Близилась пора отчета о результатах работы, проделанной им в качестве секретаря МГК, а по существу ничего не менялось, обещания повисли в воздухе… Ельцин начал нервничать, впадать в панику, в административный зуд. Не зная, что делать, устраивал бесконечные разносы, забывая о своих призывах к развитию демократии…

Или ощущение бессилия, нарастающей неудовлетворенности оттого, что мало удалось добиться в Москве, вывело его из равновесия, привело к срыву…»

То, что генеральный секретарь снисходительно именует «срывом», было настоящим бунтом.

Ни сам Ельцин, ни кто-либо другой так и не сумел толком объяснить, почему он осенью 1987 года вдруг взбунтовался. Это глядя из сегодняшнего дня мы знаем, что он интуитивно поступил правильно, что этот бунт со временем и сделал его народным любимцем и первым президентом России. Но никто, в том числе он сам, тогда и представить себе не мог такого фантастического поворота событий.

Никакой здравый расчет в тот момент не мог подвигнуть его на выступление против генерального секретаря и вообще против партийного руководства. Он рискнул всем — и карьерой, и здоровьем, и чуть ли не всей жизнью, и потерял тогда почти все. Его считали конченым человеком, который сам себя погубил. И все были уверены, что ему уже не подняться.

Так что же, бунт Ельцина был ошибкой недальновидного человека, которого потом совершенно случайно подхватила волна

народной симпатии и сделала своим лидером? Потом, когда Ельцин станет главой российского парламента, а затем и президентом и на него будут обращены взгляды миллионов, люди из его окружения будут утверждать, что им действительно руководят инстинкты. Не арифметический расчет, не тщательное взвешивание плюсов и минусов, что доступно многим из нас, а некое интуитивное понимание того, как именно нужно поступить. При этом он сам не в состоянии объяснить, почему действует так, а не иначе.

Ельцин, несомненно, всю свою политическую жизнь руководствовался определенной логикой. Но в ней, как ни парадоксально, больше интуиции, чем самой логики, если такое вообще возможно. В книгах, написанных за него Валентином Юмашевым, чувствуется желание как-то обосновать его действия. Но эти попытки перевести на простой арифметический язык хитроумные ельцинские построения не очень удачны. Во всяком случае, это какая-то совершенно иная, нестандартная, своеобычная логика, которая не раз приводила его к весьма неожиданным и странным решениям.

Когда Горбачев осенью 1987 года ушел в отпуск, Лигачев своей властью назначил комиссию секретариата ЦК по проверке состояния дел в Москве. Это сулило Ельцину крупные неприятности, потому что выводы такой комиссии могли быть только резко критическими.

После очередной перепалки с Лигачевым, 12 сентября, Борис Николаевич написал Горбачеву, отдыхавшему у теплого моря в расцвете своей славы, письмо-жалобу на притеснения Лигачева. Вот с этого письма и заварилась история, которая закончилась, собственно, с уходом в отставку Горбачева, после чего Ельцин стал в Кремле хозяином.

Но неверно было бы представить себе эту драматическую историю, растянувшуюся на четыре года, всего лишь цепью случайностей. Не тереби Лигачев Ельцина, он бы не написал письмо Горбачеву… Не оставь Горбачев письмо без внимания, не стал бы Ельцин выступать на пленуме… Не отправь Горбачев Ельцина в отставку, он бы не превратился в народного героя, которого на руках внесут в Кремль…

Думаю, что конфликт Ельцина с Горбачевым был предопределен. В любом случае нашелся бы для него повод. Не один, так другой… Борис Ельцин шел к власти, потому что по своей натуре он человек, который может быть только первым. Но тогда, более всего обиженный на Егора Кузьмича, он даже сам не понимал, что его главный соперник — это Горбачев. Ему еще кажется, что Михаил Сергеевич союзник, на которого можно и

нужно опереться.

И в письме он жалуется на плохое к нему отношение:

«Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, чего не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно от некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному отношению ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее — я оказался неподготовленным, со всем своим стилем, прямотой, своей биографией, работать в составе Политбюро.

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах.

О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы т. Лигачева Е.К. Мое мнение (да и других) — он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное — проигрывает партия в целом. «Расшифровать» все это — партии будет нанесен вред (если высказать публично). Изменить что-то можете только Вы лично для интересов партии…

Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны… — а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придирок, выискивание негатива для материала. Вопросы для своего «авторитета».

Я уж не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро 10 сентября нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля…

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобны и Вам.

Чувствую, что нередко появляется желание отмолчаться тогда, когда с чем-то не согласен, так как некоторые начинают «играть» в согласие.

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому, что, несмотря на Ваши невероятные усилия, стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее, подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это формальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС».

Через несколько часов это письмо уже было в Пицунде и легло на стол генерального секретаря.

В самом факте жалобы на притеснения со стороны Лигачева не было ничего неожиданного. Удивительна была просьба об отставке. Ельцин впал в отчаяние и действительно готов был уйти? Или на самом деле требовал от Горбачева сделать выбор между ним и Лигачевым? И полагал, что в такой форме обращение обязательно заставит Горбачева действовать?

Получилось совсем не так, как предполагал Ельцин.

Письмо, в котором он жаловался на «недостаточную поддержку, равнодушие к московским делам и холодное отношение» к нему, на «скоординированную травлю», не произвело на Горбачева особого впечатления. Все время от времени жаловались на свою трудную жизнь, Михаил Сергеевич к этому привык. Он решил, что у Ельцина просто сдали нервы.

Получив письмо, Горбачев велел соединить его с московским секретарем и стал его успокаивать. Просьбу об отставке он конечно же всерьез не принял. Свидетелем разговора был Анатолий Черняев, помощник генерального секретаря.

Горбачев уговаривал Ельцина:

— Подожди, Борис, не горячись, разберемся. Дело идет к семидесятилетию Октября. Москва здесь заглавная. Надо хорошо подготовиться и достойно провести. Предстоит сказать и сделать важные вещи в связи с этим юбилеем. Работай, давай как следует проведем это мероприятие. Потом разберемся. Я прошу тебя не поднимать вопроса об отставке…

Положив трубку, Михаил Сергеевич удовлетворенно сказал Черняеву:

— Уломал-таки, договорились, что до праздников он не будет

нервничать, гоношиться…

Горбачев не любил выяснять отношения, предпочитал спускать на тормозах, гасить конфликты. Он был большим мастером уговаривать, убеждать и привлекать на свою сторону.

После разговора с генеральным Ельцин несколько успокоился. Ему показалось, что Михаил Сергеевич его фактически поддержал. Он с нетерпением ждал большого разговора, в котором все должно было выясниться: если Горбачев заинтересован в продолжении его работы на благо перестройки, пусть поддержит его публично, защитит от Лигачева.

Михаил Сергеевич в прекрасном настроении вернулся из отпуска в Москву, но беседовать по душам с Ельциным не собирался. Просто не считал это важным. Что касается конфликта между Лигачевым и Ельциным, то генеральный секретарь вовсе не нуждался в единомыслии своих сотрудников. Его подобная ситуация вполне устраивала, как, скажем, и противостояние Лигачева и Александра Николаевича Яковлева.

Борис Николаевич нервничал, настаивал на разговоре. Но оказалось, что даже первому секретарю Московского горкома и кандидату в члены политбюро трудно встретиться с Горбачевым. Он звонил генсеку, просил о встрече, а тот откладывал серьезный разговор на потом.

Видимо, Ельцин не выдержал, считая, что Горбачев вовсе не желает с ним разговаривать. Расценил это как плохой для себя знак, как обычное византийство Горбачева, который настроен против него, но не торопится это сказать. А раз так, значит, терять нечего. Не ждать, пока с тобой расправятся, а нанести удар первым.

Чувства Ельцина понятны — не так часто кандидаты в члены политбюро обращаются с просьбой об отставке, а генеральный словно пропускает это мимо ушей. Горбачев в своем высокомерии, видимо, решил, что Ельцин блажит. Поинтересовался, наверное, у Лигачева: что случилось с Борисом? Тот ответил: как всегда. И Горбачев решил, что все само рассосется. Не рассосалось.

Предстоял пленум ЦК, на котором предполагалось обсудить проект доклада Горбачева по случаю приближающейся 70-й годовщины Октябрьской революции. Ельцин никого не предупредил, что собирается выступать на пленуме. Текст он не писал, выступал экспромтом, хотя речь тщательно продумал.

21 октября 1987 года открылся пленум ЦК, который сыграл колоссальную роль в жизни Ельцина и в конечном счете в судьбе страны, потому что Борис Николаевич принадлежал к тем политикам, которые меняли время.

Борис Николаевич, видимо, до последней минуты ждал какого-то сигнала от Горбачева, какого-то намека, поддержки. Не дождавшись, поднял руку и попросил слова.

После доклада Горбачева председательствующий Лигачев спросил:

— Товарищи, есть ли желающие выступить?

Заранее докладчиков не намечали, поэтому в зале молчали, желающих подняться на трибуну не нашлось. Уже готовились зачитать резолюцию. Лигачев еще раз оглядел зал и сказал:

— Если нет желающих, будем переходить к следующему вопросу.

Как это нередко в жизни бывает, все последующие события в какой-то мере зависели от случая. Горбачев взглянул на первый ряд, где сидели кандидаты в члены политбюро и секретари ЦК, и перебил Лигачева:

— Вот у Ельцина есть вопрос.

Лигачев не хотел отклоняться от заранее определенного распорядка:

— Давайте посоветуемся, будем ли открывать прения? Послышались голоса:

— Нет.

Ельцин привстал было, потом сел. Вновь подал реплику Горбачев:

— У товарища Ельцина есть какое-то заявление. Тогда Лигачев предоставил слово Ельцину. «Вышло все так, — вспоминал Виталий Воротников, —

будто один раздумывает, говорить или нет, а второй — его подталкивает выступить. Обычно в аналогичных случаях, чтобы не затягивать время, Горбачев предлагал: «Ну, слушай, давай обсудим с тобой после, что всех держать». Собеседник соглашался. А сегодня?!»

Лигачев не хотел предоставлять Ельцину слово просто потому, что прения на пленуме не предполагались. Горбачев изложил тезисы своего доклада, посвященного 70-летию Октября, и все, можно заканчивать.

Почему же Горбачев предложил дать Ельцину слово?

Горбачева подозревали в коварстве — то ли он хотел спровоцировать Ельцина на откровенность и таким образом с ним разделаться, то ли, напротив, замыслил чужими руками облить грязью Лигачева и подорвать его позиции. Но скорее всего, Горбачев в тот момент просто забыл о письме Ельцина. После доклада он вообще пребывал в благодушном настроении и не подозревал, какая буря клокочет в душе Бориса Николаевича.

Михаилу Сергеевичу как-то по-человечески жалко было сразу

закрывать пленум. Его общительная душа требовала продолжения разговора. Он надеялся услышать какие-то слова о своем докладе и не без оснований полагал, что слова будут положительные. Ведь это был 1987 год, тогда еще никто не смел критиковать генерального секретаря. Едва ли он мог предположить, что именно Ельцин произнесет с трибуны партийного пленума.

Борис Николаевич заметно волновался, выступал сбивчиво, сумбурно.

— Я бы считал, — говорил Ельцин, — что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с секретариата ЦК, о чем было сказано на июльском пленуме Центрального комитета. Я должен сказать, что после этого хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы секретариата ЦК, стиля работы товарища Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, — Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, — допускается именно на этом уровне…

Такие речи в зале пленумов ЦК КПСС не звучали, наверное, со времен партийной оппозиции двадцатых годов. На сидевших в зале оторопь нашла. Они еще никогда не слышали такой откровенной атаки на второго человека в партии.

— Сначала был серьезнейший энтузиазм — подъем, — говорил Ельцин. — И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский пленум ЦК КПСС. Затем, после июньского пленума ЦК, стала вера как-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит… Меня, например, очень тревожит… в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов политбюро, от некоторых постоянных членов политбюро в адрес генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо…

Вскоре Горбачева начнут крыть на всех партийных и непартийных собраниях. И самые немыслимые обвинения перестанут удивлять. Но в тот день впервые кто-то осмелился открыто, прилюдно критиковать генерального секретаря.

А закончил свою речь Ельцин и вовсе неожиданно:

— Видимо, у меня не получается в работе в составе политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в

члены политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии…

И в отставку по своей воле в этом зале тоже еще никто не подавал. Да и кто, добравшись до вершины власти, мог с ней расстаться, понимая, что это означает и одновременно отказаться от максимального в той жизни житейского благополучия? Купить за деньги нельзя было почти ничего,

все блага — от еды до лекарств, от машины до квартиры — прилагались к должности. Отбирали должность — отбирали все.

Если бы такую речь кто-то произнес через год, никто бы и внимания не обратил. Но тогда она произвела эффект разорвавшейся бомбы. Это был настоящий скандал.

Воротников вспоминал: «Все как-то опешили. Что? Почему? Непонятно… Причем такой ход в канун великого праздника! Я про себя подумал, что Михаил Сергеевич сейчас успокоит Бориса Николаевича. Хорошо, раз есть замечания, то давайте разберемся, обсудим, определим, что делать. Но не сейчас же! Поручить политбюро разобраться и доложить. Все. Но дело приняло иной оборот…»

Атаку на Лигачева и какие-то замечания общего характера Михаил Сергеевич бы еще стерпел, но Ельцин задел и его самого — причем самым болезненным образом. Наверное, Горбачев решил так: если он оставит это без ответа, то и другие решат, что им тоже можно нападать на первого человека в стране. Авторитет генерального секретаря рухнет. Горбачев был разъярен. Он подвинул Лигачева и взял председательство в свои руки. Посмотрел на членов политбюро, потом устремил взор в зал и сказал:

— Выступление у товарища Ельцина серьезное. Не хотелось бы начинать прения, но придется обсудить сказанное. Это тот случай, когда необходимо извлечь уроки для себя, для ЦК, для Ельцина. Для всех нас.

Члены политбюро правильно поняли взгляд Горбачева: ну что, мол, надо определить и вам свои позиции, как вы относитесь к тому, что на ваших глазах критикуют генерального секретаря? Они стали выступать один за другим. Кто-то с искренней страстью набросился на Ельцина: почему бы не потоптать ногами падшего фаворита? Другие делали это вынужденно и без удовольствия — Горбачев потребовал от членов политбюро коллективной присяги на верность в форме уничтожающей критики Ельцина. Не всем хотелось клеймить московского секретаря, но не осудить в тот момент Ельцина означало бросить

вызов Горбачеву, который хотел убедиться, что его соратники хранят ему верность. Выступили двадцать шесть человек, в том числе все члены политбюро.

Сейчас опять же трудно себе представить, что в те времена такой хор обвинений означал для человека политическую смерть. Всем находившимся в зале было ясно, что песенка Ельцина спета. Наиболее активные требовали немедленно снять его с работы и вывести из состава ЦК.

Горбачев поднял Ельцина и заставил его оправдываться. Тот говорил достаточно невнятно. Горбачев стал его сам корить:

— Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный комитет занимался тобой? Уговаривал, да?.. Надо же дойти до такогогипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашегодела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному комитету партии эту дискуссию. Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке…

И дальше Горбачев еще целый час разносил Ельцина:

— Мы на правильном пути, товарищи!.. Мы не зря прожили эти два года, хотя они и не нравятся товарищу Ельцину. Не зря! Ведь посмотрите, что он сказал! Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил. Это безответственнейшее заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить.

В постановлении пленума говорилось, что выступление Ельцина надо признать «политически ошибочным. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении тов. Ельцина Б.Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом обмена мнениями, состоявшегося на Пленуме ЦК КПСС».

Удар ножницами

Ельцин конечно же не ожидал, что ему устроят публичную порку. Товарищи по партийному руководству шарахались от опального Ельцина как от чумного и не могли понять, почему он до сих пор не отправлен в отставку, почему он все еще рядом с ними, почему приходит на политбюро, садится рядом? Что это означает? С недоумением посматривали на генерального секретаря: почему он медлит? Неужели решил оставить Ельцина на своем месте? Да как это можно — после всего, что было сказано?

Партийно-административная логика требовала примерно наказать Ельцина, чтобы другим было неповадно. Только этого ждали от Горбачева в аппарате. А он некоторое время колебался. Анатолий Черняев, помощник Горбачева, советовал своему шефу не принимать отставки Ельцина и специально написал Михаилу Сергеевичу письмо с любопытным анализом поведения Бориса Николаевича:

«Прежде всего это эмоциональный всплеск: я, мол, выкладываюсь, себя не жалею (и это ведь действительно так), пытаюсь что-то сделать с этой обленившейся и зазнавшейся, застойной Москвой, а получаю одни тумаки, да еще в грубой форме, да еще прилюдно, на секретариате.

А что касается амбиций, то в общем-то они простительны: вряд ли он метил на самые первые места (ума хватает, наверное, на это не рассчитывать)…

По его поведению на субботнем пленуме мне стало совсем ясно, что, подавая на пленуме в отставку, он рассчитывал на то, что «не осмелятся» ее принять. Слишком он стал уже известен повсюду, а в Москве — даже популярен…

Отставка Ельцина будет воспринята как победа консервативных сил, хотя сам он лично, видимо, недалек от их взглядов на вопросы нашей истории по причине, скорее всего, «малограмотности» в этой области…

Да и по делам в Москве… Как должен будет понимать «неприемлемость» Ельцина его преемник? Что, надо поспокойнее, потише, поаккуратнее, за шиворот не трясти? Но так с Москвой далеко не уедешь. Тут еще разгребать и разгребать. А у Ельцина что-то начинало получаться, растормошил он людей, взялся за них. И недаром московское бюро не хочет, чтобы он ушел, хотя и для них он — не подарок…»

А сам Ельцин уходить не хотел. Он почему-то до последнего надеялся, что Горбачев в конце концов встанет на его сторону.

Горбачев отдельно беседовал с Ельциным. Тот покорно признал свое выступление на пленуме ошибкой. Потом пришел на очередное заседание политбюро. Попросил слова. Когда до него дошла очередь, повинился:

— Моя главная ошибка — из-за амбиций, самолюбия уклонялся от того, чтобы нормально сотрудничать с Лигачевым, Разумовским, Яковлевым. Но товарищи в горкоме партии не отвернулись от меня — хотя и осудили мое поведение, просят остаться…

Оказывается, Борис Николаевич попросил членов бюро горкома обсудить его поведение. Сам ушел, чтобы своим присутствием не давить на подчиненных. Бюро, не зная, как в конце концов повернется дело, решило не ссориться ни с ЦК, ни со своим первым секретарем, поэтому приняло в высшей степени дипломатичное решение: осудило Ельцина и за выступление на пленуме, и за то, что заранее не посоветовался с товарищами в горкоме, и за то, что подал заявление об отставке.

У Михаила Сергеевича этот поворот событий вызвал раздражение. Получалось, что Ельцин остается при своем мнении, то есть он абсолютно во всем прав, но, так и быть, готов остаться, раз бюро горкома не хочет, чтобы он уходил.

Если бы Борис Николаевич раскаялся и покаялся, проявил готовность быть верным вассалом, Горбачев, может быть, еще и передумал. Но он уже увидел, что покорным Ельцин все равно не будет. Так зачем же ему держать под боком такого смутьяна, да еще и популярного в народе? В стране может быть только один популярный политик — сам Михаил Сергеевич. Члены политбюро дисциплинированно поддержали мнение генерального. Горбачев сам позвонил Ельцину и сказал ему, что его политическая карьера окончилась.

И Борис Николаевич сорвался.

Этот драматический эпизод в книге Ельцина «Исповедь на заданную тему» описан так:

«Девятого ноября с сильными приступами головной и сердечной боли меня увезли в больницу. Видимо, организм не выдержал нервного напряжения, произошел срыв.

Меня сразу накачали лекарствами, в основном успокаивающими, расслабляющими нервную систему. Врачи запретили мне вставать с постели, постоянно ставили капельницы, делали уколы. Особенно тяжело было ночью, я еле выдерживал эти сумасшедшие головные боли…»

Срыв у Ельцина действительно произошел. Но госпитализировали его не потому, что у него болели сердце и голова.

Вот как описал в своем дневнике случившееся член политбюро Виталий Воротников:

«9 ноября в понедельник, в 13.30 срочно пригласили в ЦК. В кабинете Горбачева собрались только члены политбюро (Лигачев, Громыко, Рыжков, Зайков, Воротников, Чебриков, Яковлев, Шеварднадзе, Соломенцев).

Сообщение Лигачева. Ему позвонил второй секретарь МГК и сказал, что у них ЧП. Госпитализирован Ельцин.

Что произошло? Утром он отменил назначенное в горкоме совещание, был подавлен, замкнут. Находился в комнате отдыха. Примерно после 11 часов пришел пакет из ЦК (по линии политбюро). Ему передали пакет. Через некоторое время (здесь я не помню точно, как говорил Лигачев, — или потому, что ожидали его визы на документе и зашли к Ельцину, или он сам позвонил) к Ельцину вошли и увидели, что он сидит у стола, наклонившись, левая половина груди окровавлена, ножницы для разрезания пакета — тоже. Сразу же вызвали медицинскую помощь из 4-го управления, уведомили Чазова, сообщили Лигачеву. О факте знают несколько человек в МГК».

Председатель КГБ Виктор Чебриков дополнил рассказ Лигачева:

«В больнице на Мичуринском проспекте (спецбольница с поликлиникой 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР), куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится Е.И. Чазов (начальник 4-го Главного управления).

Что он говорит? Был порез (ножницами) левой стороны груди, но вскользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет. Сделали обработку пореза, противостолбнячный укол…

Во время заседания вновь позвонил Чазов. И еще раз подтвердил, что порез небольшой, можно два-три дня подержать. А вообще — это амбулаторный режим».

Горбачев пишет, что ему немедленно доложили о чрезвычайном происшествии: «Ельцин канцелярскими ножницами симулировал покушение на самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно. По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла — ножницы, скользнув по ребру, оставили кровавый след… Врачи сделали все, чтобы эта малопривлекательная история не получила огласки. Появилась версия: Ельцин сидел в комнате отдыха за столом, потерял сознание, упал на стол и случайно порезался ножницами, которые держал в руке…»

Академик Чазов к тому времени уже не возглавял 4-е управление, он стал министром здравоохранения, но, видимо, по старой памяти Лигачев попросил его выяснить, в чем дело. Бориса Николаевича осмотрели несколько профессоров, в том числе виднейший специалист в области грудной хирургии. Но их помощь не понадобилась.

По мнению Чазова, «произошел нервно-эмоциональный срыв затравленного человека, который закончился тяжелой реакцией, похожей на суицид (самоубийство). И все же это не был суицид, как пытались представить некоторые недруги Ельцина. И тогда, и спустя годы, не упоминая имени Бориса Николаевича, мне приходилось обсуждать эту ситуацию со специалистами-психиатрами, и все они в один голос говорили, что это больше похоже на инсценировку суицида. Люди, собирающиеся покончить с жизнью, говорили они, выбирают более опасные средства…

Для меня ситуация была ясна — это совершено в состоянии аффекта человеком, который в тот момент думал, что рушатся все его жизненные планы…»

Политбюро в тот день заседало долго, обсуждая и осуждая Ельцина. Никто не подумал о том, что переживший чудовищный стресс человек прежде всего нуждается в неотложной психологической и психиатрической помощи.

Исходили из того, что советский человек не имеет права на проявление слабости.

Попытка самоубийства, если эта версия была верной, и вовсе рассматривалась как непростительный проступок, недостойный коммуниста-руководителя. Теперь уж точно Борис Николаевич утратил моральное право руководить столичной партийной организацией…

Вот как в кабинете генерального секретаря на Старой площади шло обсуждение вопроса о Ельцине, судя по дневниковым записям Воротникова. Ни капли сочувствия или доброжелательности:

«Факт сам по себе беспрецедентный. Что это? Случайность или срыв? Форма протеста или малодушие? Не похоже на Бориса Николаевича… Факт скрыть не удастся. Станет известно в Москве. Надо принимать решение. Пленум МГК намечен или нет? Дата уже известна. Необходимо решать вопрос, откладывать нельзя. Однако следует подождать дополнительной информации о состоянии здоровья. Новые сообщения врачей — состояние удовлетворительное. Возбуждение после сна пройдет…

Члены политбюро, секретари ЦК стали рассуждать. Обстановка в Москве, особенно в активе, сложилась в последние

месяцы не в пользу Ельцина. Взялся он за дело по обыкновению активно, круто. Тезис: при Гришине все было плохо — сначала срабатывал, давая повод для разноса и замены кадров. «Закручивание гаек». Хождения в народ — на заводы, стройки, в магазины. Выслушивал, критиковал старые порядки, давал обещания и авансы.

Но время идет, прошло почти два года, а дела не поправляются. Стали спрашивать, где обещанное. Да тут и в ЦК не только помогают, но и критикуют, требуют более результативной работы. К этому не привык Борис Николаевич!

Опять стали обсуждать: как поступить? Горбачев, другие члены политбюро склонились к выводу, что налицо депрессия. Тянуть с решением нельзя, надо выносить вопрос на пленум МГК, как было поручено пленумом ЦК.

Итоги обсуждения подвел Горбачев: «В принципе решение о том, что Ельцина надо освобождать от работы, как он и сам просит, в политбюро уже созрело и раньше. Иначе —

беспринципность. Сегодняшний день еще раз подтвердил правильность оценок на пленуме. Убежден, что мы верно поступили, не став (хотя было сильное давление членов ЦК) решать этот вопрос на пленуме ЦК. Но сейчас откладывать уже нельзя. Надо будет встретиться с секретарями райкомов, обсудить предварительно на бюро МГК, а затем на пленуме. Видимо, необходимо поручить это генеральному секретарю. Как считаете?»

Реплики: «Конечно, ведь это Москва»…»

Расправа на пленуме

Утром 11 ноября Горбачев позвонил Ельцину в больницу. В палате кандидата в члены политбюро были установлены аппараты правительственной связи. Борис Николаевич разговаривал совершенно убитым тоном. Горбачев сказал, что ждет его у себя в ЦК. Ельцин не хотел ехать, говорил, что врачи прописали ему постельный режим. Но Горбачев бесцеремонно дал понять, что он обо всем знает (он имел в виду историю с ножницами) и что настало время провести пленум горкома.

Ельцин продолжал сопротивляться:

— Зачем такая спешка? Мне тут целую кучу лекарств прописали…

— Лекарства дают, чтобы успокоить и поддержать тебя. А тянуть с пленумом ни к чему, — твердо сказал генеральный секретарь. — Москва и так полна слухами и о твоем выступлении на пленуме ЦК, и о твоем здоровье. Так что соберешься с духом, приедешь в горком и сам все расскажешь. Это в твоих интересах.

— А что я буду делать потом? — спросил Ельцин.

— Будем думать.

— Может, мне на пенсию уйти?

— Не думаю, — ответил Горбачев. — Не такой у тебя возраст. Тебе еще работать и работать.

Михаил Сергеевич советовался с академиком Чазовым, спрашивал его: в состоянии ли Ельцин участвовать в пленуме горкома? Чазов ответил, что этого делать нельзя — прошел всего день после тяжелого стресса. Но Горбачеву не терпелось избавиться от психически неуравновешенного, как он считал, Бориса Ельцина.

Ельцин с ужасом вспоминает тот день. Ему было плохо. Приехал Чазов:

— Михаил Сергеевич просил вас быть на пленуме горкома. Это необходимо.

Врачи, получив указание привести пациента в порядок, накачали Ельцина транквилизаторами. Потом они нередко прибегали к этому средству. Борис Николаевич обрел способность двигаться, но в голове у него шумело — он еще не пришел в себя после нервно-психического срыва и вряд ли адекватно воспринимал происходящее. Возможно, это его и спасло, потому что ему предстояло пережить нечто ужасное. Атмосфера на пленуме горкома была гнуснее, чем на пленуме ЦК. Горкомовские чиновники были мельче и гадостнее цековских.

На пленум горкома приехали Горбачев, Лигачев и

предложенный на смену Ельцину секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности ленинградец Лев Николаевич Зайков.

«Атмосфера была тяжелой, — вспоминает Горбачев. — Ельцин был большим мастером по части нанесения обид своим коллегам и сослуживцам. Обижал зло, больно, чаще всего незаслуженно, и это отзывалось ему теперь… Все это оставило неприятный осадок. На пленуме Ельцин проявил выдержку, я бы сказал, вел себя как мужчина».

Врагов Ельцин действительно нажил себе порядочное количество — в лице каждого, кого он снял с должности. В другой ситуации им бы пришлось до пенсии держать обиду в себе или делить ее с женой. А тут открылась сказочная возможность — партия в лице генерального секретаря просит ударить обидчика побольнее.

Недавние подчиненные Ельцина обвиняли его во всех смертных грехах, с наслаждением и сладострастием топтали поверженного хозяина, который в ту минуту более всего нуждался в помощи опытного врача-психоаналитика.

Секретари райкомов жаловались на Ельцина и одновременно оправдывались за свое прежнее молчание:

— А могли мы выступать открыто? По многим вопросам набирали в рот воды… Оторвался Борис Николаевич от нас, да он и не был с нами в ряду. Он над нами как-то летал. Он не очень беспокоился о том, чтобы мы в едином строю, взявшись за руки, решали общие задачи… И почему такое пренебрежение к первым секретарям райкомов? Почти у каждого ярлык… Даже участковым инспекторам предоставлялось право следить за нами, говорилось о нас: если они, сукины сыны, что-нибудь натворят, смотрите…

Ельцина прямо называли виновником смерти бывшего первого секретаря Киевского райкома, одного из тех, кого он снял с должности. Уволенного секретаря назначили — с большим понижением — заместителем начальника управления кадров Министерства цветной металлургии. Он, видимо, не в силах был пережить случившееся и через несколько месяцев выбросился из окна. Снятие с должности в те времена было равносильно катастрофе…

Выступления участников пленума горкома были потом опубликованы в московской прессе и произвели на москвичей самое мерзкое впечатление. А для Ельцина, который во второй раз присутствовал на собственной гражданской казни, это было новым ударом. Ельцина больше всего потрясло то, что в общем хоре звучали и голоса тех, кого он поднимал и назначал на высокие должности. И ему еще пришлось встать, пройти на

трибуну, оправдываться и виниться перед этими людьми. Обряд покаяния был непременной частью ритуала.

Ельцин говорил на пленуме:

— Я честное партийное слово даю, конечно, никаких умыслов я не имел, и политической направленности в моем выступлении не было… Я не могу согласиться с тем, что я не люблю Москву… Нет, я успел полюбить Москву и старался сделать все, чтобы те недостатки, которые были раньше, как-то устранить… Я очень виновен перед московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро, и, конечно, я очень виновен лично перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире…

На следующий день на заседании политбюро Горбачев говорил: «Ельцин предпринял, по сути дела, атаку на перестройку, проявил непонимание ее темпов, характера».

Горбачев распорядился насчет того, как освещать отставку Ельцина в печати, — «чтобы не показалось, что есть какая-то могучая оппозиционная сила. В общем, это просто авантюрист».

Интуиция подвела Михаила Сергеевича…

Прямо из горкома Ельцина увезли назад в больницу на Мичуринский проспект. Ельцин не вставал с постели, пребывал в подавленном состоянии, думал, что его ждет. Впервые в жизни он оказался безработным. Но Горбачев уже нашел ему работу — по специальности. Михаил Сергеевич позвонил Ельцину и предложил место первого заместителя председателя Госстроя.

Государственный комитет по строительству был суперминистерством, его возглавлял заместитель председателя Совета министров СССР, поэтому его первому заму можно было дать ранг министра.

Как требовали аппаратные правила, глава правительства Николай Рыжков направил в ЦК соответствующую бумагу: «Вносится предложение об установлении дополнительной должности первого заместителя Госстроя СССР и об утверждении т. Ельцина Б.Н. первым заместителем председателя Госстроя — министром СССР». Горбачев расписался на этой записке, и Борис Николаевич получил новую работу.

Это было хорошо продуманное назначение: оно позволяло сохранить за Ельциным номенклатурный уровень союзного министра — вроде жаловаться ему не на что. Но одновременно Горбачев избежал необходимости поручить ему самостоятельную роль. Борис Николаевич опять перестал быть хозяином.

— Это уход с политической арены? — полувопросительно-полуутвердительно произнес Ельцин.

— Сейчас вернуть тебя в сферу большой политики нельзя, — осторожно ответил Горбачев. — Но министр является членом правительства. Ты останешься в составе ЦК КПСС. А дальше посмотрим, что и как. Жизнь продолжается.

Михаил Сергеевич, считая, что имеет дело с не совсем здоровым человеком, лукавил. Для себя он окончательно решил: Ельцин может заниматься только хозяйственными делами.

Часть 2. НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК

Телефон с гербом молчит

8 января 1988 года на Пушкинскую улицу в ЗИЛе с охраной в первый раз приехал на новую работу Борис Николаевич Ельцин.

Назначение кандидата в члены политбюро, пусть даже опального, в Госстрой было для ведомства огромным событием. Здесь заранее побывали лечащий врач Ельцина и врач-диетолог. Они проверили столовую для начальства — им не понравилось. Вызвали заведующего столовой и объяснили ему, как и чем следует кормить нового руководителя.

В кабинете Ельцина поместили аптечку с большим набором лекарств. На рабочем столе и столе для заседаний оборудовали кнопку вызова, чтобы он мог сразу вызвать секретаря. В комнате отдыха велели поставить диван, чтобы Ельцин мог прилечь, если, не дай бог, плохо себя почувствует.

Он еще оставался кандидатом в члены политбюро, поэтому 9-е управление КГБ и 4-е Главное управление при Министерстве здравоохранения СССР продолжали его опекать. Но Ельцин понимал, что и этого он скоро лишится. А главного уже был лишен — власти. Он дорожил не столько ее атрибутами — все блага были просто приложением к должности, — сколько самой возможностью управлять действиями множества людей, выдвигать любые идеи и претворять их в жизнь.

Едва ли Борис Николаевич формулировал это для себя столь откровенным образом, но он-то понимал, что власть —

это единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальное дает лишь кратковременную радость.

После отставки, вспоминал позднее Борис Ельцин, наступили «самые тяжелые дни в моей жизни… Немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать… Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит…».

Телефон с гербом — это аппарат правительственной городской автоматической телефонной станции. Телефоны АТС-2, в просторечии «вторая вертушка», устанавливали номенклатуре средней руки — уровня заместителя министра. У Ельцина же в госстроевском кабинете помимо «второй вертушки» стояла и «первая» — АТС-1, которая полагалась высшему эшелону власти.

И каждый день он с надеждой смотрел на этот телефон, ожидая, что, как в сказке, он вдруг зазвонит — и если не сам Горбачев, то кто-то от него скажет: приезжай, Борис Николаевич, для тебя есть дело поважнее… Но телефон не звонил.

О нем забыли. Забыли даже те, кто числился в приятелях.

Ельцин был поражен, когда разом исчезли все те, кто еще недавно крутился вокруг него, набивался ему в друзья, счастлив был получить аудиенцию и пожать ему руку.

Он знал, что в мире политики нет настоящих человеческих отношений, идет постоянное подсиживание друг друга, беспощадная борьба за власть или за иллюзию власти. Борис Николаевич и сам был одержим этой борьбой. Он и сам, если бы дал себе труд вспомнить собственную жизнь, автоматически вычеркивал из памяти тех, кто терял власть и становился не нужен. Это происходило инстинктивно, чувства и сантименты только мешали политической карьере.

Но раньше это происходило с другими, а теперь с ним.

На его счастье, рядом оказалось несколько человек, которые поверили в него и искренне хотели ему помочь. Они старались вытащить его из депрессии. В Госстрое его помощником стал покойный ныне Лев Евгеньевич Суханов, доброжелательный, веселый и компанейский. Одно время он считался самым близким к Ельцину человеком.

18 февраля 1988 года на пленуме ЦК Ельцин был выведен из числа кандидатов в члены политбюро. Он перестал принадлежать к высшему руководству страны. Это был еще один удар.

«Когда он утром пришел на работу, на нем не было лица, — вспоминал Лев Суханов. — Как же он все это переживал! Да, он оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного ЗИЛа, без личной охраны…

В нем как будто еще жили два Ельцина: один — партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин — бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры…»

Но о втором, новом, Ельцине говорить было еще рано. Пока он находился в состоянии тяжелой депрессии.

«На пленумах ЦК, других совещаниях, когда деваться было некуда, наши лидеры здоровались со мной с опаской какой-то, осторожностью, — писал Ельцин, — кивком головы давая понять, что я общем-то, конечно, жив, но это так, номинально, политически меня не существует, политически я — труп…

Что у меня осталось там, где сердце, — оно превратилось в угли, сожжено. Все сожжено вокруг, все сожжено внутри… Меня все время мучили головные боли. Почти каждую ночь. Часто приезжала «скорая помощь», мне делали укол, на какой-то срок все успокаивалось, а потом опять… Это были адские муки…

Потом, позже, я услышал какие-то разговоры о своих мыслях про самоубийство, не знаю, откуда такие слухи пошли. Хотя,

конечно, то положение, в котором оказался, подталкивало к такому простому выводу. Но я другой, мой характер не позволяет мне сдаться. Нет, никогда бы я на это не пошел…»

И верно, мысли о самоубийстве как-то не вяжутся с обликом Бориса Ельцина — решительного, жесткого человека, способного преодолевать любые препятствия, не теряющего присутствия духа в самые сложные моменты. Наоборот, считалось, что он лучше всего чувствует себя в момент борьбы, схватки. И тем не менее тот эпизод с ножницами однозначно трактуется как попытка уйти из жизни.

Почти целый год Ельцин прожил в состоянии тяжелого психологического стресса. Работа в Госстрое его не интересовала. Он давно отошел от строительных дел, жил уже другими интересами.

Настроение Ельцина зависело от каких-то мелочей, на которые он прежде не обращал внимания. К Первому мая он получил поздравления от трех бывших товарищей по политбюро — главы правительства Николая Рыжкова, секретарей ЦК Александра Яковлева и Анатолия Лукьянова. Для Бориса Николаевича это было событие. Он прикидывал: что это означает? Неужели наверху к нему меняется отношение?

Одна из секретарей Ельцина в Госстрое потом рассказывала: «Зайдешь, бывало, а он весь согнутый сидит — значит, судьба по нему еще раз стукнула. Потом голову поднимет — взгляд тяжелый, как будто головная боль мучает. Может что-то швырнуть в таком состоянии. В такой момент лучше на глаза не показываться. Но даже и через двойную дверь было слышно, как бушует один в кабинете — бьет кулачищем по столу, по стене, стены дрожали — такой грохот стоял».

Секретари пугались, а ведь в реальности Ельцин понемногу учился справляться с тем, что на него обрушилось.

Блокада прорвана

Речь Ельцина на пленуме ЦК, которая стоила ему карьеры, разумеется, не опубликовали. И тогда пошли гулять фальшивки, которые распространялись не только в стране, но и печатались в иностранных газетах. Этот придуманный неизвестными доброжелателями «самиздат» и положил начало его всенародной популярности. Люди рассказывали друг другу, что Ельцин протестовал против привилегий для начальства и культа личности Горбачева, против того, что Раиса Максимовна вмешивается в партийно-государственные дела и всем раздает указания. Поэтому его и сбросили.

Ничего этого в речи Ельцина не было. Но кто же об этом знал? Отсутствие гласности ударило по партийному аппарату.

О Ельцине говорили и спорили, и чем меньше люди его знали, тем с большей уверенностью рисовали в своем воображении образ подлинного героя, борца за народное счастье, который восстал против опротивевшей власти. Он нигде не выступал и не появлялся, но незримо присутствовал во всех жарких дискуссиях о том, как нам жить. И когда заходила речь о том, кто может вытащить страну из ямы, все чаще стало упоминаться имя Бориса Ельцина. В определенном смысле это был плохой признак — люди восторгались человеком, которого практически не знали, а некоторые никогда не видели. Ельцин стремительно обретал черты мифологического героя. Вот почему на протяжении нескольких лет многие буквально поклонялись ему. Какие бы истории с ним ни приключались, что бы о нем ни рассказывали, его пламенные сторонники не видели пятен на солнце. Это будет удивлять Горбачева: почему люди приветствуют все, сделанное Ельциным, и хают все, что предложено самим Михаилом Сергеевичем?

Распад в ходе перестройки старой системы, экономические проблемы и ощущение хаоса породили массовую неуверенность, в этой тревожной и ненадежной ситуации люди не верили в свои силы, а искали опоры вовне.

Ельцин получал потоки писем в свою поддержку. К нему в Москву приезжали люди, которые говорили ему:

— Борис Николаевич, мы на вашей стороне. Держитесь сами, а мы вас в беде не оставим.

Его поклонники были настроены весьма решительно. Они были готовы встать под его знамена.

Летом 1988 года Ельцин отдыхал в Юрмале, в санатории управления делами Совета министров «Рижский залив». Он играл

в теннис и бадминтон, плавал. Именно тогда корреспондент курортной газеты «Юрмала» Александр Ольбик и взял у него первое интервью. 4 августа одновременно газеты «Юрмала» и рижская «Советская молодежь», которые чувствовали себя свободнее, чем московская пресса, опубликовали большое интервью с Ельциным. Интервью имело огромный резонанс, его переснимали на ксероксе, перепечатывали десятки других газет. Довольный Ельцин сказал журналисту:

— Мы с вами прорвали блокаду молчания, но это еще не победа.

Перелом произошел, когда Ельцина пригласили на встречу со слушателями московской Высшей комсомольской школы. Это было 12 ноября 1988 года. Ельцин ответил на триста двадцать вопросов. Встреча продолжалась четыре с половиной часа.

Вопросы комсомольцы задавали очень откровенные, ответы они получили — по тем временам — тоже откровенные.

— Почему вы выступаете против спецпайков для, как вы выразились, голодающей номенклатуры?

— Я против элитарности в обществе, у нас не должно быть спецкоммунистов: одни имеют все, а другие ничего… Моя супруга ходит по магазинам, ничего. Едим колбасу, правда, предварительно надо глаза зажмурить.

— Ваша популярность в стране не меньше, чем у Горбачева. Могли бы возглавить партию и государство?

— Когда будут альтернативные выборы, почему бы не попытаться…

Борис Николаевич увидел, какими глазами смотрит на него молодежь, как важно для нее его слово и мнение. Выступление Ельцина Александр Коржаков записал на магнитофон. Потом с этой записи делались копии, распечатывались и распространялись по всей стране, иногда продавались.

Его выступление стало событием — важным для него и неприятным для партийного начальства. Ельцин превратился в заметного человека. Всех интересовало: что с ним? Чем он занят и что собирается делать? Его помощник Лев Суханов вспоминал: «Ельцин, кажется, был в ударе, он держал аудиторию в таком напряжении, что мне порой было за него страшно… Ельцин тогда преследовал еще одну цель: выступая без перерыва, он как бы демонстрировал свое физическое состояние. Ибо ходили слухи о его тяжелой болезни, и он отнюдь не желал быть в глазах людей немощным, вызывающим сострадание политиком».

Разговоры о нездоровье сопровождали Ельцина всю его политическую жизнь. И наступит момент, когда худшие предположения окажутся реальностью. Но в тот момент он еще на

здоровье не жаловался, лечиться не любил, к врачам обращался в самом крайнем случае.

На лето 1988 года была назначена XIX партийная конференция. Сейчас немногие вспомнят, для чего она собиралась и что именно она решила. Но с партийной конференции началось пробуждение политической активности в стране. И выдвижение делегатов на партконференцию было первой попыткой изменить советскую процедуру выборов.

В прежние времена и в делегаты, и в депутаты назначало начальство. Кого в ЦК утвердят, тот и будет. Весной 1988-го уже было иначе. Конечно, система выборов делегатов была не очень демократической. Все партийные организации могли выдвинуть своих кандидатов, но реальный отбор проходил на пленумах партийных комитетов, которые отсеивали неугодных.

Тем не менее некоторое количество известных своими демократическими убеждениями людей все-таки были избраны.

Борис Ельцин поставил перед собой задачу во что бы то ни стало добиться избрания делегатом XIX партийной конференции и выступить на ней. Это и было бы началом возвращения в политику. Он мечтал только об этом.

Кандидатом в делегаты его выдвинуло множество партийных организаций, но начальство имело полную возможность не пустить его на конференцию. Однако Горбачев понимал, что делать этого никак нельзя. Не дать Ельцину мандата — значит показать, что никакой демократизации в партии не происходит. Этого Михаил Сергеевич никак не хотел. Он только позаботился о том, чтобы Ельцин не вошел в московскую или свердловскую делегации. Бориса Николаевича избрали от Карелии. Не так почетно, как, скажем, от столичной парторганизации. К тому же карельские делегаты сидели на балконе. Горбачев рассудил, что чем дальше Ельцин от трибуны, тем спокойнее.

28 июня в Кремлевском дворце съездов открылась XIX партконференция. Он уже стал знаменитостью. На него приходили посмотреть. Но старые знакомые, напротив, старательно отводили взгляд.

Ельцин твердо решил, что выступит. Написал записку с просьбой предоставить ему слово. Но в список ораторов Горбачев его не включил. Когда конференция уже заканчивалась, Ельцин понял, что решено его на трибуну не пускать. Тогда он совершил один из тех удивительных поступков, которые вскоре привели его в кресло президента России.

Борис Николаевич спустился в зал и пошел к президиуму с мандатом делегата конференции в поднятой руке. Он подошел к Горбачеву и потребовал дать ему слово для выступления.

Замерший зал наблюдал за этой сценой. Михаил Сергеевич подозвал к себе своего главного помощника Валерия Болдина и сказал:

— Пригласи Бориса Николаевича в комнату президиума и скажи, что я дам ему слово, но пусть он присядет, ане стоит перед трибуной.

Болдин передал Ельцину слова генерального секретаря. Ельцин сел в первом ряду и стал ждать. Он получил слово. Ход конференции показывали по первому каналу Центрального телевидения, и вся страна впервые увидела и услышала «партийного диссидента номер один».

— За семьдесят лет мы не решили главных вопросов — накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы, — говорил Ельцин. — Одной из главных причин трудностей перестройки является ее декларативный характер… И как результат перестройки — за три года не решили каких-то ощутимых реальных проблем для людей, а тем более не добились революционных преобразований… Вера людей может покачнуться в любой момент. В дальнейшем это риск потерять управление и политическую стабильность…

Ельцин объяснил, что дает интервью иностранным журналистам, потому что в советской печати беседы с ним не печатаются. Говорил, что не должно быть зон, свободных от критики. Что в партии необходима гласность — и люди имеют право знать, в частности, бюджет партии, на что идут их деньги. Он предложил сократить партийный аппарат, отменить привилегии.

— Считаю, что некоторые члены политбюро, виновные как члены коллективного органа, облеченные доверием ЦК

и партии, должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния? И после этого сделать выводы — вывести их из состава политбюро. Это более гуманный шаг, чем, критикуя посмертно, затем перезахоронить…

Ельцин произносил слова, которые, безусловно, нравились и полностью соответствовали настроениям общества:

— Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения. А разный вклад труда в общество регулировать разной зарплатой. Надо, наконец, ликвидировать продовольственные «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов…

И в заключение он скромно заговорил о политической

реабилитации — попросил отменить то решение пленума ЦК, в котором его выступление было признано «политически ошибочным».

— Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК. (Шум в зале.) Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все.

Он стал собирать бумаги, готовый уйти с трибуны. Председательствовавший на заседании Горбачев почувствовал, что надо дать ему закончить выступление:

— Борис Николаевич, говори, просят. Я думаю, товарищи, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич нужным сказать, скажет. А если у нас с вами появится необходимость, то мы тоже можем потом сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич.

И Ельцин завершил свой монолог:

— Реабилитация через пятьдесят лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни… Вы знаете, что мое выступление на октябрьском пленуме ЦК КПСС решением пленума было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на пленуме, неоднократно поднимались прессой,

ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе, и в выступлениях. Я считаю, что единственной моей ошибкой в выступлении было то, что я выступил не вовремя — перед семидесятилетием Октября… Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решение пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям.

Ельцина провожали аплодисментами. В перерыве делегаты поздравляли его с удачным выступлением. Но тут же на скорую руку — самим Лигачевым — была организована и некая контратака. Волна злых выступлений сильно подействовала на Бориса Николаевича, вывела его из равновесия, ему стало плохо. Его отвели к врачу, сделали ему укол. Он все-таки досидел до конца заседания. Домой он вернулся усталый и расстроенный. Ельцину казалось, что он проиграл, что его облили грязью на глазах всей страны и ему не отмыться. А потом вдруг со всей страны пошли письма в его поддержку.

Ход партийной конференции показывало телевидение, и чуть

не вся страна увидела Ельцина на трибуне. На фоне опостылевших партаппаратчиков он произвел сильное впечатление. Он и выглядел внушительно, и говорил разумно. Но воспринимали его восторженно! Словно сказочного героя в доспехах. Причины этой магии станут ясны позднее. Растерявшиеся люди жаждали увидеть лидера, способного взять на себя ответственность и спасти страну от хаоса. Разочарование в Горбачеве наступило очень быстро. И вот фигура нового лидера материализовалась на экранах телевизоров в каждом доме.

Первые выборы и первая победа

На март 1989 года были назначены выборы народных депутатов СССР. По новому закону высшей властью в стране наделялся съезд народных депутатов, который из своих рядов избирал постоянно работающий Верховный Совет. Таким образом, в стране впервые с 1917 года должен был появиться профессиональный парламент.

Когда встал вопрос, не баллотироваться ли ему в депутаты, друзья пытались отговорить Ельцина. Предупреждали, что его зальют потоками грязи, не отмоешься. А если его и выберут в депутаты, то по закону ему придется уйти с работы. Он перестанет быть министром, а кем станет? Ни один министр от своей должности ради депутатского мандата еще не отказывался. Но он чувствовал, что это его путь, что люди его обязательно поддержат и он станет политиком, не зависящим от расположения начальства. Ни в правительстве, ни в партии ему наверх хода не было — Горбачев не пустит. А тут открывалась новая стезя.

Кандидатом в депутаты Ельцина выдвинули чуть ли не в двухстах округах по всей стране. Борис Николаевич хотел обязательно стать депутатом от всей Москвы, то есть баллотироваться в самом большом в стране национально-территориальном округе номер 1. Он не мог забыть слова Горбачева на ноябрьском пленуме:

— Вас, Борис Николаевич, москвичи отвергли…

Ельцин сильно рисковал. А вдруг москвичи и в самом деле не проголосуют за бывшего первого секретаря? Партийные работники не в чести. Конечно, на Урале его бы избрали в любом случае, но победа там не была бы такой громкой, какая позарез была нужна ему, чтобы начать новую политическую карьеру и показать всем, на что он способен.

Все было внове — как проводить встречи с избирателями? Где напечатать предвыборные листовки? Как их распространять? Поговорить с кандидатом в депутаты желали самые разные люди. Приходилось учиться быть убедительным и отвечать на каверзные и злобные вопросы. На борьбу с Ельциным был мобилизован весь партийный аппарат города. Горбачеву был известен каждый шаг Ельцина, за которым следил КГБ.

Но для многих людей он уже был кумиром. Им восторгались. На встречи с ним собирались тысячи людей, приезжали из других городов. Они встречали его аплодисментами, скандировали: «Ельцин! Ельцин!»

Вокруг него образовалась небольшая команда — его помощник Лев Суханов, бывший телохранитель Александр Коржаков, которого уволили из КГБ за то, что он продолжал поддерживать отношения с Ельциным. Первым доверенным лицом Ельцина стал Александр Музыкантский, будущий вице-премьер правительства Москвы, товарищ Суханова по научно-исследовательскому институту «Проектстальконструкция». Приходили люди и говорили, что хотят помогать Ельцину. И помогали совершенно бескорыстно.

26 марта 1989 года в день голосования большая группа журналистов сопровождала семью Ельцина на избирательный участок в районный Дом пионеров. За Ельцина проголосовало 89,6 процента москвичей — это был тяжелый удар по партийному руководству. Он написал заявление главе правительства Николаю Рыжкову с просьбой освободить его от обязанностей министра.

Через день после выборов, 28 марта, заседало политбюро. Настроение было мрачным. Партийный аппарат пытался провалить Ельцина на выборах и провалился сам. Народ проголосовал против власти, против партийных секретарей, крупных военных, чиновников.

25 мая 1989 года в Кремлевском дворце съездов открылся Первый съезд народных депутатов. Это был по-летнему теплый, солнечный день. Съезд работал шестнадцать дней. Две с лишним недели изменили страну, хотя сначала казалось, что ничего особенного депутатам сделать не удалось.

Члены политбюро, которые теперь сидели не в президиуме, а вместе со своими делегациями, во время перерывов собирались в комнате отдыха, пили чай, обсуждали ситуацию. Горбачев приходил весь взмыленный: это была трудная работа — дирижировать съездом.

Демократически настроенные депутаты попытались выдвинуть Ельцина на пост председателя Верховного Совета. Решили, что предложить должен не свердловчанин, а «нейтральный» географически депутат Александр Оболенский, избранный от Ленинградской области.

«Где-то около двенадцати ночи, — вспоминал Лев Суханов, — наш представитель конфиденциально встретился с ним в гостинице «Россия». Договорились, что Оболенский на Съезде народных депутатов предложит кандидатуру Ельцина. В тот день я с нетерпением ждал этого момента у телевизора, и каково было мое изумление, когда Оболенский, подойдя к микрофону, предложил… свою кандидатуру. Это для Ельцина и его окружения было большим откровением. И мы поняли, что сделано это было неспроста — видимо, кто-то с Оболенским

неплохо «поработал» и… «переубедил».

Кандидатуру Ельцина выдвинул депутат от Свердловска Геннадий Бурбулис. Борис Ельцин взял самоотвод. Он сослался на партийную дисциплину — пленум ЦК постановил рекомендовать на этот пост Горбачева. В реальности Ельцин видел, что шансов у него никаких. Соотношение сил было не в его пользу. Ельцин никогда не участвовал в выборах, если не знал твердо, что победит.

Но одновременно Ельцин сообщил, что теперь он безработный и готов работать в Верховном Совете, куда прошел с трудом — после того как депутат Алексей Казанник уступил ему свое место. Горбачев сделал Ельцина председателем маловлиятельного Комитета по строительству и архитектуре. Но эта должность дала ему место в президиуме Верховного Совета.

Ельцин получил возможность выступить на съезде. Он говорил, что необходимо провести децентрализацию экономики, землю отдать крестьянам, обеспечить широчайшую демократизацию и гласность. Он предложил предоставить экономическую и финансовую самостоятельность республикам. Это была радикальная программа, и она произвела впечатление. Тогда даже и лозунги производили такое впечатление, что становились материальной силой.

Но вообще-то на съездах народных депутатов Ельцин был не так уж заметен. В центре внимания оказались другие — прирожденные ораторы с быстрой реакцией и язвительной речью. Борис Николаевич и не рвался к микрофону. Зато на улицах и на многочисленных митингах никого не встречали так восторженно, как Ельцина.

У него были помощники, охранники, секретари и многочисленные поклонники. Но он нуждался в серьезной команде, необходимой для политической борьбы. Вокруг него стали группироваться некоторые провинциальные депутаты, но они сами еще нуждались в помощи.

Интеллигентная столичная публика Ельцина обходила стороной. Во-первых, он член ЦК, по профессии — партийный секретарь. Во-вторых, слишком провинциален. В-третьих, грубоват и не тонок: как с ним иметь дело? Да и Борис Николаевич с недоверием посматривал на москвичей, ожидая от них подвоха и нового предательства.

Среди москвичей первым Ельцина оценил профессор Гавриил Попов, талантливый публицист и оратор. Он понял, что демократически настроенным политикам нужна такая фигура, которая пользуется народной любовью. Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, подошел к Гавриилу Попову и спросил,

почему демократы решили взять в вожаки Ельцина, что они в нем нашли?

— Народу нравится, — хитро подмигнув, объяснил Попов. — Смел, круче всех рубит систему.

— Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик, — возразил Шахназаров, повторяя чуть ли не дословно своего шефа.

— А ему и не нужно особенно утруждать себя, это уже наша забота.

— Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путем? — спросил Шахназаров.

— Э, голубчик, — ответил Попов, тихо посмеиваясь в обычной своей манере, — мы его в таком случае просто сбросим, и все тут.

Гавриил Харитонович тоже оказался наивным человеком. Ельцин-то мог обойтись без москвичей-демократов, а они без него растеряли все, что имели…

Когда Ельцина стали приглашать к себе демократы, когда он познакомился с академиком Сахаровым, он поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Но он быстро оценил свежие и гибкие мозги новых союзников. Они умели анализировать ситуацию, делать прогнозы, разрабатывать программу действий. Он не всегда следовал их советам, но обязательно выслушивал и учитывал их мнение. Это общение сыграло важную роль в формировании его политических взглядов. Он усвоил определенные демократические принципы, которые никогда потом не нарушит.

Художественный руководитель театра Ленком Марк Захаров, который умеет найти в вождях нечто достойное восхищения, вспоминал, как однажды опальный Ельцин пришел к ним в театр:

«Спектакль понравился Борису Николаевичу настолько, что, несмотря на расцвет антиалкогольной кампании, выпил он рюмку коньяку с писателем Юзом Алешковским и пошел себе сумрачной походкой пешком по темному переулку.

Меня забил колотун — у нас ни одного автомобиля! Мы — хвать скрипучий «Запорожец» со спущенным баллоном. Догоняем, я говорю: «Пожалуйте, Борис Николаевич, в салон не первой свежести, извините, но от души». Он обрадовался, полез, а ноги длинные не умещаются. Мы их — об колено пополам и дружными усилиями втиснули. Бывший член политбюро хотя и закряхтел от боли, но театр наш очень полюбил…

Каждый видит своего Ельцина… Я, например, вижу большого, красивого человека. Ловкого, сильного, а когда требуется — шустрого, на удивление живучего. Сколько довелось испытать, а он себе смеется, заливается, хотя по шапке может двинуть в

любой момент, как за дело, так и за компанию…»

Летом 1989 года в Доме кино состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы. Объединилось двести семьдесят депутатов. Чтобы избежать споров о том, кому быть лидером, избрали пять сопредседателей — историка Юрия Афанасьева, экономиста Гавриила Попова, профессора Виктора Пальма из Тартуского университета, академика Андрея Сахарова и Бориса Ельцина.

Он казался чужим в этой интеллигентской компании. Сам чувствовал себя не совсем уютно. И другие посматривали на него с некоторым удивлением: что он, собственно, здесь делает? Более циничные депутаты прекрасно понимали, зачем им нужен Ельцин. Это был брак по расчету.

Известный литературовед Сергей Аверинцев, избранный народным депутатом СССР от Академии наук, тоже член Межрегиональной депутатской группы, вспоминал: «Ельцин на заседаниях межрегионалки был в общем молчалив: однако один его монолог мне запомнился. Он сказал примерно так: «Вот вы умеете разговаривать друг с другом, умеете разговаривать с иностранцами, но когда поговорить с рабочими, это вам не под силу…»

Михаил Сергеевич видел, что теряет поддержку общества и что симпатии на стороне Ельцина. Это ставило Горбачева в тупик. На заседании политбюро Горбачев задумался, пожал плечами и, явно недоумевая, обращаясь к себе и присутствовавшим, произнес:

— Что творит Ельцин — уму непостижимо! За границей, да и дома, не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!»

Достаточно было людей, которые оценивали Бориса Николаевича достаточно критически. Но они не могли не видеть, что с каждым днем именно он, а уже не Горбачев символизирует стремление двигаться дальше по пути реформ. С этим приходилось считаться даже тем, кто приходил в ужас от некоторых выходок Бориса Николаевича.

Загадочная история на подмосковной даче

Осенью 1989 года по Москве поползли неясные слухи о покушении на Ельцина. Такова была атмосфера в обществе, что многие поверили: народного любимца пытались убить.

В «Московских новостях» появилось сообщение: «На протяжении нескольких дней в редакции раздаются звонки читателей: правда ли, что на Бориса Ельцина было совершено хулиганское нападение и он находится в тяжелом состоянии?»

Журналисты позвонили самому Ельцину домой. Он ответил:

— Сейчас я немного приболел, видимо, в Америке простудился и теперь вот вынужден сидеть дома.

Вслед за этим выступила «Комсомольская правда»: «В редакции раздаются многочисленные звонки: почему Ельцина нет на сессии? Ходят слухи, что кто-то сбросил его в реку… Мы позвонили Борису Николаевичу домой. Вот что он ответил:

— Чуть ли не каждую неделю до меня доходят такие слухи: то у меня инсульт, то я попал в автомобильную катастрофу и даже что меня убили. Но все это, конечно, слухи, не более. На самом деле со мной все нормально. В поездке по Америке я, вероятно, простудился и сейчас приболел. Но температура уже спала. Так что в понедельник буду участвовать в работе сессии Верховного Совета СССР».

Но вскоре стало ясно, что дело не в простуде.

Эта загадочная история случилась поздно вечером 28 сентября 1989 года в подмосковном дачном поселке Успенское. В тот день Ельцин в Раменках встречался со своими избирателями. Вместе с ним был Михаил Полторанин, тоже избранный депутатом. Ельцин рассказывал о поездке в США, потом уехал в Успенское на служебной «Волге» с новым водителем.

На допросе командир отделения по охране спецдач Одинцовского райотдела внутренних дел сообщил: «С целью проверки несения службы милиционеров я позвонил по телефону на проходную Успенских дач, где несли службу милиционеры Костиков и Макеев. Трубку снял Костиков. На мой вопрос: «Как дела?» — он ответил, что все хорошо и что «выловили Ельцина». Я посчитал, что это шутка, но все-таки решил съездить и проверить, что произошло…»

Сам Борис Николаевич позднее описывал историю так:

«Ехал к старому свердловскому другу. Недалеко от дома отпустил машину. Прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И… я оказался в реке. Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до

берега, хотя до него несколько метров. От холода меня трясло».

Промокший Ельцин добрался до поста охраны и заявил, что это было покушение на его жизнь. Попросил сообщить ему домой. Дочь президента Татьяна Дьяченко бросилась звонить Александру Коржакову:

— Папу сбросили с моста… У Николиной Горы, прямов реку. Он сейчас на посту охраны лежит в ужасном состоянии. Надо что-то делать!

Первая мысль Коржакова: значит, Горбачев все-таки решил разделаться с опасным конкурентом… Опытный Коржаков прихватил бутылку самогона, теплые носки, свитер и на своей «Ниве» погнал в Успенское. За превышение скорости его остановил инспектор ГАИ. Коржаков представился и объяснил:

— Ельцина в реку бросили.

Инспектор козырнул и с неподдельным сочувствием в голосе ответил:

— Давай гони.

«К Борису Николаевичу тогда относились с любовью и надеждой, — вспоминает Коржаков. — Примчался я к посту в Успенском и увидел жалкую картину. Борис Николаевич лежал на лавке в милицейской будке неподвижно, в одних мокрых белых трусах. Растерянные милиционеры накрыли его бушлатом, а рядом с лавкой поставили обогреватель. Но тело Ельцина было непривычно синим, будто его специально чернилами облили».

Увидев своего верного телохранителя, Борис Николаевич, по словам Коржакова, заплакал:

— Саша, смотри, что со мной сделали… Коржаков заставил его выпить стакан самогона, затем растер и переодел в теплое.

«Мокрый костюм Ельцина висел на гвозде. Я заметил на одежде следы крови и остатки речной травы. Его пребывание в воде сомнений не вызывало».

Коржаков так передает рассказ Ельцина: «Он шел на дачу пешком от перекрестка, где его высадила служебная машина, мирно, в хорошем настроении — хотел зайти в гости к приятелям Башиловым. Вдруг резко затормозили «Жигули» красного цвета. Из машины выскочили четверо здоровяков. Они набросили мешок на голову Борису Николаевичу и, словно овцу, запихнули его в салон. Он приготовился к жестокой расправе — думал, что сейчас завезут в лес и убьют. Но похитители поступили проще — сбросили человека с моста в речку и уехали».

Коржаков теперь уверяет, что ему в этом рассказе все показалось странным:

«Если бы Ельцина действительно хотели убить, то для надежности мероприятия перед броском обязательно стукнули бы

по голове…

Спросил:

— Мешок завязали?

— Да.

Оказывается, уже в воде Борис Николаевич попытался развязать мешок, когда почувствовал, что тонет. Эта информация озадачила меня еще больше — странные здоровяки попались, мешка на голове завязать не могут».

Ближайший помощник Ельцина Лев Суханов о происшедшем узнал с опозданием.

«Когда утром я приехал в гостиницу «Москва», где депутатам выделили рабочие кабинеты, — вспоминал Суханов, — и не встретил там Ельцина, позвонил ему домой. Ответила супруга: Борис Николаевич, мол, болен — температура, слабость… Словом, на работе его не будет и мне нужно незамедлительно ехать к ним домой. Застал его в постели с высокой температурой…

Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком. Я подумал, что если бы с ним был его старый водитель Валентин Николаевич, то ничего не случилось бы. Он бы его одного просто не отпустил.

Хоть какую-то информацию дала Наина Иосифовна: «Мы все переволновались… Он позвонил где-то в половине первого ночи и сказал, что находится на каком-то КПП… И мы поехали на машине за ним…» Бориса Николаевича они застали на КПП правительственной дачи — мокрого, в компании двух милиционеров, которые отпаивали его горячим чаем.

Со слов самого шефа, события в тот вечер развивались следующим образом. Когда он вышел из машины, то направился пешком в сторону дачи Башилова. Они оба из Свердловска, и оба любители попариться.

И в тот момент, когда он находился недалеко от проходной, на него что-то накинули и: «Не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом…»

Ельцин позвонил министру внутренних дел Вадиму Викторовичу Бакатину, просил не проводить расследования, отозвал свое устное заявление насчет покушения. Но уже было поздно. Следственное управление Главного управления внутренних дел Мособлисполкома возбудило уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных статьями 15 («покушение на преступление») и 103 («умышленное убийство») Уголовного кодекса РСФСР.

К помощнику Ельцина Суханову приходил следователь. Водителя служебной автомашины, который отвозил Бориса Николаевича в Успенское, вызывали на допрос, но Ельцин сам поговорил со следователем и потребовал прекратить расследование. В аппарате Ельцина сочли «дело о покушении» закрытым.

Но вмешался Горбачев. 4 октября на заседании политбюро он рассказал историю о том, как около полуночи на пост милиции в дачном поселке Успенское пришел Борис Николаевич Ельцин, весь мокрый. Ельцин просил не придавать этому факту огласки, сказал Горбачев, но надо разобраться. И поручил это министру внутренних дел Бакатину.

Через несколько дней министр доложил Горбачеву, что расследование следует прекратить:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б. Н. докладываю.

6 октября заместитель начальника Следственного управления ГУВД Мособлисполкома т. Ануфриев А.Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б.Н. по телефону.

Тов. Ельцин заявил: «Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т. к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле».

С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело подлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б.Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения».

Горбачев не хотел упускать случая показать, в каком неприглядном положении оказался Борис Николаевич. Бакатин получил приказ довести дело до конца. Ельцин стал серьезным противником для Горбачева.

Через десять дней на узком совещании Горбачев сказал, что министр внутренних дел уточнил истинные факты «мокрого дела». Учитывая, что пошли депутатские запросы, предложил — не скрывать и информировать президиум и сессию Верховного Совета СССР.

Председатель комиссии Верховного Совета СССР по этике Анатолий Денисов проводил свое расследование и уверял позднее, что Ельцин поехал на дачу к знакомой. Там появился еще один мужчина. Они подрались, и Ельцин оказался в воде.

Журналисты даже называли имя этой дамы, но подтвердить или опровергнуть эту версию никому не удалось. Корреспондент «Комсомольской правды» даже отыскала Елену Степанову, которая тогда работала поваром на даче, где жил бывший министр строительства в районах Урала и Западной Сибири Сергей Васильевич Башилов. Тоже уралец, Башилов был видным человеком среди строителей в Свердловске, потом его забрали в Москву. В апреле 1989 года его освободили от должности, дали персональную пенсию союзного значения, но они с женой еще могли пожить на госдаче в Успенском. Ельцин дружил с Башиловыми, бывал у них на даче. Но в тот день хозяев на даче не было — оба лежали в больнице. Поэтому и родилась версия, что Ельцин шел к красивой поварихе, зная, что она ночует на госдаче одна.

Елена Степанова рассказала «Комсомольской правде»:

— Меня вызывали на Лубянку и шесть часов допрашивали. Но я его в ту ночь не видела. А потом я забеременела. Ну и злые языки придумали, что это ребенок от Ельцина. Все на меня косились, хотя и сейчас объясняю, что ничего подобного у нас с Ельциным не было и быть не могло, но кто-то не верит!

Много раз спрашивали уже бывшего министра внутренних дел Вадима Бакатина: что же тогда, собственно, приключилось с будущим президентом России? Вы-то знаете, раскройте секрет. Но Бакатин никому и ничего не сказал…

А вывод криминалистов был единодушным: «Ельцин не мог быть сброшен в воду (по характеру местности и конструкции близлежащих мостов), так как в этом случае, по мнению специалистов, он получил бы серьезную травму, а на его одежде должны были остаться следы водной растительности, илистых образований, которые, по показаниям свидетелей, отсутствовали».

16 октября после обеда Горбачев проводил заседание президиума Верховного Совета СССР. Он пригласил министра внутренних дел Бакатина и попросил доложить о результатах расследования. Бакатин сказал, что было устное заявление Бориса Николаевича Ельцина представителям милиции о покушении:

— Но никто — ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста около пятнадцати метров), ни время происшествия — его

версию не подтверждает.

Борис Николаевич, как член президиума Верховного Совета, участвовал в заседании. Его попросили объясниться. Мрачный Ельцин говорил коротко, сбивчиво:

— Это была шутка. Мало ли что бывает. Это моя частная жизнь. Но попытки угроз и шантажа в мой адрес были…

В четыре часа открылось совместное заседание палат Верховного Совета СССР. Горбачев сказал, что по Москве распространяются слухи о якобы имевшем место покушении на Ельцина, этот вопрос уже разбирал президиум Верховного Совета и решил ничего от депутатов не скрывать. И Михаил Сергеевич опять предоставил слово Бакатину, который повторил все заново, только с большим количеством деталей.

Депутатам Ельцин опять сказал всего несколько слов:

— Претензий к Министерству внутренних дел у меня нет. Никакого нападения не было. Никаких заявлений я не делал. Это мое частное дело.

Выслушав Бориса Николаевича, Горбачев с непроницаемым лицом заключил:

— Принять к сведению, что никакого покушения не было. Пошутил. Все.

Михаил Сергеевич явно был доволен исходом этой истории. Его соперник оказался в дурацком положении. Но, против ожиданий Горбачева, в глазах широкой публики «мокрое дело» Борису Николаевичу нисколько не повредило. Такие были настроения: что бы ни делал Ельцин, все шло ему в плюс.

Егор Гайдар пишет, что Ельцин взял на вооружение энергичный социальный популизм и борьбу против привилегий партийной и государственной элиты: «Ельцин, ездивший в трамвае и пошедший в обычную районную поликлинику, буквально взмыл на гребне народной симпатии, после чего мог себе позволить и неудачные выступления в Америке, и загадочные падения в реку. Ничто не могло остановить роста его популярности, а все накладки молва относила на счет «заговора» элиты против народного заступника».

Лев Суханов вспоминал, как у Бориса Николаевича вдруг поднялась температура: «Температуру он переносит тяжело… Поскольку его состояние стало резко ухудшаться, позвонили в Склифосовского и вызвали неотложку. Приехала реанимационная машина, всех во дворе переполошила, жильцы подумали, что у Бориса Николаевича случился инфаркт…»

Почему же не вызвали лечащего врача? По политическим соображениям. Когда Борис Николаевич баллотировался в народные депутаты, он демонстративно пошел записываться в

районную поликлинику по месту жительства. Его сопровождало телевидение, и вечером зрители увидели, как Ельцину заводят в регистратуре амбулаторную карту. Он отказался от услуг 4-го Главного управления: «Все оборудование — импортное… А врачи, боясь ответственности, поодиночке ничего не решают. Обязательно собирается консилиум… К этим безответственным консилиумам в четвертом управлении я относился с большим подозрением. Когда я перешел в обычную районную поликлинику, у меня вообще перестала болеть голова, стал чувствовать себя гораздо лучше…»

Борис Николаевич лукавил. Он прекрасно знал разницу между районной поликлиникой и той, что находится на Мичуринском проспекте. И свою семью, кстати, все-таки не оставил без квалифицированной медицинской помощи. Поход в районную поликлинику был ловким предвыборным ходом, не более того. И отказ от служебной машины, когда Коржаков возил его на «Москвиче», и обещание уничтожить привилегии, как стало потом ясно, тоже были частью борьбы за голоса избирателей.

Когда Ельцин ездил на общественном транспорте и заходил в районную поликлинику, это было ловким политическим ходом. Но это имело огромное значение для людей. Ельцин подтверждал убежденность людей в том, что так и должно быть, что высшие руководители не имеют права на какие-то привилегии.

В ту пору он был простым человеком. Народный депутат СССР, а впоследствии генеральный прокурор Алексей Казанник рассказал, как зашел к Ельциным домой. Наина Иосифовна предупредила:

— Садитесь, пожалуйста, на диван, только осторожно: он дырявый, вылезли пружины, и можно брюки порвать. Борис Николаевич, когда садится, подушечку подкладывает. И вы тоже возьмите подушечку…

Ельцин нарезал сало, открыл банку селедки, достал редиску и посоветовал Казаннику:

— Особо на сало налегайте. Наина Иосифовна сама солит, у нее здорово получается. На рынке покупает и солит.

Иногда, впрочем, Ельцин и его команда перебирали в своем популизме. Во время поездки в Свердловск Наина Иосифовна рассказывала, как перед этой поездкой штопала Борису Николаевичу носки. Добавила: три года муж не меняет костюм, приходится зашивать прорвавшуюся подкладку…

Тем сильнее будет потом разочарование, когда выяснится, что и сам Ельцин, и его окружение, и вообще вся новая власть в смысле обретения благ и устройства личного благополучия ничем не лучше прежней.

Но правда и другое: сброшенный Горбачевым с высокой должности, растоптанный и отвергнутый, лишенный многих привилегий, Борис Николаевич действительно посмотрел на жизнь высокого начальства иными глазами. Горе многому учит. Когда идешь на подъем, оглядываться вокруг и относиться к окружающему критически чрезвычайно трудно. Поток увлекает, засасывает, испытываешь удовольствие от этого. А вот когда выпадаешь из потока, оказываешься на берегу или даже на дне, тут многое открывается, личные переживания подталкивают к критическому анализу. И Ельцин произносил слова, которые в тот момент, вероятно, соответствовали настроениям опального политика: «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчаться на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно».

Ни до, ни после Ельцин не отказывался от привилегий, связанных с высоким постом, принимал их как должное и оделял ими своих приближенных. Но ему открылась несправедливость советской системы, когда человеку на высокой должности положено все, а человеку без должности — ничего. И когда судьба зависит не от знаний, умения, опыта и таланта, а единственно — от воли высшего вождя. Два чувства отныне стали руководить Ельциным — желание вернуть утерянные власть и положение, расквитаться с обидчиками и стремление изменить несправедливую систему.

Неудачный полет на «консервной банке»

28 апреля 1990 года Ельцин вылетел в Испанию, где его уже ожидал депутат Виктор Ярошенко. Ельцин должен был выступить на конференции «Европа без границ и новый гуманизм» с докладом «Перестройка и гласность в СССР». В Барселону им пришлось лететь на маленьком шестиместном самолете, зафрахтованном барселонским телевидением. Самолет они презрительно окрестили «консервной банкой».

Лев Суханов впечатляюще описал это путешествие, которое могло закончиться трагически:

«Когда подошли к аэроплану, Борис Николаевич, постучав ладонью по крылу, зловеще пошутил:

— Ну что, ребятки, в последний путь…»

В полете Суханов и Ельцин задремали. Когда проснулись, выяснилось, что «электропитание на борту отключилось, и приборы вышли из строя». Самолет развернулся назад на Кордову. Борис Николаевич, выслушав Суханова, буркнул:

— Что я вам говорил?

Тут выяснилось, что шасси не выпускается.

«Пилот начинает выделывать фигуры «высшего пилотажа»: он резко набирает скорость и так же резко бросает машину вниз. Раскачивает ее с крыла на крыло. Самолетик ревет, как рассерженный бык, проносится над взлетной полосой и снова набирает высоту, чтобы сделать очередной заход. И так круг за кругом. В какой-то момент летчики хотели посадить машину на воду — не получилось. Пытались вручную вытолкнуть злополучное шасси — тоже напрасно».

— Ну вот, теперь никаких привилегий — падаем все разом. Вы чего такие скучные? Может, какую речку найдем, успеем выпрыгнуть, — без малейшего намека на панику произнес Ельцин.

Летчики настойчиво просили пристегнуться.

— Пристегиваться не буду, — категорически отказался Ельцин. — Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Нашли небольшой горный аэродром, но летчики никак не могли сесть из-за сильного ветра. Шасси все-таки вышло, но сели очень жестко. Ярошенко, обратившись к Ельцину, проговорил:

— Борис Николаевич, а ведь мы с вами чуть было не навернулись к такой-то матери…

Ельцин с трудом, но без посторонней помощи вышел из самолета и пожал руки пилотам… У него начала болеть спина… За ними прислали другой самолет. Через два часа полетели в

Барселону. Вторая попытка оказалась еще менее удачной.

Лев Суханов:

«И опять фортуна не с нами: попали в грозовую облачность, хотя шли на приличной высоте. Началась сумасшедшая тряска, будто попали на виброустановку для проверки самолетных узлов. Это было даже пострашнее, чем полет на «консервной банке»…

Но приземлились в общем благополучно, хотя Ельцин почувствовал острую боль в спине. Подумали, что это было результатом тряски в грозовом небе. Ночью боль в спине усилилась.

Верный Суханов не спал, сидел рядом.

«Борис Николаевич рассказал, что пятнадцать лет назад, когда он играл в волейбол, у него произошло смещение позвонков. Основательно лечили, и, к счастью, обошлось без операции. Но, видимо, вибрация в самолете что-то растревожила.

Засыпал он беспокойно, со стоном. Я просидел рядом с ним на диване всю ночь, ибо, когда ему надо было перевернуться на другой бок, он не мог это сделать без посторонней помощи. Когда боль немного затихала, он засыпал, но ненадолго… Утром, превозмогая боль, он кое-как поднялся и, немного подвигавшись, понял, что без укола не обойтись…»

Виктор Ярошенко:

«Отказавшись от завтрака, Ельцин поехал на радио давать интервью. Мы сидели вдвоем на заднем сиденье. Все чаще Борис Николаевич закрывал глаза и откидывал голову назад. От резкой боли стал терять сознание. Срочно вернулись в гостиницу, отменили интервью и вызвали врача. Узнав об аварии, он предположил, что это травма позвоночника: необходимо срочно ехать в больницу и провести обследование. Ельцин долго отказывался:

— И не такую боль терпел, пройдет».

Врач сделал обезболивающий укол, дал таблетки и пригласил специалистов. Приехал нейрохирург и, осмотрев больного, тут же назвал диагноз.

— Я больше чем уверен, — сказал врач, — что у вас поврежден позвоночник, защемлен нерв.

Словно в подтверждение его слов Борису Николаевичу стало совсем плохо.

Виктор Ярошенко:

«Мы хотели посадить его в «скорую помощь», но услышали его твердый отказ. Сели в легковую машину и, как назло, попали в час пик. Бесконечные торможения просто добивали Ельцина. Когда мы приехали в госпиталь, с трудом уложили его на каталку и повезли на обследование. В тот момент он уже был частично

парализован.

С каждым часом состояние Ельцина ухудшалось. Консилиум врачей пришел к единому заключению: необходима срочная операция. Главный хирург объяснил: от сильного удара раздроблен на мелкие куски один из межпозвоночных дисков. Острые и многочисленные осколки костной ткани позвоночника при малейшем движении травмировали и защемляли нерв. Ельцина парализовало почти на восемьдесят процентов».

— Еще немного — и наступит полный паралич, — сказал врач.

Лев Суханов: «Сначала Борис Николаевич наотрез от «ножа» отказался, поскольку знал, что это за операция. Ведь при неудачном ее исходе можно на всю жизнь остаться парализованным. У нас в Союзе после таких операций люди проводят по полгода в больнице. На строгом постельном режиме. Случись подобное — прощайте выборы, прощай работа, борьба…»

Вскоре в Москве должен открыться российский съезд народных депутатов. С ним были связаны все надежды Ельцина.

— Сделайте мне новокаиновую блокаду, — сказал Борис Николаевич, — и я полечу в Москву…

Разыскали русского врача. Его заключение не обнадеживало:

— Лететь Ельцин уже не может, и пока такие операции у нас проходят с серьезными осложнениями.

«Чувствую, — вспоминал сам Борис Николаевич, — весь низ тела парализован, не могу двигаться… Хирург говорит: выход только один — немедленно делать операцию, иначе паралич. До Москвы вам не долететь, полностью отнимутся ноги. Потом их уже восстановить не удастся».

Виктор Ярошенко заявил, что, как доверенное лицо Ельцина, берет всю ответственность на себя и дает согласие на операцию. Директор госпиталя вызвал адвоката, составили необходимый документ. Ярошенко и Суханов поставили свои подписи.

Виктор Ярошенко: «Началась сложная, многочасовая операция. Под микроскопом предстояло освободить нерв от осколков раздробленного межпозвоночного диска. Малейшее неосторожное движение могло обернуться для Ельцина полным параличом».

Известный нейрохирург Жозеф Льёвет обещал, что через четыре-пять дней Ельцин встанет на ноги. Потом по телевидению он показал раздробленный диск, извлеченный из позвоночника. Операция прошла удачно.

2 мая Ельцин встал и отбросил костыли. 3 мая он уже ходил по больнице и встречался с журналистами.

— Пора лететь в Москву, — сказал он.

Возвращались назад с пересадкой в Лондоне.

Виктор Ярошенко:

«Я связался с Лондоном, где нам предстояло пересесть с самолета испанской авиакомпании «Иберия» на аэрофлотовский. Просил, чтобы нас встретил посольский врач, а в салоне самолета оборудовали лежачее место.

Сотрудники «Аэрофлота», казалось, все предусмотрели. Только вот как пройдет эта пересадка — об этом почему-то не позаботились. Ельцину пришлось спускаться по лестнице в аэропорту. Врачи категорически запретили подобные передвижения, потому что они вызывали смещение позвоночника и сильные боли. Даже когда он лег в кресло, которое стюардессы оборудовали для него, принял болеутоляющее лекарство, все равно по его лицу я понял: очень плохо».

5 мая Ельцин вернулся в Москву. В аэропорту его встречали тысячи людей с цветами.

Виктор Ярошенко:

«Когда мы приземлились, нас ждала «скорая помощь». Но Ельцин, стиснув от боли зубы, наотрез отказался сесть в нее и ехать в больницу.

И с трудом пошел к выходу.

Лавина народа, бросившаяся навстречу Ельцину, вызвала у всех нас скорее страх, чем восторг. Любой толчок для Ельцина мог оказаться роковым. Коржаков подоспел вовремя и заслонил будущего президента».

Ленинградская молодежная газета «Смена» написала, что в аварии испанского самолета виноват КГБ. Его сотрудники в Испании испортили бортовую энергосистему. Тема покушения на Ельцина обсуждалась годами. Многие люди были уверены, что Горбачев приказал чекистам избавить его от опасного соперника. КГБ заявил, что не имеет отношения к инциденту с самолетом и считает публикацию в ленинградской «Смене» клеветой.

После возвращения в Москву неприятности продолжали преследовать Ельцина.

Он всегда мечтал иметь свою машину. Работая в Госстрое, купил «Москвич». Но сам не ездил, хотя водительские права получил давно, еще в Свердловске. Его возил Коржаков. А однажды Ельцин не выдержал… Во время съезда народных депутатов Ельцин охотно позировал фотографу за рулем своего «Москвича». Потом вдруг взял и поехал. Суханов и Коржаков еле успели сесть к нему в машину.

«Взяв с места в галоп, — вспоминал Суханов, — шеф ринулся на выезд из Кремля и выехал на оживленную улицу Москвы. Я-то знал, что навыков вождения у него почти никаких. Когда-то,

правда, немного водил грузовой автомобиль, но никогда не управлял легковой машиной…

Клянусь памятью матери, я еще никогда не испытывал такого страха, какой я испытал на родных московских улицах, в машине своего любимого шефа… Все наши уговоры остановиться были проигнорированы. Бросив озорной взгляд в нашу сторону, он сказал:

— Кому здесь страшно, прошу выйти…

С великой нервотрепкой мы наконец доехали до его дома. От волнения мы так взмокли, что хоть выжимай рубашки!»

В тот раз обошлось, но Ельцин все-таки попал в аварию — недалеко от своего дома. Правда, не он сидел за рулем. Произошло это так. Машина сопровождения повезла семейного доктора Анатолия Михайловича Григорьева на работу. А тут Ельцину срочно понадобилось уехать.

Когда он жил на 2-й Тверской-Ямской, то, чтобы не крутиться, его машина пересекала улицу Горького (теперь Тверская) в неположенном месте и совершала запрещенный левый поворот. Напротив его дома ставили сотрудника ГАИ, чтобы он вовремя останавливал движение и пропускал машину Ельцина.

Нарушение правил уличного движения рано или поздно приводит к печальным последствиям. Так и произошло в тот день.

«Поскольку мы были без машины сопровождения, — вспоминает Ельцин, — не все водители увидели предупреждающий жезл инспектора ГАИ. Нам бы притормозить, подождать, пока все остановятся. Но водитель глядит на меня, я автоматически делаю ему знак рукой: давай вперед! Он газанул, объехал большой фургон, и вот уже впереди просвет, как вдруг — страшный удар! И дикая боль в голове…»

Водитель «Жигулей» не увидел сотрудника ГАИ и врезался в «Волгу» Ельцина, причем с той стороны, где сидел Ельцин, — он расположился рядом с водителем.

Лев Суханов:

«Борис Николаевич ударился головой о кузов, а вмятой вовнутрь дверью его ушибло по ноге и бедру. Водитель «Волги» растерялся и потерял управление, в результате чего машина свернула с дороги и на скорости врезалась в забор, которым был обнесен реконструируемый дом…

Водитель в этой сумятице нечаянно ударил Бориса Николаевича локтем в грудь, в результате чего образовалась большая гематома. Удар «Жигулей» был настолько мощный, что Коржакову пришлось, что называется, с мясом выдирать переднюю дверцу — ее намертво заклинило…»

Коржаков доставил Ельцина домой.

Сам Борис Николаевич вспоминает: «Дома, увидев меня, стала тихо оседать на пол Наина: вид у меня был тот еще — кровь, лицо белее мела… Врачи констатировали: легкое сотрясение, серьезных нарушений нет». Ельцина пришлось все же отправить в больницу.

И после этой истории тоже говорили, что на Ельцина пытались совершить покушение. Водитель «Жигулей», пенсионер, который ехал с дочкой, тоже разбил свою машину. Уголовное дело против него по просьбе Ельцина прекратили.

Через несколько лет, уже став президентом, он вспоминал:

«Так получилось, что я попадал в аварии чуть ли не на всех видах транспорта. И на самолетах, и на вертолетах, и на автомобилях, грузовиках в том числе, и даже однажды на лошади. Маленьким еще был, лошадь понесла под горку, и на повороте меня выбросило из саней, чуть не убился…

Всегда как будто меня кто-то выручал. Я уж и сам начал верить, что нахожусь под какой-то неведомой защитой. Не может же так быть, чтобы на одного человека столько всего обрушивалось, причем на каждом этапе жизни. Буквально на каждом! И каждая такая критическая ситуация несла в себе потенциально смертельный исход».

Дорожно-транспортное происшествие, в которое попал Ельцин, вызвало дополнительные симпатии к нему. Помощник Горбачева Анатолий Черняев записал в свой дневник: «Мелкое столкновение ельцинского автомобиля с чьим-то другим и реакция на это происшествие во всех средствах массовой информации превращают Ельцина чуть ли не в национального героя. Он действительно набирает очки. И в ситуации, близкой к массовому взрыву, это легко сделать, обладая именно его качествами…»

Глава России

1990 год начался с демонстраций в Москве в поддержку демократии и реформ. Полмиллиона горняков бастовали. Союзное правительство раздавало обещания, но исполнить их было не в состоянии. В Кузбасс приехал Борис Ельцин. На него размах шахтерского движения тоже произвел впечатление. Он сказал:

— Нужны срочные меры. Иначе люди поднимут нас на вилы.

Борис Федоров, который вошел в первое ельцинское правительство, тогда работал в ЦК КПСС. Он вспоминает, что весной 1990 года сотрудники аппарата ЦК боялись, что восставший народ начнет громить цековские дома. Семьи перевозили к родственникам. Во внутреннем дворе комплекса зданий ЦК постоянно находился отряд спецназа. В ЦК отменили продуктовые заказы, в магазине для сотрудников аппарата полки опустели.

В начале 1990 года в окружении Ельцина обсуждалась дальнейшая стратегия. В союзном Верховном Совете соотношение сил таково, что он абсолютно безвластен. На весну были намечены выборы в местные органы власти. Почему бы не попытаться взять власть на местах и не начать в масштабе республики, области, города делать то, на что не способны Горбачев и союзное правительство?

Избираться в Верховный Совет РСФСР Ельцин решил от родного Свердловска. Его, разумеется, выбрали бы и в Москве. Но на союзных выборах за него проголосовало девяносто процентов избирателей. Если бы он на республиканских получил восемьдесят процентов, возникло бы ощущение поражения. Расчет оказался верным: в его округе в Свердловске, где баллотировалось одиннадцать кандидатов, за Ельцина проголосовало девяносто пять процентов избирателей, даже больше, чем годом раньше в Москве.

Ельцин и его окружение сами были потрясены итогами выборов: каждый третий российский депутат победил под демократическими лозунгами. В Верховный Совет СССР Ельцин пришел одиночкой. В российском Верховном Совете у него уже была своя армия.

16 мая 1990 года открылся Первый съезд народных депутатов РСФСР.

На съезде Ельцин предложил проект декларации о суверенитете России:

— Россия должна как суверенное государство самостоятельно

заключать договора и соглашения с другими государствами по экономическому, научно-техническому, культурному сотрудничеству, по торговым сделкам…

Стало ясно, что новый российский парламент, если его возглавит Борис Николаевич, встанет в оппозицию к союзной власти. В ЦК забеспокоились: надо помешать его избранию председателем Верховного Совета. Горбачев долго не мог решить, кого выдвинуть против Ельцина.

Известные в стране Рыжков, Лукьянов, Бакатин наотрез отказались баллотироваться на этот пост. Михаил Сергеевич принужден был выбирать между профессиональными аппаратчиками — Александром Власовым, главой российского правительства, и краснодарским первым секретарем Иваном Полозковым, лидером создаваемой тогда компартии РСФСР.

24 мая начались выборы председателя Верховного Совета РСФСР. Депутаты заседали во Дворце съездов, а вокруг буквально бушевал народ, требуя избрания Ельцина. Горбачев приехал и выступил перед депутатами с жесткой речью против идеи Ельцина о суверенитете России. Это только укрепило позиции Бориса Николаевича.

При первом голосовании ни один кандидат не набрал необходимого числа голосов: Ельцина поддержали 497 депутатов, Полозкова — 473. Во втором туре Ельцин получил еще несколько голосов, а Полозков начал терять голоса…

Тогда в ЦК задумались: а не вернуться ли к кандидатуре Александра Власова, который не вызывал у многих депутатов такой аллергии, как Полозков? Вечером в зале пленумов ЦК собрали коммунистов — руководителей делегаций на съезде народных депутатов. Горбачев приехал и выступил в поддержку Власова.

В реальности голосование шло за и против Ельцина. Личность его соперника такого уж серьезного значения не имела. Один вызывал чуть больше симпатий, другой чуть меньше. Все понимали, что если Борис Николаевич возглавит Верховный Совет России, то начнутся какие-то перемены, хотя никто не знал, какие именно. Изберут кого-то другого — все останется как прежде или станет еще хуже.

Ход голосования транслировался по радио, и многие люди, которые не особенно симпатизировали Ельцину и трезво оценивали его достоинства и недостатки, тем не менее ловили себя на том, что желают ему победы. Общество страстно жаждало перемен, и Ельцин был их символом.

Он еще тогда ездил в своем «Москвиче». Вышел после очередного заседания, вспоминал Лев Суханов, сел в машину:

«Улыбается, вроде бы как ничем не озабочен. Но я-то знаю цену этой улыбки. Напряжение, кажется, сейчас разорвет ему грудь. Сдерживается из последних сил… Когда мы немного отъехали, он как жахнет кулаком по передней панели…

Я уж думал — машина развалится… У-ух-х… Смотрю, слезинка по щеке шефа покатилась — слава богу, разрядка произошла… Приехали к нему домой, стали его все успокаивать, говорить, что вся Россия звонит в Москву, люди ждут и верят в победу…»

29 мая 1990 года Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР (535 голосов за, 502 — против). Принимая поздравления, сказал депутатам:

— Я не даю клятвы, но я твердо обещаю вам во имя России, во имя людей и народов, которые живут на ее территории, во имя нашего с вами единства не жалеть ничего — ни здоровья, ни времени, работать столько, сколько понадобится, для того, чтобы нам выйти из кризисного состояния и все-таки вывести Россию к лучшим временам…

1 июня Ельцин и его помощник Лев Суханов принялись осваивать новые апартаменты и новую работу. Простодушный Суханов не выдержал:

— Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!

Ельцин думал о другом: «Ну и что дальше? Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили».

— Какой хомут, — сказал Суханов, — вы себе, Борис Николаевич, повесили на шею. Хватит ли сил?

— Должно хватить, — ответил он. — Хотя, чтобы вывести Россию из этого состояния, может и десяти жизней не хватить.

Ельцин даже и не предполагал, что его прогноз окажется таким точным.

12 июня 1990 года утром на Первом съезде народных депутатов поименным голосованием была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. За высказались 907 депутатов, против — всего 13, воздержались — 9.

Принятие декларации воспринималось тогда как такое важное событие, что 12 июня было объявлено праздничным днем. Сегодня мало кто может объяснить, что это за праздник.

В Декларации о государственном суверенитете не было ни слова о выходе из состава СССР. Смысл был в другом. Провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзными. И этот принцип все поддержали.

Дело в том, что в борьбе с Ельциным Горбачев решился на очень опасный шаг — поднять статус автономий внутри РСФСР

до статуса союзных республик. Верховный Совет СССР 26 апреля 1990 года принял даже соответствующий закон. На территории России — два десятка автономий, если бы они получили равные права с самой Россией, РСФСР оказалась в очень странном положении и лишилась возможности влиять на жизнь автономий. Именно поэтому, стараясь привлечь автономии на свою сторону, Ельцин сказал в Уфе, что Башкирия может взять столько власти, сколько она «проглотит», а в Казани, что Татария получит столько власти, сколько сможет «переварить».

Декларация 12 июня воспринималась как защитная мера, которая должна была спасти Россию от распада. За декларацию голосовали и коммунисты, и демократы, и сторонники Ельцина, и его яростные противники. Все хватались за соломинку — положение в стране становилось все более отчаянным. Казалось, что если нельзя спастись всем вместе, то надо, по крайней мере, спасти себя.

Летом в Москве все продукты и товары стали продавать при предъявлении паспорта со столичной пропиской, чтобы ничего не доставалось приезжим. Москвичи были довольны, хотя еды от этого не прибавилось.

Декларацию о суверенитете поддержал и главный противник Ельцина на выборах Иван Полозков, который вскоре станет первым секретарем ЦК компартии РСФСР. Валентин Купцов, один из будущих руководителей российской компартии и яростный оппонент Ельцина, говорил тогда:

— Моя личная оценка: принятие Декларации о суверенитете — главный итог работы Первого съезда народных депутатов Российской Федерации. Важно, что этот принципиальный документ поддержан практически всем народом России…

2 июля открылся XXVIII съезд КПСС, последний съезд. Атмосфера на съезде была накаленной. Выступил и Ельцин. Он уже не был таким робким, как на XIX партконференции:

— Мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход: в демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма. Партия должна освободить себя от любых государственных функций…

Российские руководители — Ельцин, его первый заместитель Руслан Хасбулатов, новый председатель Совмина РСФСР Иван

Силаев — были включены в так называемый «центральный список» кандидатов на избрание в ЦК, что практически гарантировало им членство в партийном ареопаге. Но Ельцину это уже не было нужно.

Он с помощниками обсуждал, выходить ему из партии прямо на съезде или позднее, колебался, волновался. Потом все-таки решился распрощаться с партией. Когда стали зачитывать списки нового ЦК, Ельцин попросил слова, прошел на трибуну и сказал, что выходит из КПСС. Объяснил, что в роли председателя Верховного Совета он не может подчиняться одной партии, а обязан подчиняться воле народа. Чеканя шаг, вышел из зала, провожаемый ненавидящими взглядами. Горбачев был растерян.

Анатолий Черняев вспоминает тот съезд:

«Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов… На съезде шел разгром горбачевской команды. А она оказалась несостоятельной в защите, не говоря уже о неспособности к нападению (если пользоваться футбольной терминологией). И понятно почему: держалась за партию, не мыслила себя вне партии, тем более в позиции против партии, олицетворяемой съездом.

Только Ельцин звериным своим чутьем ощутил «гул истории». И когда на него после его «бонапартистской» речи (так ее назвал один из делегатов) «покатили бочку», он заявил с трибуны, что уходит из партии. И покинул ошеломленный зал под редкие выкрики «Позор!». Он определенен, и это выгодно отличает его от Горбачева с его «компромиссной» тактикой…»

Многие писали потом, что Михаилу Сергеевичу следовало поступить так, как Ельцин, который плюнул аппарату в лицо и пошел делать дело, которое надо бы делать Горбачеву. Если бы Горбачев вовремя порвал с партией, назначил президентские выборы и приступил к преобразованию Советского Союза, тогда бы он сохранил единое государство — в форме более свободной федерации или конфедерации. И сохранил бы себя как действующего политика.

Но Горбачев продолжал заниматься тактикой, а не стратегией. И все тактические бои он выигрывал. Голова у него работала лучше, чем у его соперников и противников. А стратегически он вскоре потерпит поражение…

Появляется второй президент

Эти два человека ревностно следили друг за другом. У генерального секретаря ЦК КПСС и президента СССР Горбачева была власть над всей страной и мировое признание. У Ельцина неясная должность российского лидера и народная поддержка. Ельцин завидовал Горбачеву, который уже был президентом, у которого в руках было все. Горбачев завидовал Ельцину, за которого голосовали простые люди и ради которого собирались огромные митинги.

Российская власть сразу же вошла в конфликт с союзной. Никакого желания объясниться, поладить, отыскать компромисс не было. Напротив, всякое столкновение сознательно муссировалось, взаимная нелюбовь культивировалась.

Союзное правительство не обращало внимания на декларации и заявления российской власти. А Ельцин действовал все более самостоятельно, делая вид, что никакого союзного правительства не существует, а он возглавляет самостоятельное государство. Верховный Совет РСФСР заявил, что без его ратификации никакие указы президента СССР на территории России не действительны.

В августе 1990 года Горбачев отдыхал в Крыму. Вечером за ужином он сказал своим советникам Евгению Примакову и Анатолию Черняеву:

— Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии — свободу, Коми — свободу, Башкирии — пожалуйста). А по векселям платить придется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении…

Страна приближалась к экономическому краху. В российских областях исчезли сигареты и папиросы, пропала водка. На шестом году перестройки к радикальным переменам в экономике, в хозяйственной жизни еще и не подступали.

1 сентября Ельцин потребовал отправить союзное правительство Рыжкова в отставку и принять программу российской экономической реформы. Верховный Совет РСФСР проголосовал за.

16 октября Ельцин в Верховном Совете объявил, что Россия больше не может подчиняться центру. Экономическая ситуация такова, что либо Горбачев соглашается сформировать коалиционное правительство, половина мест в котором будет отдана демократическим силам, и участвует в реформировании

экономики, либо России придется проводить свою экономическую политику.

Анатолий Черняев: «В эти дни я, наверное, впервые увидел Горбачева растерянным. Власть, казалось, зримо уползает из его рук… Лимит доверия к Михаилу Сергеевичу с каждым днем приближается к нулевой отметке».

В эти дни Горбачеву присудили Нобелевскую премию мира.

Иностранные гости, поздравляя, все настойчивее спрашивали его о взаимоотношениях с Ельциным. Канцлер Германии Гельмут Коль задал самый откровенный вопрос:

— Чего, собственно, хочет Ельцин — занять твое место?

19 ноября Россия подписала договор с Украиной, 21 ноября — с Казахстаном, 18 декабря — с Белоруссией. Республики признавали друг друга суверенными государствами, объявляли о намерении развивать межгосударственные отношения на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела. Договорились обменяться дипломатическими представительствами — пока еще не посольствами.

31 октября 1990 года российский Верховный Совет принял закон об обеспечении экономической основы суверенитета России — все богатства на территории республики объявлялись ее собственностью. В январе 1991 года российский парламент принял закон «О собственности в РСФСР», впервые узаконив частную собственность.

Серьезные экономисты утверждали, что попытки модернизировать систему не получаются, становится только хуже. Надо было либо возвращаться к тому, что существовало до апреля 1985 года, либо создавать принципиально новую социально-экономическую модель. Борьба за социальную справедливость часто носила демагогический характер, но в устах Ельцина все эти лозунги звучали очень достоверно.

В окружении Горбачева не могли понять, что происходит. Почему интеллигенция отвернулась от Горбачева и восхищается Ельциным? «Рафинированная интеллигентная элита в Доме кино, — удивлялись помощники Михаила Сергеевича, — рукоплещет пошлому, вульгарному, полуграмотному, хамскому «лидеру»! Кто поверит, что она не понимает, кто перед ней? Значит, ей это нужно?»

Известно, как любит российская интеллигенция очаровываться новыми политическими фигурами, а потом столь же поспешно разочаровываться. Весь XX век полон такими историями, но и новое столетие начинается с того же: немалая часть российской интеллигенции без ума от нового кумира — Владимира Владимировича Путина…

Интеллигенция оценила, что на похоронах академика Сахарова Ельцин всю дорогу шел за гробом, отказался сесть в машину. Когда Ельцина избрали председателем Верховного Совета, он пригласил к себе известного правозащитника Сергея Адамовича Ковалева и предложил ему возглавить парламентский Комитет по правам человека.

Летом девяностого многие председатели Верховных Советов республик поспешили переименовать себя в президенты. Ельцин считал, что президент должен быть избран. 17 марта 1991 года на референдуме жители России отвечали на вопрос: нужен ли пост президента РСФСР? Больше семидесяти процентов россиян захотели иметь своего президента. Выборы назначили на 12 июня.

Помимо Ельцина на пост российского президента баллотировались бывший министр внутренних дел Вадим Бакатин, генерал-полковник Альберт Макашов, бывший Председатель Совета министров СССР Николай Рыжков, глава Либерально-демократической партии Владимир Жириновский и председатель Кемеровского областного совета Амангельды Тулеев.

К выборам в окружении Ельцина готовились очень тщательно. Уверенности в победе не было. По американскому образцу ввели пост не только президента, но и вице-президента. Для Ельцина искали популярного партнера.

Список вероятных кандидатов в вице-президенты, предложенный Ельцину, был длинным.

«Я кожей чувствовал, как напряженно ждут моего решения два человека: Геннадий Бурбулис и Руслан Хасбулатов, — вспоминал Борис Ельцин. — Но ни один из них меня не устраивал. Что греха таить, я опасался чисто иррациональной антипатии народа. Меня не устраивал невыигрышный имидж обоих». В один из субботних весенних дней 1991 года, меньше чем за месяц до выборов первого президента России, Александр Владимирович Руцкой, председатель одного из комитетов Верховного Совета, как обычно, находился в Белом доме со своими помощниками. Неожиданно последовал звонок от председателя Верховного Совета Ельцина, который пригласил зайти.

Руцкой вернулся только через два с лишним часа.

— А знаете, что он мне предложил? — торжествующе спросил он с порога. И, не дожидаясь ответа, выпалил: — Вице-президента!

— Ну и как?

— Я согласился, — важно сказал Руцкой. — Правда, я его

предупредил, что китайским болванчиком не буду, что у меня есть свое мнение по многим вопросам, и я буду его отстаивать.

— Ну и что он?

— Он сказал, что такой человек ему и нужен. Но еще я сказал, — добавил Руцкой, — что, что бы ни случилось, я пойду с ним до конца. Ведь я офицер…

Вроде бы Геннадий Харин и Людмила Пихоя, которые писали президенту речи, уговорили Ельцина взять в вице Руцкого:

— Мы получим часть голосов коммунистов… Ельцин красивый, высокий, а рядом с ним будет Руцкой в военной форме, со Звездой Героя, с усами, наконец. Все бабы наши.

«Руцкой был просто создан для избирательной кампании, — согласился Ельцин. — Он как будто родился специально для того, чтобы быть запечатленным на глянцевых цветных плакатах, участвовать в телевизионных трансляциях, выступать перед большим скоплением народа. Внешность заслуженного артиста, боевой летчик — Герой Советского Союза, говорит резко и красиво. Одним словом — орел!..»

Александр Руцкой командовал полком штурмовой авиации в Афганистане. В 1986-м был сбит «стингером» и повредил позвоночник. Его отстранили от полетов, но он добился своего и вновь стал летать. В 1988-м вернулся в Афганистан заместителем командующего военно-воздушными силами 40-й армии. И вновь был сбит на границе с Пакистаном, где бомбил склады с боеприпасами моджахедов. Моджахеды передали его пакистанской разведке. Москва обменяла его на пакистанского разведчика. Президент Афганистана Наджибулла уверял потом, что за Руцкого заплатили большие деньги.

Потом станет ясно, что кандидатуре вице-президента вообще напрасно придавали столь большое значение. В июне 1991 года люди все равно голосовали за Ельцина, кандидатура вице мало кого интересовала. Но ведь это стало ясно после выборов, а до голосования казалось, что нельзя упустить ни одного шанса.

На выборах 12 июня Ельцин собрал 57,35 процента голосов. Президентскую присягу Борис Николаевич произнес, положив руку на Конституцию РСФСР и Декларацию о государственном суверенитете России. Ельцин приносил присягу один. Вице-президент Александр Руцкой сидел в зале, тогда как в Соединенных Штатах американские вице-президенты стоят рядом с президентом. Но кто же принимал Руцкого в расчет? Эта ошибка потом дорого обойдется Ельцину и его окружению.

Ельцина благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он сказал:

— Вы принимаете на себя огромную ответственность, вы

берете на себя не честь и славу, а берете огромный подвиг и крест, ответственность перед Богом, перед историей и перед народом, который вас избрал.

По православным канонам, когда патриарх его благословлял, Борис Николаевич должен был поцеловать благословляющую его руку, но не решился или не захотел. Ельцин выглядел внушительно — высокий, широкоплечий, седовласый. Отец нации. Поздравлявший его союзный президент Горбачев выглядел неуверенным и неловким.

Невиданная в нашей стране церемония произвела впечатление. Инаугурация сопровождалась хоровым исполнением «Славься» из оперы Глинки «Жизнь за царя». Отныне в Москве было сразу два президента.

Стоя на танке

19 августа 1991 года страна проснулась и узнала, что президент Горбачев отставлен от должности, а всем управляет Государственный комитет по чрезвычайному положению. ГКЧП продержался всего три дня. Но эти три дня разрушили нашу страну.

По прошествии нескольких лет августовский путч 1991 года многим кажется чем-то смешным и нелепым, дворцовой интригой, кремлевской опереткой. Одни с трудом вспоминают, что Михаила Сергеевича вроде и в самом деле заперли в его летней резиденции в Форосе, а другие уверены, что он сам, не желая отказываться от морских купаний, послал других навести порядок в стране, а потом почему-то на них обиделся и велел арестовать…

Конечно, даже недавняя история быстро забывается. Но те, кто наблюдал за событиями не со стороны, кто находился тогда в Москве, помнят, что нам было не до шуток.

Участники ГКЧП, сначала защищаясь, а потом и нападая, утверждали, что Горбачев захотел въехать в рай на чужом горбу. Сам объявить чрезвычайное положение не решился, а им сказал: черт с вами, действуйте!

Да если бы Горбачев когда-нибудь в жизни говорил: «Вы действуйте, а я посижу в сторонке», — он бы никогда не стал генеральным секретарем! Он принадлежит к породе властных и авторитарных людей, которые исходят из того, что все должно делаться по их воле…

Члены ГКЧП надеялись заставить Горбачева примкнуть к ним и согласиться на введение чрезвычайного положения в стране. Они предложили ему подписать указ о введении чрезвычайного положения и сообщили, что намерены арестовать Ельцина, как только он вернется в Москву. Горбачев не согласился ввести чрезвычайное положение, интуитивно понимая, чем это кончится. В случае успеха это перечеркнуло бы все им достигнутое с 1985 года. А в случае неуспеха… Мы уже знаем, чем закончился путч.

Когда Горбачев отказался подписывать их документы, по существу, планы заговорщиков рухнули. Они не были готовы действовать самостоятельно и вернулись в Москву в растерянности. Все заговорщики, вместе взятые, не тянули на «коллективного Пиночета».

Но Горбачев — и в этом его вина — не выполнил своего президентского долга: не подавил путч в самом зародыше. Он всего лишь пытался переубедить заговорщиков, он их уговаривал,

а должен был назвать их преступниками и приказать начальнику своей охраны задержать незваных гостей. Сам он обязан был немедленно вылететь в Москву.

Но, во-первых, сказалась свойственная Горбачеву нерешительность. Как замечает его бывший пресс-секретарь Андрей Грачев, «при личном общении он мог пасовать и даже теряться перед проявлениями бесцеремонности и откровенной грубости». Во-вторых, Михаил Сергеевич, надо полагать, чисто по-человечески испугался за свою жизнь и жизнь своей семьи, да и, наверное, не верил, что его охрана, состоявшая из офицеров КГБ, выполнит такой приказ. Да и какой в этом смысл, если главные заговорщики остались в Москве и они в ответ могут приказать уничтожить и Горбачева, и его семью?

Десять лет спустя Горбачев рассказывал журналистам:

— Раиса Максимовна ударилась в панику. Хотела меня спрятать, боялась, что сделают инвалидом и покажут всему миру, что я действительно болен. Павлов же говорил, мол, Горбачев лежит в кровати, недееспособен и мурлыкает нечто невнятное. А довести до такого состояния пара пустяков: мужики навалились, вогнали что-то — и готово…

Мне, — продолжал Горбачев, — часто журналисты задают вопрос: а почему вы не полезли через забор, ограду? Заговорщики как раз этого и добивались. Чтобы можно было открыть стрельбу и пристрелить меня. Но дело не только в этом. Неужели я, президент СССР, мог полезть через забор? Чтобы повиснуть штанами на ограде?.. Я их слова отверг, обругал их матом и сказал, что они сами себя погубят. Но на прощание все же пожал им руки и дал указание — немедленно созвать съезд…

Это рукопожатие с заговорщиками непростительно. Оно погубило политическую судьбу президента СССР. Путчисты все равно его ненавидели, а сторонники демократических преобразований подозревали Михаила Сергеевича в двойной игре.

Своему помощнику Анатолию Черняеву, сопровождавшему президента СССР и в отпуске, Горбачев сказал:

— Да, это может кончиться очень плохо. Но ты знаешь, в данном случае я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит. И тогда — кровь. Когда я их вчера спросил, где Ельцин, один ответил, что «уже арестован», другой поправил: «Будет арестован»…

Такая оценка личных качеств Бориса Николаевича Ельцина дорогого стоит. Михаил Сергеевич понимал стойкость и надежность Ельцина и фактически признавал, что тот способен на то, на что он сам оказался не способен.

Пока в Кремле и на площади Дзержинского шла лихорадочная подготовка к государственному перевороту, ничего не подозревавший Борис Николаевич находился в Казахстане и наслаждался жизнью. Принимали его в Алма-Ате с особым почетом.

18 августа после официальных мероприятий Ельцин и президент Казахстана Назарбаев играли в теннис, потом поехали на конезавод, полюбовались скачками и отправились на Медео. Здесь уже были расставлены юрты, и московский гость оказался на пикнике. Пригласили артистов, Назарбаев играл на домбре, Ельцин тоже продемонстрировал свой коронный номер — игру на деревянных ложках. Российский президент не упустил случая искупаться в ледяной воде горной речушки. Температура воды была не выше тринадцати градусов.

Ельцин должен был вылететь в четыре дня. Но пикник удался на славу, российский президент расслабился, и любезный Назарбаев предложил отложить отлет на пару часов. Самолет президента России приземлился в Москве в час ночи. А утром переворот.

Ельцин уже тогда постоянно жил на даче. После избрания Бориса Николаевича председателем Верховного Совета аппарат позаботился о создании ему «нормальных условий для работы». Стали искать Ельцину подходящую дачу. Облюбовали дачный поселок Архангельское, который принадлежал республиканскому Совету министров. Его главный телохранитель Александр Коржаков тоже жил в Архангельском. Услышав по радио об отстранении Горбачева, сразу пошел к Ельцину и вызвал из службы охраны подкрепление. Охрану Ельцину набрали из отставников и гражданских людей. От услуг 9-го управления КГБ, обеспечивавшего безопасность высшего руководства, наотрез отказались — не доверяли этому ведомству.

Возникли трудности с получением оружия, но некоторое количество автоматов и пистолетов удалось получить с помощью хороших личных отношений в Министерстве обороны и МВД. Накануне путча служба безопасности президента России имела на вооружении шестьдесят автоматов и около ста пистолетов.

Незадолго до переворота Ельцин побывал в Тульской дивизии. Его сопровождал командующий воздушно-десантными войсками веселый и компанейский молодой генерал Павел Грачев. Он понравился Ельцину. И между ними состоялся такой разговор:

— Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно избранной власти в России будет угрожать опасность — какой-то террор, заговор, нас попытаются арестовать. Можно

положиться на военных, можно положиться на вас?

Генерал твердо ответил:

— Да, можно.

По словам Коржакова, беседовали Ельцин и Грачев с глазу на глаз: «Ельцин был первым руководителем высокого ранга, который разговаривал с Грачевым столь нежно и доверительно. Поэтому Павел Сергеевич еще за несколько месяцев до путча проникся уважением к Борису Николаевичу».

Утром 19 августа Ельцин позвонил Грачеву прямо из Архангельского. Грачев вспоминал потом, как Борис Николаевич спросил его:

— Командующий, что там за движение войск и какуювы имеете задачу?

Грачев ответил:

— Борис Николаевич, я получил приказ от министра обороны усилить охрану и оборону основных административных зданий в Москве, а часть сил оставить на аэродроме в Чкаловске в резерве.

— А другую задачу вы получили?

— А другой задачи, Борис Николаевич, я не получал. И тогда Ельцин многозначительно напомнил о том, прежнем разговоре.

«Грачев, — вспоминал Ельцин, — смутился, взял долгую паузу, было слышно, как он напряженно дышит. Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ.

И я сказал ему что-то вроде: я не хочу вас подставлять под удар… Он ответил:

— Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведроту…

Я поблагодарил, и на том мы расстались. Жена вспоминает, что уже в то раннее утро я положил трубку и сказал ей:

— Грачев наш…

Первая реакция Грачева меня не обескуражила… Грачев не отрекся от своих слов. И это было главное… Пока Грачев дышал в трубку, он решал судьбу не только свою, но и мою».

В двухэтажном коттедже собрались близкие президенту люди — министр печати Михаил Полторанин, Государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис, председатель Российской телерадиовещательной компании Олег Попцов, Руслан Хасбулатов, государственный советник РСФСР по правовой политике Сергей Шахрай, министр внешних экономических связей Виктор Ярошенко. Потом подъехали и другие соратники Ельцина.

Вокруг дачи стояло несколько охранников.

Там, на даче, набросали текст обращения «К гражданам России», которое подписали президент Ельцин, глава

правительства Силаев и исполняющий обязанности председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатов:

«В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны.

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом… Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета… Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте… Призываем к всеобщей бессрочной забастовке…»

Написав обращение, решили ехать в Москву. Это было небезопасно, и у кого-то возникла идея остаться в Архангельском, превратить президентскую дачу в штаб по организации сопротивления. Но Архангельское могло оказаться большой западней. О капитуляции, о подчинении приказам ГКЧП не могло быть и речи. Никто не струсил, никто не заговорил о том, что, может быть, лучше затаиться и подождать, как будут развиваться события.

Первой до Белого дома доехала машина Силаева, оттуда позвонили: все в порядке. Тогда тронулся Ельцин.

«В Москву решили двигаться общей колонной, — вспоминал Анатолий Собчак, — с машиной ГАИ, закрепленной за Ельциным, впереди, с президентским флажком на капоте машины, в которой ехал Ельцин, и на самой большой скорости… Был шанс проскочить к Белому дому без остановок, ну а в противном случае, как говорится, на миру и смерть красна!..

Провожали нас жена и дочь Ельцина, Татьяна, которые держались удивительно мужественно. Отправляя самого близкого им человека, может быть, даже на смерть, они успокаивали его, а Татьяна повторяла:

— Папа, держись! Теперь все зависит только от тебя!»

Татьяна Дьяченко говорила потом: «У меня возникла ужасная, невозможная мысль, что, может быть, я вижу папу в последний раз».

Наина Иосифовна робко пыталась остановить мужа:

— Слушай, там танки, что толку от того, что вы едете? Танки вас не пропустят.

Ельцин ответил:

— Нет, меня они не остановят.

Семью Ельцина в микроавтобусе, окруженном машинами охраны, на всякий случай отвезли на пустую квартиру в Кунцеве,

которая принадлежала ветерану 9-го управления КГБ…

Ельцина посадили в «Чайку» с президентским флагом — на заднее сиденье, Коржаков сел рядом с ним справа, другой охранник — слева. Ельцин отказался надеть бронежилет, поэтому его обложили жилетами. Несколько машин ехали впереди «Чайки», остальные следовали за ней.

До выезда на шоссе предстояло проехать три километра. На этом отрезке пути, как и предполагал Коржаков, заняли позиции офицеры спецподразделения КГБ «Альфа», которые должны были арестовать президента России.

Но альфовцы ничего не предприняли.

Почему Ельцин не был сразу же арестован? Похоже, его просто недооценили. Заговорщикам и в голову не приходило, что он станет сопротивляться. Они-то были уверены, что все демократы — трусы, хлюпики и позаботятся только о том, как спасти свою шкуру. Да руководителям ГКЧП и не хотелось начинать дело с арестов. Они и в себе не были уверены, и надеялись сохранить хорошие отношения с Западом, показать всему миру, что все делается по закону. Поэтому и провели знаменитую пресс-конференцию, на которой предстали перед всем миром в самом дурацком свете.

В два часа дня началось заседание Совета министров России. Первый заместитель главы правительства Олег Лобов вместе с двадцатью заместителями министров вылетел в родной Свердловск, где располагается командный пункт для высшего руководства, оборудованный всеми видами связи на случай ядерной войны. Если бы в Москве правительство было арестовано, они стали бы действовать от его имени. Олег Лобов выступил перед депутатами областного совета, которые безоговорочно поддержали Ельцина.

Министра иностранных дел Андрея Козырева командировали во Францию, чтобы мобилизовать на поддержку российского правительства мировое мнение.

Белый дом был окружен танками Таманской дивизии и бронемашинами Тульской воздушно-десантной дивизии. Собравшиеся там депутаты в любую минуту ожидали штурма и ареста. И здание, вероятно, было бы захвачено в конце концов, если бы не действия Ельцина. Неожиданно для путчистов он не только не попытался с ними поладить и договориться, а, напротив, пошел на обострение отношений. Он объявил путчистов преступниками и потребовал сдаться.

«В эти трагические дни кабинет Ельцина был очень доступен, — вспоминает Олег Попцов. — Никакой замкнутости, общение было практически постоянным… Он принял

единственно правильное решение — действовать, не выжидать, а действовать!.. Россия должна была знать, что президент не сломлен: он в Белом доме, он выполняет свои обязанности. Непреклонность Ельцина, его энергичность озадачили путчистов. Они не успевали дезавуировать его указы».

Соратники отговаривали его выходить на улицу, где стояли танки Таманской дивизии, но он решил идти. Написанное на даче в Архангельском обращение Ельцин прочитал прямо с танка, и эти кадры, увиденные страной и всем миром, вошли в историю. Ельцин стал символом законной власти, демократии и мужества. С этой минуты за действиями Ельцина стал следить весь мир.

Увидев Ельцина на танке, люди поняли, что заговорщикам можно и нужно сопротивляться. Если Ельцин их не боится, почему должны бояться другие? И москвичи двинулись к Белому дому. Они провели здесь три дня и три ночи. Уходили. Возвращались. Встречали здесь знакомых и коллег. Они были готовы защитить собой Ельцина, потому что Ельцин защищал их. И другой защиты и надежды не было.

Борис Николаевич был готов сопротивляться до последнего. Он сказал Виктору Ярошенко:

— Молодец архитектор Чечулин, на славу потрудился. Пожалуй, в Москве это единственное здание такого масштаба. Как он все здорово придумал: чтобы обойти все его кабинеты, коридоры, потребуется не один день. А подземный бункер и выходы из здания — прекрасно созданная система безопасности. Уверен: чем дольше будет продолжаться наша осада, тем громче политический резонанс, а у нас больше шансов мобилизовать народ…

Для руководителя президентской администрации Юрия Петрова 19 августа 1991 года было первым рабочим днем в Белом доме. Ельцин представил его коллегам уже после своего знаменитого выступления с танка.

«Мы готовились к самым серьезным событиям — вплоть до штурма и физического уничтожения, — вспоминал потом Петров. — Кажется, 20-го числа мы, два или три человека, сидели в кабинете Ельцина. Входит взъерошенный Шахрай, у него на поясе пистолет. Я его спросил:

— Сергей Михайлович, зачем вам пистолет? Неужели вы действительно будете стрелять?

Он посмотрел на меня и говорит:

— Да!

Ельцин своими указами объявил членов ГКЧП уголовными преступниками и объяснил, что исполнение их приказов равносильно соучастию в преступлениях. Он прямо требовал

задержать руководителей переворота. Твердость и определенность поведения Ельцина создавали новую реальность. Местные руководители как минимум сохраняли нейтралитет и не спешили исполнять указания путчистов.

Своим указом Ельцин подчинил себе армейские части, органы МВД и КГБ, расположенные на территории России. Это предоставляло ему формальный повод отдавать им распоряжения. Отдельным указом Борис Николаевич принял на себя командование Вооруженными силами Союза ССР на территории РСФСР.

ГКЧП, разумеется, в ответ объявил все указы Ельцина и российской власти недействительными. Но слова путчистов не имели значения. Все ждали: способны ли люди, засевшие в Кремле, взять штурмом Белый дом, силой подавить главный очаг сопротивления, арестовать Ельцина и его окружение?

19 августа 1991 года ГКЧП подготовил документ, определив судьбу российского руководства:

«1. Для обеспечения порядка и безусловного выполнения решений Государственного Комитета по Чрезвычайному положению предпринять меры по оперативному интернированию лиц из числа руководства РСФСР в соответствии с оформленными Прокуратурой СССР документами…»

В этом списке, который открывался именем Ельцина, были перечислены все люди из его ближайшего окружения. Это распоряжение не было реализовано, потому что, к счастью для страны, путчисты оказались ни на что не годными организаторами.

Генерал Варенников, находившийся в Киеве и недовольный медлительностью ГКЧП, прислал возмущенную шифротелеграмму: «Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н., здание правительства РСФСР необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи…»

Если бы путч возглавляли такие люди, как Варенников, история могла бы пойти иным, кровавым путем.

20 августа пять часов шел митинг перед Белым домом. Там стояли самые разные люди. Были совсем странные, искавшие приключений, и пьяные, и полууголовники. Но абсолютное большинство составляли москвичи, которые искренне не хотели поворота назад и были возмущены попыткой решить их судьбу без их участия. Сюда стянулось немало людей с оружием — омоновцы, милиционеры, бывшие афганцы.

В дни событий в здании находилось примерно двести сорок депутатов и с ними две сотни сотрудников аппарата Верховного Совета. Они выступали, писали и раздавали листовки, которые развозили по аэродромам и просили летчиков взять с собой. Депутаты звонили в свои округа и рассказывали, что происходит. Часть депутатов разъехалась по воинским частям — в училище имени Верховного Совета РСФСР, дивизию имени Дзержинского, батальон и полк связи в Сокольниках, в спецназ, стоявший в Теплом Стане. При этом исходили из того, что в любую минуту Белый дом может быть захвачен. Подготовка к штурму Белого дома действительно шла.

Председатель КГБ Крючков и министр обороны Язов приказали своим заместителям Ачалову и Агееву подготовить к концу дня 20 августа план захвата Белого дома — операцию под кодовым названием «Гром». Штурм назначили на три часа ночи 21 августа.

Генерал Варенников, вернувшийся из Киева, приказал выделить для атаки Белого дома три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов. Войска должны были рассеять толпу, подавить сопротивление, а бойцы «Альфы» захватить здание.

Заместитель командира «Альфы» Сергей Генералов потом рассказал: «20 августа в 11.00 состоялось совещание у Крючкова. Здесь впервые открытым текстом прозвучала команда: «Захватить Белый дом, интернировать правительство и руководство России»…»

Пятый этаж забаррикадировали. Приемная Ельцина была полна людей, некоторые депутаты обзавелись оружием. Филатов встал у окна, ему тут же посоветовали отойти: в окне он прекрасная мишень для снайперов, засевших на крыше гостиницы «Украина».

Вдруг звук выстрела, всех охватил ужас. Неужели началось? Из одной из комнат раздался голос:

— Не волнуйтесь! Это ошибка. Просто один из охранников нечаянно спустил курок автомата.

В шесть вечера по громкой связи Белого дома передали, что ночью возможен штурм Белого дома. Всех женщин попросили покинуть здание. Однако люди не расходились. Некоторые из участников тех событий теперь испытывают разочарование: все пошло иначе, не так, как думали в те дни. Но многие по-прежнему считают, что нельзя было поступить иначе.

— Я участвовал в этих событиях, — вспоминал десять лет спустя замечательный артист Лев Дуров. — Горжусь медалью «Защитник Отечества», а главное — дюралевым крестиком, который мне вручили чуть ли не сразу в конце августа. И сегодня

я не отказываюсь от этого, одного из важнейших поступков в моей жизни.

Это был искренний порыв души, — считает известный литературовед Людмила Сараскина. — Мы боялись, что завоевания перестройки — личностная свобода, свобода слова, гласность — будут у нас отобраны. Помню, как стояла, прижавшись к боку танка, и вглядывалась в лица солдат, пытаясь уловить малейший намек на улыбку, увидеть проблеск хоть какого-то расположения к нам, думала, что, если это увижу, значит, он стрелять не будет…

Ночью в Белом доме возле кабинета президента дежурил автоматчик, а сам он в этот момент спал в небольшой комнатке.

«Ночи Ельцин проводил на разных этажах — от третьего до пятого, — вспоминает Александр Коржаков. — С 19-го на 20-е Борис Николаевич спал в кабинете врача — туда поставили кровать, окна кабинета выходили во внутренний двор, поэтому в случае перестрелки не стоило опасаться случайной пули или осколка… На пятом, президентском этаже около каждой двери выстроили целую систему баррикад — мы их называли «полосой препятствий».

Впрочем, если бы штурм состоялся, эти баррикады никого бы не остановили. Захватить Белый дом было не так сложно, мешали люди, которые дежурили возле здания день и ночь. Чтобы добраться до Ельцина, их надо было перестрелять — на это ГКЧП не решался. На соседних крышах обнаружили снайперов, поэтому перенесли выступление Ельцина с балкона Белого дома на другую сторону.

Самой страшной была вторая ночь, с 20 на 21 августа, когда со всех сторон приходили сообщения о готовящемся штурме. Коржаков, думая о том, что предстоит спасать Ельцина, заказал для него в гримерной Театра на Таганке бороду, парик, усы…

Планов эвакуации было несколько. Один — загримировать Ельцина и по подземным коммуникациям выйти в город в районе гостиницы «Украина», где его уже ждала машина.

Второй — доставить его в расположенное по соседству американское посольство. Американцы были готовы принять Ельцина и его окружение — в посольство можно было въехать через задние ворота, которые специально держали открытыми.

Когда начались выстрелы и в Белом доме решили, что штурм начался, Коржаков приказал:

— Едем в посольство!

Освободили проход для машины, и Коржаков пошел будить президента. Ельцин спал в одежде и не сразу понял, куда его ведут. Когда уже сели в машину, спросил:

— Подождите, а куда мы едем? Коржаков удивился:

— Как — куда? В американское посольство. Двести метров, и мы там.

— Возвращаемся назад, — твердо заявил Ельцин.

«С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным, — вспоминал потом Ельцин, — а с точки зрения политики — стопроцентно провальным… Это фактически эмиграция в миниатюре. Значит, сам перебрался в безопасное место, а нас всех поставил под пули…»

Безошибочный инстинкт не подвел Ельцина.

Охрана увела его вниз, в бункер. Под Белым домом располагался подвал — скорее бомбоубежище с запасом воды и заботливо припасенными противогазами. И бункер, в котором на случай войны устроены были кабинеты председателя Верховного Совета, его заместителя и секретаря Совета.

«Мы спустились в подземные этажи, о которых я даже не подозревал, — рассказывал Лев Суханов. — На каждом шагу встречались вооруженные люди. Мы долго шли лабиринтами коридоров и переходов, пока не оказались в просторном помещении с большими коваными дверями, похожими на створки шлюза. На экстренный случай рассматривался уход через один из тоннелей, который выходил на пустырь, недалеко от Краснопресненской набережной. По нему уже прошли телохранители Ельцина, выяснили, что делается наверху, и установили постоянное дежурство. Это был наиболее вероятный вариант на случай катастрофы…»

Ночью стали поступать сообщения, что к зданию выдвигаются танки и танкисты отказываются разговаривать с депутатами. В половине второго ночи Сергей Филатов стал звонить президенту Казахстана Назарбаеву. Того подняли с постели. Филатов сказал ему, что стреляют уже рядом и что он должен вмешаться. Назарбаев подробно расспрашивал его, что происходит и где Ельцин. Обещал связаться с Кремлем. И действительно через некоторое время перезвонил: Янаев дал ему клятвенное обещание, что крови не будет.

В Белом доме никто Янаеву не поверил. Но к утру стало ясно, что штурма не будет. Сидеть в бункере стало невмоготу, поднялись наверх. 21 августа был день рождения Елены, старшей дочери Бориса Николаевича. Он позвонил ей в пять утра, поздравил, сказал виновато:

— Извини, на этот раз не подарил тебе никакого подарка.

Крючков и заместитель министра обороны Ачалов еще настаивали на штурме Белого дома, но желающих исполнить указание становилось все меньше. Отказалась «Альфа».

Грачев не спешил выполнять приказы министра обороны, но и боялся слишком рано переходить на другую сторону. Он занял выжидательную позицию, и это было одной из причин провала путча. Маршал Шапошников тоже не спешил поднимать в воздух военно-транспортную авиацию, чтобы перебросить дополнительные десантные части, ссылался на плохую погоду. Шапошников и Грачев договорились не участвовать в действиях ГКЧП.

В Москве 21 августа в Белом доме открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР. Телохранители продолжали охранять Ельцина даже на сессии. Ребята с автоматами встали лицом к залу, не понимая, что перед ними не толпа, а высший орган власти.

Филатов подошел к Коржакову:

— Саша, немедленно уберите своих ребят. Разве так можно?

Часть охранников ушла, часть встала в стороне, положив оружие на пол.

Верховный Совет России проголосовал за смещение со своих постов всех руководителей регионов, поддержавших преступную группу ГКЧП.

В последнюю ночь, когда стало ясно, что ГКЧП проиграл, на Садовом кольце, пытаясь помешать движению колонны боевых машин пехоты, погибли трое молодых ребят: Дмитрий Комарь, Илья Кричевский, Владимир Усов. После провала путча, 24 августа, их похоронили со всеми почестями. Прощались с ними на Манежной площади. С Манежной площади траурная церемония направилась к Белому дому. Там выступал Ельцин. Обращаясь к родителям Дмитрия Комаря, Владимира Усова, Ильи Кричевского, он сказал, может быть, лучшие в своей жизни слова:

— Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших детей…

В кремле место только для одного

Августовский путч привел к полному крушению лагеря противников реформ. Все то, чего никак не удавалось добиться сторонникам реформ, совершилось в одно мгновение. Радикально переменились настроения в обществе. КПСС и партийные структуры были распущены. Партийно-политические органы в армии, на флоте, в КГБ, МВД и железнодорожных войсках были упразднены;

Даже те, кто еще сомневался, решительно встали на сторону Бориса Ельцина, новой российской власти. Но путч сокрушил и Горбачева. Он все еще считал себя человеком номер один в стране. А в общественном мнении фигура Ельцина безвозвратно оттеснила Горбачева на второй план. Пока он был заперт в Форосе, ему сочувствовали, его судьба беспокоила людей. Когда он вернулся и попытался вести себя по-прежнему, он стал многих раздражать.

22 августа, выступая по телевидению, Горбачев сказал:

— Прежде всего я должен отметить выдающуюся роль президента России Бориса Николаевича Ельцина, который встал в центре сопротивления заговору и диктатуре…

Горбачев не сумел по-человечески поблагодарить Ельцина, зато решил присвоить ему звание Героя Советского Союза. Ельцину хватило сообразительности отказаться:

— Народ одержал победу над путчистами. Настоящие герои были на баррикадах.

Золотая звезда была бы слишком маленькой наградой для Бориса Николаевича. И ему не хотелось принимать ее из рук Горбачева.

Победа над путчем поставила демократов в положение победившей стороны. Они вдруг оказались властью, но не были готовы принять на себя управление страной, не имея для этого ни механизма власти, ни программы. Они-то готовились к долгой борьбе в роли оппозиции, которая позволила бы им подготовиться к новой роли. Но произошло иначе.

После путча Ельцин и его аппарат перебрались в бывшее здание ЦК КПСС на Старой площади. Он занял кабинет генерального секретаря. Его помощники вспоминали, что для него это был символический шаг. Он сказал:

— Да, это тот самый кабинет, где меня отчитывали, где писали сценарии политической травли. Вам трудно понять, что я сейчас испытываю.

От Ельцина ждали быстрых и энергичных действий.

22 августа Ельцин ввел институт личных представителей президента России в краях и областях. Это была первая попытка создать президентскую вертикаль власти (столь же неудачная, как и многие последующие).

В тот же день Ельцин подписал указ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Этим указом правительству Силаева поручалось принять под свое управление все предприятия союзного подчинения на территории России и сформировать республиканский золотой запас, алмазный и валютный фонды. Но на этом Борис Николаевич остановился и уехал отдыхать в Сочи на дачу «Бочаров Ручей». Это место ему давно нравилось. Удобный двухэтажный дом. Парк площадью сорок гектаров с пальмами и фруктовыми деревьями. Пляж, бассейн с морской водой, теннисный корт. Говорят, что осенью 1991 года здесь распили не одну бутылку шампанского, отмечая победу. Ельцин уехал на юг и словно исчез. Никто не мог понять, почему он уехал, вместо того чтобы воспользоваться плодами победы.

Виктор Иваненко, который тогда был председателем КГБ РСФСР, рассказывал мне, что даже он не мог связаться с Ельциным по ВЧ в тот момент, когда это было совершенно необходимо — речь шла о проблемах, уже возникших тогда в Чечне.

Так что же там, на юге, происходило на самом деле? Я спрашивал об этом Андрея Козырева, бывшего министра иностранных дел. В те годы он был достаточно близок к президенту.

— Я вместе с другими коллегами предпринимал тогда усилия для того, чтобы вывести его из этого отпуска и побудить действовать решительно, — рассказывал мне Козырев. — Мы понимали, что страна теряет время. Нужны реформы. Момент исторически выгодный, потому что оппозиция подавлена — морально, психологически, и велика была поддержка реформаторских начинаний. Мы понимали, что период этот не будет долгим. Я не был в тот момент в Сочи, не знаю, что там делалось. Интересно, что и Геннадий Бурбулис, который был самым близким к Ельцину человеком, сам не мог толком объяснить, что с ним происходило. Или не хотел.

Страна разваливалась. Литва, Латвия, Эстония получили формальную независимость. Грузия, президентом которой был Звиад Гамсахурдиа, ушла де-факто. Другие республики хотя и не уходили, но демонстрировали нежелание подчиниться Москве. Пытаться сохранить единое государство — значило укреплять власть Горбачева. А вот этого не хотел Ельцин. Горбачев ему

только мешал.

Если бы Борис Николаевич был союзным президентом, было ясно, что следует предпринять. А в роли российского лидера — он, может быть, даже неосознанно — решил посмотреть, как будут развиваться события. Хотя, совершенно очевидно, ощущался и элемент растерянности: новое российское руководство, окружение Ельцина просто не знали, что делать. Ельцин вернулся из Сочи после отдыха 10 октября. К его возвращению ситуация в стране ухудшилась. Он считал, что союзный центр ему только мешает. Он предупредил:

— Через месяц мы закрываем счета всех союзных министерств, услугами которых не пользуемся.

Союзное правительство полностью зависело от российского. Своих денег у союзной власти уже не было. Министерства и ведомства финансировал Ельцин. 28 октября Ельцин на съезде народных депутатов рассказал, что Россия начинает радикальные экономические реформы и он берет на себя обязанности главы правительства. Президент потребовал для себя чрезвычайных полномочий.

Съезд поддержал президента.

Экономические преобразования в России начались 1 ноября 1991 года, когда съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О правовом обеспечении экономических реформ». Страна была на грани голода. Парламент не успевал принимать нужные законы. И Ельцину была дана возможность принимать указы, которые будут противоречить устаревшим законам РСФСР.

15 ноября 1991 года Ельцин подписал два принципиально важных документа, которые меняли экономическую реальность в стране: указ «Об отмене ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление» и указ «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», который разрешал торговать с заграницей всем предприятиям, зарегистрированным на территории России.

Горбачев поддержал Ельцина. Прочитав его речь, сказал:

— Главное — он набрался смелости занять позицию ускорения реформ. Это нелегко, и важно, что он решился на это.

В словах Горбачева сквозила едва прикрытая зависть — то ли к способности Ельцина принимать те решения, на которые он сам долгое время не мог отважиться, то ли к той очевидной для него популярности Ельцина, которому общество готово было позволить делать с собой то, чего не позволяло Горбачеву.

Горбачев предпринимал отчаянные усилия для того, чтобы сохранить хотя бы остатки союзного государства. Для него это был и единственный шанс остаться в политике и в Кремле.

Пытаясь уговорить Ельцина подписать союзный договор, Михаил Сергеевич шел на любые уступки. Но было уже поздно.

Горбачев грешил на окружение Ельцина:

— Когда с ним встречаешься один на один, почти обовсем можно договориться. Правда, это может рассыпаться, как только он выйдет из комнаты и подпадет под влияние своего окружения.

Горбачев ошибался. Дело было в другом.

Михаил Сергеевич пускал в ход все свое ораторское искусство. Ельцину трудновато было соревноваться с быстрым на язык Горбачевым, он не так легко находил аргументы в споре. И он никак не мог найти верный тон во взаимоотношениях. Он вроде бы уже и сильнее Горбачева, но вместе с тем формально тот выше. На общих совещаниях Ельцин часто молчал. Это позволяло Горбачеву единолично пользоваться ролью лидера.

Но Ельцин конечно же решил избавиться от Горбачева, но только не хотел говорить об этом в глаза. И дело не только в мести. Хотя Борис Николаевич очевидно ненавидел Михаила Сергеевича за то, что с ним сделали в 1987 году, главное состояло в том, что Горбачев просто мешал ему получить всю полноту власти. В Кремле есть место только для одного президента. Горбачев стал лишним.

Вискули: ночные бдения

1 декабря 1991 года на Украине состоялся референдум. Девяносто процентов опрошенных высказались за независимость республики. Это был удар по Советскому Союзу. На следующий день российское правительство заявило, что признает независимость Украины. Президентом Украины избрали Леонида Макаровича Кравчука, которому надоело подчиняться Москве. 5 декабря Кравчук заявил, что Украина выходит из договора 1922 года, которым был образован Союз Советских Социалистических Республик.

Ельцин предупредил Горбачева, что едет в Минск разговаривать с председателем Верховного Совета Белоруссии Станиславом Станиславовичем Шушкевичем и что неплохо бы заодно поговорить с Кравчуком, узнать, что он думает о будущем Советского Союза.

Из Минска российскую делегацию повезли в Беловежскую Пущу, в Вискули. Ельцин оказался там вечером. Кравчук приехал раньше и отправился на охоту. Он старался держаться в стороне. Его и заманили в Беловежскую Пущу обещанием хорошей охоты. Кравчуку уже ничего не было нужно, он не мог слышать слово «Союз» и не хотел приезжать в Москву.

Когда появилась российская делегация, сразу сели ужинать. Ельцин и Бурбулис завели разговор о том, что, как бы ни развивались дальше события, три славянские республики должны держаться вместе…

Украинские делегаты в кулуарах подошли к Гайдару, Шахраю и Козыреву: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то Кравчук уедет, потому что Верховный Совет Украины требует независимости. Разумнее идти по пути объединения независимых государств, но без подчинения единому центру.

Борис Николаевич положил на стол предложенный Горбачевым проект нового Союзного договора и передал слова Михаила Сергеевича: Украина вправе внести любые изменения, хоть переписать текст заново, главное, чтобы подписала. Ельцин добавил, что, если Украина согласна, он тоже поставит свою подпись.

Теперь все зависело от Леонида Макаровича Кравчука, бывшего секретаря ЦК компартии Украины по идеологии. Кравчук ответил, что Украина Союзный договор не подпишет, и добавил:

— Даже если мы сейчас о чем-то договоримся, приедем в

Москву и расскажем это Михаилу Сергеевичу, вы уверены, что он нас поддержит, поймет и не обманет?

Никто не возразил Кравчуку.

Ельцин предложил поручить экспертам за ночь разработать идею союза братских стран. Гайдар, Шахрай и Козырев уединились в отведенном для российской делегации особняке и начали думать над основными элементами возможного проекта соглашения. В основу легли некоторые принципы Европейского сообщества, последние варианты Союзного договора, обсуждавшиеся в Ново-Огареве.

Ночью и возник главный вопрос: как три союзные республики могут заключить договор без участия других республик? Выход нашел Сергей Шахрай.

«Именно ему, — вспоминает Андрей Козырев, — принадлежит следующий аргумент: СССР создавался в 1918–1921 годах четырьмя независимыми государствами — РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией. Поскольку ЗСФСР перестала существовать, остались три субъекта, некогда образовавшие Союз, причем их право на самоопределение неизменно сохранялось и в вариантах союзных договоров, и в Конституции СССР.

Таким образом, с чисто юридической точки зрения в Беловежской Пуще собрались полноправные руководители трех полноправных же субъектов объединения, называвшегося СССР. Поэтому они были вправе принять решение о расторжении связывавших их до сих пор уз».

К российской делегации присоединились белорусы. Украинцы, пока шла работа, прогуливались на улице. Они сели за стол, когда работа уже шла к концу. Утром проект документа представили президентам и премьерам. Рядом с Ельциным сидел Бурбулис, позднее к ним присоединился Гайдар. Президентам понравилась формула: Содружество Независимых Государств. Им очень дорого было слово «независимых», хотя в таком документе оно и не имело смысла.

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали Минское (Беловежское) соглашение об образовании СНГ. Они заявили, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Горбачев остался без государства.

— Говорили, что сохранить Союз не удалось, — рассказывал Козырев, — но главное, мы остались вместе, образовали содружество. Все были удовлетворены. Рассказывают нелепую историю, будто советовались с американским президентом Бушем, можно это делать или нельзя. Его потом ставили в

известность о том, что произошло. Бушу обязательно нужно было позвонить. Я, как профессионал, и тогда это советовал, и сейчас считаю, что это было правильно. Хотя бы в силу ядерного параметра наших отношений мы обязаны друг друга информировать о подобных ситуациях. Это проявление ответственности в политике — объяснить логику происходящего, успокоить, что ядерная кнопка под контролем.

— Горбачев обиделся, что не ему позвонили первому.

— Напрасно он обиделся, — ответил Козырев. — С ним попытались связаться первым, но не получилось. Это абсолютно точно.

Его слова подтвердил Кравчук:

— Мы втроем — Ельцин, Шушкевич и я — провели пресс-конференцию. И пришла мысль — надо же об этом событии известить мир. Поднялись на второй этаж — там были средства связи. Решили, что Козырев звонит в Вашингтон, а Шушкевич — Горбачеву. Пока Шушкевич возился, пока телефонистки спецкоммутатора искали Михаила Сергеевича, Козырева уже соединили с Государственным департаментом США, потом нашли президента Буша. Ельцин через Козырева, который переводил, рассказал все Бушу.

После Беловежской Пущи ни Шушкевич, ни Кравчук не захотели встречаться с Горбачевым. В Кремль пришел один Ельцин. Горбачев рассказывал Андрею Грачеву:

— Ельцин перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему сказал: «Ты что, с ума сошел?» Он говорит: «Может, не я, а кто-то еще».

Вопрос о том, что Горбачев запросто мог арестовать участников встречи в Беловежской Пуще и объявить их заговорщиками, возникал не раз. Но сам Михаил Сергеевич понимал, что если это и выполнимо технически, то невозможно политически: его в стране уже никто не поддерживал. Доверие России к Ельцину было в тот момент огромным. Горбачев ничего не мог предложить для спасения разваливавшейся и впадавшей в нищету страны. Все его шаги воспринимались как попытка сохранить свое место.

12 декабря после выступления Ельцина Верховный Совет России утвердил Беловежское соглашение. Против было только шесть депутатов, коммунисты голосовали за.

Депутат-коммунист Виталий Севастьянов говорил на сессии:

— Слабый документ, несомненно. И тем не менее мы должны его, наверное, сегодня принимать… Мы должны в проект постановления вписать несомненное обязательство решить этот вопрос конституционным путем. Вопрос главный — ликвидация

Союза. Мы должны потребовать созыва съезда народных депутатов РСФСР для рассмотрения этого вопроса. На этом я хотел бы рассмотрение этого вопроса и закончить, но есть позитивный момент. Слава богу, эпоха Горбачева на этом закончилась.

Когда парламенты России, Украины и Белоруссии ратифицировали Беловежские соглашения, Советский Союз перестал существовать. Государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис доказывал, что Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур. И эта идея была принята мировым сообществом.

24 декабря Россия получила место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Над российскими посольствами по всему миру взвился трехцветный флаг. Советские послы были признаны послами России без повторного вручения верительных грамот.

25 декабря Горбачев подписал указ о сложении с себя полномочий президента СССР и выступил с телеобращением к народу. Над Кремлем спустили государственный флаг СССР и подняли российский, но, как оказалось, не той стороной, и пришлось поднимать еще раз. В этот же день РСФСР стала называться Российской Федерацией (Россией).

Вечером Горбачев должен был передать Ельцину полномочия Верховного главнокомандующего. Церемонию намеревались провести в кабинете Горбачева. Но Ельцину не понравилось телеобращение Горбачева. Он предложил провести церемонию на нейтральной территории в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, где проходят переговоры с иностранными гостями. Но на это не согласился Горбачев. Так они и не встретились. Михаил Сергеевич подписал указ о передаче президенту России полномочий Верховного главнокомандующего и вручил ядерный чемоданчик министру обороны Шапошникову.

Следующим утром Горбачев приехал к себе в кабинет, чтобы дать интервью японским журналистам, но там уже осваивалось российское руководство. В приемной сидели ельцинские секретари. В половине девятого утра Борис Николаевич пришел в президентский кабинет вместе с Хасбулатовым, Силаевым и Бурбулисом, и они даже выпили по рюмке, отметив такое событие. Вещи Горбачева перетащили в комнату охраны.

Часть 3. ХОЗЯИН СТРАНЫ

Борис Николаевич и Егор Тимурович

В последних числах декабря 1991 года Борис Николаевич Ельцин унаследовал не только кремлевский кабинет своего поверженного соперника Горбачева, но и весь груз не решенных им проблем. Запас терпения у людей, казалось, был исчерпан. Они больше не желали слышать обещаний. Ельцин должен был действовать, и действовать немедленно.

Жизнь становилась все труднее. Магазины окончательно опустели. Правда, появились коммерческие киоски, в которых продавались самые экзотические товары, но по бешеным ценам. Вместо денежного оборота расцвел бартер, местные власти, областные хозяева запрещали вывозить продовольствие соседям и, естественно, не подчинялись Москве. Это вело к распаду государства.

Наступило время, когда казалось, что страну ждет экономическая катастрофа, и избежать ее невозможно. Боялись, что колхозы и совхозы перестанут продавать продовольствие городам — ничего не стоящие рубли им не нужны, а заставлять больше некому. Что с исчезновением райкомов не удастся обеспечить тепло в домах и уборку улиц. Ждали, что голодные люди выйдут на улицы и устроят погромы.

В худшем положении оказались крупные города, их нечем было снабжать. Столичные городские власти в декабре 1991 года предупреждали, что в ближайшие дни в столице может разразиться продовольственный кризис.

Мэр Москвы Попов раздумывал над тем, что предпринять, если в городе начнется бунт.

Помню, как один из моих коллег почти серьезно говорил, что с наступлением зимы в гости будем ходить с полешком для буржуйки — лучший подарок в холодной Москве.

Во всех городах были введены карточки на мясо, масло, сахар, молоко, табачные изделия. Разумеется, получить все положенное по карточкам не удавалось. Люди безнадежно стояли в очередях. Правительство ничем не могло помочь. Валютные резервы были фактически полностью исчерпаны, и от золотого запаса мало что осталось.

Единственный выход из положения — стремительно проводить рыночные преобразования. Но эти настроения и ощущения уже забыты. А ведь именно поэтому начались гайдаровские реформы. Они были приняты, потому что страна уже падала в пропасть и надо было ее спасать. Но для того, чтобы начать реформы, требовались политическая воля, программа и

команда, готовая ее реализовать.

Политической воли у Ельцина хватило бы на десятерых.

Виктор Ярошенко вспоминал свой разговор с Ельциным:

— Борис Николаевич, история строго спросит с нас всех за то, что сделали, и за то, что сделать не успели.

— Делайте то, что должны, — сказал Ельцин. — Я отвечу за все…

Борис Николаевич рассудил правильно. В стране только один человек мог уговорить людей немного потерпеть. Это был он сам.

Над экономической программой России на госдачах в Архангельском трудились две группы экономистов. На даче № 6 работала команда, которую возглавлял министр силаевского правительства Евгений Сабуров, на даче № 15 молодые ученые, которые признали Гайдара старшим.

Когда Ельцин познакомился с молодым экономистом Егором Тимуровичем Гайдаром, он понял, кому может поручить это дело. Удивительным образом эти два очень разных человека сразу нашли друг друга. Конечно, на Ельцина, как на советского человека, действовала магия знаменитой фамилии. Ему приятно было видеть внука Аркадия Гайдара. Но Борис Николаевич не настолько сентиментальный человек, чтобы подчинять кадровые решения велению души. Он почувствовал в Егоре Тимуровиче то, что другим открылось значительно позже, — твердость и упорство. Ельцин назначил Гайдара вице-премьером и одновременно министром экономики и финансов.

Действия команды Гайдара были в значительной степени вынужденными — в надежде предотвратить катастрофу. 2 января 1992 года цены были освобождены — на все, кроме хлеба, молока, спиртного, коммунальных услуг, транспорта, нефти, газа и электричества. Рост цен в январе составил 352 процента. Все ограничения на импорт были отменены, и это позволило наполнить магазины.

29 января президент подписал указ «О свободе торговли», который покончил с государственной монополией на торговлю, и это окончательно покончило с дефицитом товаров. Повсюду все что-то продавали. Но страна, увидев новые ценники, вздрогнула. Охнули и депутаты Верховного Совета. Осознав, что реформы не приносят немедленных результатов, депутаты Инстинктивно стали переходить в оппозицию, чтобы не нести ответственности. Побочным следствием реформ стала огромная инфляция, обесценение денег и безумный рост цен. Это не могло не настроить людей против реформаторов. И чем дальше, тем сильнее становился накал нападок на правительство, а потом и на президента.

Борис Ельцин вспоминал: «Правительство Гайдара работало с первых дней в ужасающей моральной обстановке, когда удары сыпались один за другим, когда стоял непрерывный свист и гвалт в прессе и парламенте. Им не дали практически никакого разгона и хотя бы относительной свободы…»

Отношение к самому Ельцину тоже переменилось. Вал критики, который раньше делился между ним и Горбачевым (второму доставалось неизмеримо больше), теперь обрушился на него одного. Над ним стали насмехаться, подмечая все неуклюжие слова и действия.

Демократическое движение распадалось на глазах, а противники реформ, напротив, объединялись. Причем тон задавала опасная, агрессивная оппозиция. В июне начались первые массовые протесты против роста цен с лозунгами «Долой правительство!». Собравшаяся возле телевизионного центра в Останкине толпа требовала судить «сатанистов-сионистов Ельцина», потом устроила там палаточный городок и приступила к планомерной осаде телевидения. Новая власть, которая еще недавно сама собирала антиправительственные митинги и ненавидела ОМОН, не знала, как ей следует поступить.

Руцкой и Бурбулис

Против президента Ельцина выступили два его видных соратника — вице-президент Руцкой и председатель Верховного Совета Хасбулатов.

Александр Владимирович Руцкой был готов всей душой трудиться рука об руку с президентом. Но после выборов о нем забыли. Ельцину и его команде он был просто не нужен. Его воспринимали как архитектурное излишество.

Ельцин говорил об этом совершенно откровенно: «Он считал, что вице-президент — это, если по-простому, первый заместитель президента… Руцкой внутренне не желал принимать ситуацию, при которой сразу несколько ключевых фигур в российском руководстве, включая вице-премьеров, играют в политике гораздо более весомую роль, чем он».

В аппарате Ельцина исходили из того, что Руцкой выполнил свое дело и теперь может отдыхать, то есть наслаждаться чисто представительскими функциями. Когда Ельцин переехал в Кремль, Руцкого сначала даже не взяли с собой.

Но Руцкой жаждал деятельности. Он приходил на заседания правительства и садился по левую руку от Ельцина. Он считал, что если народ выбрал их двоих, то они вдвоем и должны управлять страной. А ему словно в насмешку подчинили комитеты по санитарно-эпидемиологическому надзору, по надзору за безопасным ведением работ в промышленности, по стандартизации, метрологии и сертификации…

3 апреля 1993 года в канадском городе Ванкувере началась встреча Ельцина и Билла Клинтона. Сначала они беседовали в узком кругу, чтобы установить контакты, наладить личные отношения, необходимые для работы.

Клинтон сообщил, что его правительство выделило шесть миллионов долларов на строительство жилья для офицеров, которых спешно вывели из Прибалтики. Ельцин возразил: этого слишком мало.

— Они живут в палатках, Билл, в палатках!

Борис Николаевич заговорил об отмене поправки Джексона — Вэника, недели порабощенных стран (объявленной в 1959 году в поддержку государств социалистического блока, оказавшихся под советским контролем) и других реликтов холодной войны, которые не имели практического влияния на двусторонние отношения, но были крайне неприятны для России.

Вечером Ельцин, по подсчетам американцев, осушил три стопки шотландского виски, затем четыре бокала вина. Почти

ничего не ел. Клинтон решил, что настало время договориться о создании двусторонней комиссии. Объяснив, о чем идет речь, Клинтон добавил, что комиссию должен возглавлять вице-президент.

— Нет! — взорвался Ельцин. Присутствовавшие на переговорах замерли. Клинтон сразу понял, в чем дело.

— Подожди, Борис, — добавил он, улыбаясь. — Дай мне закончить. Я говорю о моем вице-президенте, об Але Горе, а не о твоем. С российской стороны комиссию будет возглавлять премьер-министр Черномырдин.

Когда Ельцину перевели, он одобрительно кивнул:

— Отличная идея, Билл!

Вечером советники американского президента обсуждали невеселые перспективы сотрудничества с российским президентом, который так сильно злоупотребляет горячительными напитками. Клинтон воспринимал поведение российского президента благодушно.

— У меня есть опыт, — заметил он, имея в виду, что сам вырос с отчимом, который сильно пил…

Фактически вторым человеком в Кремле был не вице-президент, а скромный преподаватель марксизма-ленинизма Геннадий Эдуардович Бурбулис. Он тоже был из Свердловска, но Ельцин его раньше не знал. Бурбулис — одна из самых интересных и мистических (вокруг него сложилось множество мифов и слухов) фигур в современной российской истории. Примерно два года он был ближайшим соратником Ельцина.

Уралец Бурбулис появился в Москве, когда ему было сорок четыре года. Кандидат философских наук, доцент, он принадлежал к первому поколению политиков, которые стали известны во время выборов в народные депутаты СССР в 1989 году. Он сразу оценил политический потенциал и будущее Ельцина и стал его верным соратником, начальником его штаба, руководителем его мозгового центра, собирателем его команды и разработчиком стратегии. Бурбулис привел к Ельцину интеллигенцию, которая покинула Горбачева. Более преданного соратника у Бориса Николаевича не было.

Ельцин вспоминает: «Разговоры с Геннадием Эдуардовичем меня в тот период вдохновляли на новые идеи. Он умел заглянуть далеко вперед. Дать ближайшим событиям стратегическую, глобальную оценку. Концепция новой политики, новой экономики, нового государственного и жизненного уклада для России вырисовывалась все ярче, яснее, отчетливее».

Бурбулис сохранял хладнокровие в самой сложной ситуации и мог работать круглые сутки, не жалуясь и не прося о помощи.

— Чтобы сработаться с Борисом Николаевичем, — делился своим опытом Бурбулис, — нужно было знать и уметь такое, чего он не знал и не умел. Ельцин хотел работать с людьми, которые не только в состоянии брать на себя ответственность, но и выдвигать новые идеи. И он был человеком с обостренной человеческой, социальной чувствительностью. Он умел сопереживать. По крайней мере тогда для Ельцина это было важно.

Но Бурбулис искал в новой системе власти и место для самого себя. Особое. А смысл был в том, что Геннадий Эдуардович никому не желал подчиняться, кроме Ельцина. Когда Ельцин сообщил, что берет себе вице-президентом Руцкого, Бурбулис сказал ему:

— Я сделаю все, чтобы вы стали президентом, но вы совершили большую ошибку.

Бурбулис был уязвлен в самое сердце. Он жаловался Олегу Попцову на поведение Ельцина:

— У меня был с ним разговор. Я долго терпел и не проявлял инициативы. Но так не могло продолжаться вечно. Я работал на него. Я понимал, что это необходимо, и жертвовал всем. Я до сих пор живу в гостинице. Мне неудобно напоминать ему об этом. Он сам должен догадаться, что так не относятся к соратникам. Настало время позаботиться о моем статусе. Нельзя делать все и быть никем. Понимаешь, он счел мою кандидатуру несерьезной. Он сказал, что меня не знает народ. Но я специально не светился, держался в тени…

Бурбулис — единственный, кто, помимо первого помощника президента Виктора Илюшина, который работал у Ельцина еще в Свердловске, мог зайти к президенту без доклада.

Бурбулис первым из новой правящей элиты пересел в ЗИЛ, положенный прежде только членам политбюро, ездил с машиной сопровождения, обзавелся многочисленной охраной. И откровенно наслаждался этими атрибутами власти.

Его примеру следовали другие. Окружение российского президента охотно воспользовалось системой привилегий, не понимая, что этого надо было избежать любой ценой. Новые министры обосновались на государственных дачах, где жизнь им облегчал обслуживающий персонал, а любые деликатесы доставляли прямо на кухню. Правда, на заседании правительства Гайдар предложил отказаться от всех привилегий, пока экономическая ситуация в стране не изменится к лучшему. Отменили только поставку продуктов со спецбазы. Отпала нужда — с началом гайдаровских реформ еда вернулась в магазины. Новая номенклатура с огромным удовольствием осваивала

прелести жизни, доступные только большому начальству. Советская система привилегий пережила Советский Союз.

Высших чиновников стали охранять. Они расположились на государственных дачах, за которые платили совсем немного, получали прекрасные квартиры, оплачивали жилищно-коммунальные расходы со скидкой. Ездили на машинах со спецномерами и спецсигналом, нарушая все правила уличного движения. Сохранилась и вся иерархическая система медицинского обслуживания номенклатуры, правительственные санатории и дома отдыха.

Впрочем, в буфетах и столовых Кремля и Белого дома сохранились невиданно низкие цены. В советские времена из столовых ЦК КПСС запрещалось выносить меню, чтобы люди не знали, чем и по какой цене потчуют начальство. Нынешние меню для президентско-правительственного аппарата тоже могут вызвать у обычных людей только возмущение. Новые люди сели в старые кабинеты, получили право пользоваться спецсвязью, персональными машинами, поликлиниками, больницами и санаториями, которые были доступны прежней номенклатуре. Теперь уже ни у кого не возникало желания отменить эти привилегии или отказаться от них. Напротив, осваивали новую жизнь с огромным удовольствием и, оправдываясь, говорили, что чем-то надо компенсировать их каторжный труд.

Новое состояло в том, что прежде высокая должность была единственным способом обрести все блага. Теперь за деньги можно было получить то же самое и много больше. Открылись радости, о которых советские чиновники в закрытой стране и мечтать не могли. Поэтому должность стала рассматриваться как инструмент зарабатывания очень больших денег. Старая советская система распределения дефицита, основанная на личных связях, легко приспособилась к новым условиям. Изменились только масштабы добра, которое они распределяли среди своих. Без связей на всех этажах бюрократического механизма нельзя было много заработать, большие деньги раздавали крупные руководители, и чиновники с каждым годом все дороже оценивали свои услуги бизнесу. Выделение земли под строительство, передача зданий в аренду, защита от бандитов и от правоохранительных структур — все эти услуги покупались.

Вместо жесткого соблюдения единых правил игры, соблюдения налогового и таможенного кодекса постоянно делались исключения, выносились решения о льготах. Чиновники осознали, как выгодно помогать бизнесу, который щедро расплачивался за оказанные ему услуги.

И федеральные структуры, и местные чуть ли не в полном

составе встроились в эту коррупционную систему. Органы власти превратились в мафиозные структуры, семьи, кланы, которые делили сферы влияния и жили по своим, неписаным законам. Они не только оказывали за взятки одноразовые услуги, но и становились тайными совладельцами крупных предприятий. Появление олигархов было бы невозможно, если за каждым из них не стояли сильные мира сего, получавшие свою долю. Не бизнес покупал власть в России, а власть выращивала большой бизнес, который подчиняла себе.

Новая власть сохранила многое из старой советской системы, с чем следовало распрощаться ради блага страны. «Когда увидели мы по телевизору, как снимают краном «бутылку» треклятого Дзержинского — как не дрогнуть сердцу зэка?! — писал Александр Исаевич Солженицын. — 21 августа я ждал, я сердцем звал — тут же мятежного толпяного разгрома Большой Лубянки! Для этого градус — был у толпы, уже подполненной простонародьем, — и без труда бы разгромили, и с какими крупными последствиями, ведь ход этой «революции» пошел бы иначе, мог привести к быстрому очищению, — но амебистые наши демократы отговорили толпу — и себе же на голову сохранили и старый КГБ…»

Геннадий Эдуардович Бурбулис был назначен первым заместителем главы правительства, чтобы помочь Гайдару и другим молодым министрам осуществить задуманное. В первые месяцы 1992 года он стал самым влиятельным после Ельцина человеком в России. Олег Попцов вспоминает, что у них был откровенный разговор: «Бурбулис понимал, что отдан на заклание, но, как человек тщеславный, принял вызов».

По вторникам вечером Бурбулис собирал у себя министров за чаем и бутербродами, тут обсуждались и решались все проблемы. И многие гайдаровские министры потом ностальгически вспоминали эту дружескую атмосферу единой работоспособной команды. Бурбулис с юности любил футбол, поэтому сколотил из членов правительства команду, и по воскресеньям они выходили на поле.

Вся страна запомнила телевизионную трансляцию с Шестого съезда народных депутатов, когда Бурбулис решительно махнул рукой и все правительство вышло, чтобы не слушать оскорбительную речь председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова. Сам Бурбулис говорил потом, что это был «нескромный жест». Но он произвел впечатление своей решительностью.

Став первым вице-премьером, он оказался в центре общественного внимания. Реакция в целом была отрицательной.

Он не нравился широкой публике. Есть телегеничные люди, сразу располагающие к себе. Бурбулис же на телеэкране казался несимпатичным. И очень туманно говорил. Вот уж кто и словечка в простоте не скажет.

Олег Попцов: «Геннадий Бурбулис — человек с отрицательным магнитным полем. И здесь дело не во внешности, напряженном, неподвижном взгляде совершенно круглых глаз, смуглом, непроницаемом лице аскета. Это даже удивительно, как порой внешность может скрыть и доброту, и чувственность, умение сострадать — все то, что в объемной полноте присуще этому человеку».

Для Геннадия Бурбулиса отрицательное отношение общества было ударом. Какое-то время он пытался привлечь на свою сторону телевидение и прессу. Он первым из российских политиков прибег к услугам профессиональных имиджмейкеров, чтобы они помогли ему стать симпатичным в глазах публики. Но увидел, что у него ничего не получается.

В какой-то момент Бурбулис превратился в главную мишень для критики. На него возложили вину за все — за высокие цены, за инфляцию, за потерянные в результате реформ сбережения. Его обвиняли в предательстве национальных интересов, в каких-то мошеннических сделках. Ельцину пришлось отодвинуть его в тень. Бурбулис не сдавался и вел изнурительную борьбу за влияние на президента.

Олег Попцов: «Он встречал президента после его зарубежных поездок и на глазах у всех, преодолевая слабое сопротивление уставшего президента, садился в его машину, при этом повторяя загадочную фразу:

— Есть информация. Надо поговорить».

Его желание управлять президентом привело к обратному результату. Борис Николаевич стал раздражаться и в конце концов расстался с Геннадием Эдуардовичем. Значительно труднее ему было остаться без Гайдара, который превратился в главную мишень для критики и ненависти.

Черномырдин, создатель газпрома

Противники правительства с весны 1992 года стали доказывать, что Егор Гайдар не способен управиться с такой махиной, какую представляет собой российская экономика. Ельцин часто проявлял упорство и неуступчивость в кадровых вопросах. Но и его упрямство знало пределы: он не стал бы поддерживать Гайдара только из духа противоречия. Президент знал цену Гайдару. Зачем расставаться с тем, кто делает дело?

Конечно же образованный и интеллигентный Гайдар не отвечал представлениям общественного мнения о хозяине, который должен быть жесток, крут и грозен. Но Гайдар сделал невозможное: он начал реформировать российскую экономику и, несмотря ни на что, эти реформы продолжал. Уже через полгода после их начала стало очевидно, что само существо российской жизни изменилось, что рынок пусть в варварской, азиатской, уродливой пока еще форме, но заработал.

Экономика стала исполнять не заказы Госплана, а волю потребителей. У людей проснулась экономическая инициатива, проявилась деловая жилка, возник класс предпринимателей.

Но правительство зависело от политических решений президента, поэтому действовало непоследовательно. Например, летом 1992 года Ельцин заставил правительство печатать деньги, что привело к новому всплеску инфляции. Борис Николаевич не очень хорошо понимал, что такое финансы.

Георгий Матюхин, первый председатель российского Центрального банка, рассказывал, как Ельцин в каждую поездку по стране брал с собой деньги. Он звонил Матюхину и говорил:

— Я еду туда-то, мне надо столько-то миллионов рублей.

И, приехав, щедро раздавал миллионы, не понимая, что нельзя покупать популярность, подрывая финансовое благополучие страны. Если бы правительство Гайдара поработало подольше, удалось бы избежать многих трудностей, с которыми потом столкнулась страна.

Ельцин навсегда сохранил уважение к Гайдару, хотя Егор Тимурович впоследствии резко критиковал президента, особенно за чеченскую войну. В книге Ельцина «Президентской марафон», которая вышла уже после его отставки, он комплиментарно отозвался о Гайдаре: «Гайдар сделал самое главное — научил всех, от министра до грузчика, мыслить по-рыночному, считать деньги. И я уверен, что дай мы его команде поработать еще год —

и экономика рванула бы вперед, начались бы нормальные процессы в промышленности…»

Но окружение Ельцина думало не столько о долговременных интересах экономики страны, сколько о том, как ослабить напор оппозиции на президента. На смену Егору Тимуровичу искали какого-нибудь прогрессивного хозяйственника, который бы поладил с влиятельным директорским корпусом. Остановили выбор на Викторе Степановиче Черномырдине. Недавний министр газовой промышленности, он считался человеком без видимых политических пристрастий, неамбициозным, открытым и понятным. В мае 1992 года он стал заместителем главы правительства по топливно-энергетическому комплексу. В декабре Виктор Степанович возглавил правительство.

Черномырдин, выйдя на трибуну съезда народных депутатов уже в новой роли, сказал, что он за рынок, но не за базар. Это было воспринято как обещание отказаться от гайдаровского курса, что оказалось ошибкой. В общем и целом Виктор Степанович продолжил его экономический курс.

Черномырдин принадлежит к числу советских чиновников, которые невероятно выиграли от гайдаровских реформ. Вернее, от того, как они провели приватизацию.

Приватизацию Гайдар и его единомышленники считали своей важнейшей задачей. Эту задачу Гайдар возложил на Анатолия Борисовича Чубайса, самого целеустремленного и решительного из всей команды. Он принадлежал к плеяде молодых ленинградских экономистов, которые тесно сотрудничали с единомышленниками-москвичами. Группа Чубайса помогала кандидатам в депутаты горсовета готовить программы. Потом депутаты попросили его применить свои идеи на практике. Так Анатолий Борисович стал заместителем председателя Ленгорисполкома.

Гайдар перетащил Чубайса в столицу.

«Когда поздно вечером в Архангельском, — вспоминал Егор Гайдар, — я сказал ему, что хочу его видеть во главе Госкомимущества, иначе говоря — чтобы он взял на себя ответственность за разработку и реализацию программы приватизации, обычно невозмутимый Толя тяжело вздохнул и спросил меня, понимаю ли я, что он станет человеком, которого будут всю жизнь обвинять в распродаже Родины».

В тридцать шесть лет Чубайс был назначен председателем Комитета по управлению государственным имуществом, затем стал вице-премьером, потому что произвел сильное впечатление на Ельцина. Чубайс провел приватизацию, несмотря на отчаянное сопротивление чуть ли не всей страны.

Его предупреждали: с помощью этих чеков все скупят богатые.

Анатолий Борисович хладнокровно отвечал:

— Если проблема сводится к тому, что «скупят богатые», то я уверен: так оно и должно быть. Больше того, пока мы не преодолеем нашего интуитивного неприятия богатых, нам никуда продвинуться так и не удастся. Нам не дадут это сделать те остатки традиционной коммунистической уравниловки, которые в каждом из нас в большей или меньшей степени все еще сидят…

Анатолий Борисович всегда говорил, что он забрал собственность у неэффективного хозяина (государства) и передал ее эффективному (частному владельцу). Приватизация по Чубайсу чуть ли не всеми в стране воспринимается как грабительская. Возможно, потому, что считалось, что все получат какие-то ценности или источник дохода, но это было невозможно в бедной стране. А если бы страна была богатой, приватизация бы не понадобилась.

Но даже Чубайсу со всей его энергией и целеустремленностью не удалось реализовать программу полностью. Жесткое давление Верховного Совета, который требовал предоставить особые права трудовому коллективу, привело к тому, что многие предприятия просто перешли в собственность ловких директоров. Коммерческие банки и акционерные компании создавались на базе крупных производственных объединений, целых отраслей промышленности и министерств. Недавние министры и директора быстро похоронили социалистическую экономику и социалистическую идеологию. Банки богатели на валютных спекуляциях. Операции с долларами на фоне чудовищной инфляции приносили баснословный доход. Самыми богатыми людьми России стали бывшие директора, которые тихо приватизировали целые отрасли. То, чем они управляли по должности, превратилось в их личную собственность. Поскольку они действовали аккуратно и избегали публичности, то остались неизвестны гражданам России, и ненависть общества обрушилась на других людей.

Скажем, Газпром — это бывшее Министерство газовой промышленности. Акционирование Газпрома прошло не так, как хотел Чубайс. Ему не удалось сделать продажу акций Газпрома на чековых аукционах открытой. Аукционы были закрытыми, право покупать акции получили только те, кто прописан в регионах, где продавались акции. В результате большие пакеты акций приобрели фирмы, тесно связанные с Газпромом. Высший менеджмент компании тоже получил пакеты акций, что сделало

этих людей невероятно богатыми. Вот после этого и пошли разговоры о несметном состоянии Черномырдина, называлась цифра чуть ли не пять миллиардов долларов — во столько оценивалась стоимость принадлежащих ему акций Газпрома.

Благодаря Черномырдину Газпром превратился в настоящую империю, которую государство практически не контролировало. Черномырдин добился постановления правительства, которое оставляло Газпрому сорок пять процентов валютной выручки при исполнении экспортных поставок по межправительственным договорам.

Черномырдин, пока был у власти, твердо стоял на страже интересов своего детища. В 1997 году первые вице-премьеры Борис Немцов и Анатолий Чубайс пытались заставить Газпром платить налоги сполна, но глава правительства Черномырдин блокировал все их попытки. Газовый гигант десять лет возглавляли люди Черномырдина во главе с его бывшим заместителем Ремом Вяхиревым. Завидные должности получили в Газпроме их дети и ближайшие родственники.

Верный Руслан уходит в оппозицию

В начале 1993 года заговорили о том, что дни Бориса Ельцина как президента сочтены и он, видимо, скоро уйдет. Возникло ощущение, что он утратил власть над страной и за пределами Кремля ему больше никто не подчиняется.

Политики один за другим спешили дистанцироваться от президента, чтобы впоследствии доказать избирателям свою непричастность к непопулярной экономической политике. Так же стали поступать и местные начальники, и высший слой государственной администрации.

Большинству казалось, что, когда Ельцину в ближайшем будущем придется уйти, его должен сменить вице-президент Александр Руцкой. Более проницательные люди видели, что на роль первого человека в стране с большим основанием претендует председатель Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов. Между правительством и Верховным Советом развернулась настоящая война. Причем депутаты во главе с Русланом Хасбулатовым исходили из того, что настоящая власть в стране — это они. Символически переход к новой системе власти произошел, а практически государственный механизм не действовал.

А ведь годом раньше никому и в голову не могло прийти, что верный Руслан, которого Борис Николаевич сделал председателем Верховного Совета, пойдет против президента.

Размолвки между Борисом Николаевичем и Русланом Имрановичем начались довольно давно. Причины были самые тривиальные: один обижался, что его недооценивают, обделяют вниманием, отодвигают в сторону. Другой подозрительно косился на слишком амбициозного и самостоятельного соратника, который тянул одеяло на себя.

Свою роль сыграло и окружение Ельцина, которое следило за тем, чтобы никто не приобрел слишком большого влияния на президента. Сначала все вместе методично ябедничали на Геннадия Бурбулиса. Когда он уступил свои позиции, переключились на Хасбулатова.

Властные инстинкты Хасбулатова в любом случае рано или поздно дали бы о себе знать, но Ельцин мог бы значительно дольше удерживать его под своим контролем. Борис Николаевич сам упустил Хасбулатова, как и депутатский корпус в целом. Политик никогда не прощает унижения. А команда, которая окружала Ельцина, пыталась унизить Хасбулатова.

Сергей Филатов как-то сказал:

— Ну, в чем проблема, Руслан Имранович? Снимите трубку прямой связи и поговорите с Борисом Николаевичем.

Хасбулатов в сердцах ответил:

— О чем вы говорите? Молчит аппарат — отключили! Председателя Верховного Совета вычеркнули из списка тех, кто встречает и провожает президента. Обычно аппарат сообщал: Борис Николаевич улетает туда-то, проводы в такое-то время в правительственном аэропорту Внуково. И то же, когда он приезжает. Хасбулатову перестали звонить.

— Эти мелочи очень сильно задевают самолюбие, — говорил мне Филатов. — Начинаешь искать тайные причины, думать, кто за этим стоит. В основном ищут виновника в окружении. Но без ведома президента в Кремле едва ли что-то делается.

— То есть атакующей стороной был не Хасбулатов, а президент? — спросил я Филатова.

— Публично Хасбулатов, а в реальности, похоже, Ельцин. Если Ельцин олицетворял «антинародный режим», то Хасбулатов желал играть роль народного защитника от «преступных реформ». Профессор-экономист, он, похоже, был обижен, что президент выбрал Гайдара: у них совершенно разные школы, разное видение экономического развития, реформ… Возможно, Хасбулатов втайне сам желал возглавить правительство и показать, как надо управлять страной. Но для окончательной ссоры он еще не созрел. Руслан Имранович подошел к Филатову и попросил:

— Сергей Александрович, позвоните Ельцину. Посидим втроем, пообедаем, поговорим.

Филатов пересказал президенту просьбу председателя Верховного Совета. Ельцин твердо ответил:

— Я не хочу. Я этому человеку больше не верю. Он творит много подлостей, и я ничего общего с ним иметь не желаю.

Филатов смутился: ну как такие слова передать? Ельцин очень грубо выразился, но нельзя же напрямую это Хасбулатову сказать. Поднялся в президиум, Хасбулатов сразу спросил:

— Ну как, поговорили?

— Поговорил, Руслан Имранович, но Борис Николаевич сказал, что он не сможет.

Конфликт перешел в непримиримую борьбу.

Ельцин, похоже, остерегался беседовать с Хасбулатовым один на один. В словесной эквилибристике он не мог соперничать с гибким Русланом Имрановичем и противостоять его хитроумной логике. Ельцин не умел так ловко управляться со словами, как Хасбулатов, и оставался в проигрыше.

— А что, действительно Хасбулатов в какой-то момент увидел себя первым человеком в стране? — спросил я Сергея

Филатова.

— Конечно. Он критиковал экономические реформы и видел, что на местах его поддерживают. Его постоянно подталкивали к конфликту с правительством, говорили: почему вы не воспользуетесь своим правом? В конституции же было написано, что съезд народных депутатов может принять к рассмотрению любой вопрос. Это давало право считать съезд народных депутатов и Верховный Совет высшей властью в стране. И депутатам казалось естественным приструнить президента, я уже не говорю о министрах, председателе Центрального банка, генеральном прокуроре.

Хасбулатов пробивал пакет поправок к конституции, принятие которых ставило его вровень с президентом России. Он хотел, чтобы Верховный Совет мог отстранять от должности президентов республик, входящих в состав России, а председатель Верховного Совета получил бы право подписывать законы, если этого не делает президент.

Руслан Имранович стал со значением говорить:

— За ситуацию в стране отвечают два человека — президент и я.

Хасбулатова раздражало, что в нем не видели фигуру, равную Ельцину. И это было несправедливо, потому что Руслан Имранович, возможно, был самым талантливым политиком России, но после Бориса Николаевича. Возможно, он и сам не сразу поверил, что сумеет загнать Ельцина в угол. Но шаг за шагом Хасбулатов переигрывал президентскую команду, допустившую непозволительное количество ошибок. Он научился командовать депутатами. Многие из них его не любили, но поддерживали, потому что в борьбе за выживание он им был нужен.

Ему только сильно вредила несдержанность на язык. Даже бывшего премьер-министра Англии знаменитую Маргарет Тэтчер Хасбулатов в порыве раздражения назвал «заезжей бабёшкой». Но Руслан Имранович гениально манипулировал Верховным Советом. Он чувствовал зал, знал, когда поставить вопрос на голосование, когда провести голосование, когда свернуть дискуссию, знал, как зажечь депутатов и как их успокоить.

У него было много рычагов влияния на депутатов: он давал квартиры, служебные кабинеты и отправлял в зарубежные командировки. Он лишил полномочий своих заместителей, не позволяя им и шагу ступить без его ведома, и вообще сконцентрировал всю власть у себя в руках.

Соратники рассказывали о нем удивительные вещи: «Иногда его охватывала мания преследования. Хасбулатов среди ночи

вызывал машину, приезжал в парламент, где под защитой охраны, в собственном кабинете, досыпал ночь».

По прошествии времени трудно отличить слухи, рожденные недоброжелательным к нему отношением, от реальных фактов, но в его поведении были очевидные странности.

Борис Федоров, бывший вице-премьер и министр финансов, вспоминал, как они вдвоем ездили в Париж: «Хасбулатов при этом никуда не выходит из гостиничного номера, лежит под одеялом в свитере и остроносых сапогах (почти ковбойских) и непрерывно курит трубку. В комнате нечем дышать, причем запах табака более чем подозрительный (это потом стали обсуждать, что он курил — табак или «травку»)…»

20 октября 1992 года Руслану Хасбулатову, который встречался с журналистами, стало плохо. Белла Денисенко, депутат и первый заместитель министра здравоохранения, была допущена в кабинет Хасбулатова и авторитетно заявила потом, что недомогание председателя — результат наркотического опьянения средней тяжести.

Белла Денисенко была верным союзником Ельцина и политическим противником Хасбулатова, поэтому не все ей поверили. Но о том, что Руслан Имранович балуется «травкой», в аппарате Верховного Совета шушукались постоянно. Быстрые смены настроения, казалось, подтверждали его склонность к стимулирующим средствам.

По той, советской еще конституции распустить съезд и назначить новые выборы Ельцин права не имел. Но именно это казалось единственным выходом из тупика. Он не хотел ждать, пока его попытаются выжить из Кремля, и решил нанести удар первым и обезоружить своих противников.

Общество раскололось на сторонников и противников этого решения. Причем все — и те, кто полностью поддержал Бориса Николаевича, — сходились на том, что решение, им принятое, противоречит конституции. Но одни тем не менее считали его правильным, потому что ситуация была безвыходной и заставлять страну страдать, затягивать конфликт было преступно. Другие и по сей день уверены, что нарушать конституцию не позволено никому, и Ельцин был обязан искать иное решение.

Поразительным образом нарушение конституции поддержали самые видные российские правозащитники. Возможно, все дело было в том, что в 1993-м спор шел не о конституции, а о выборе пути. С именем Ельцина связывались надежды на демократическое развитие России и необходимые для страны экономические реформы. Оппозиция отпугивала стремлением или вернуть страну к коммунистическому прошлому, или

привести к новой диктатуре.

Успех на референдуме

Вечером 20 марта 1993 года президент Борис Ельцин внезапно обратился по телевидению к народу:

— Нельзя управлять страной, ее экономикой, особенно в кризисное время, голосованием, репликами от микрофона, через парламентскую говорильню и митинговщину. Это безвластие, это прямой путь к хаосу, к гибели России… С таким съездом работать дальше стало невозможно… Считаю необходимым обратиться непосредственно к гражданам России, ко всем избирателям. Вижу выход из глубочайшего кризиса в одном — во всенародном референдуме. Я не призываю распустить съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы… Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса… Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны…

Президент сообщил, что назначает на 25 апреля референдум о доверии президенту и вице-президенту. А также обещал вынести на референдум проект новой конституции и новый закон о выборах федерального парламента. Он сказал, что во имя сохранения единства и целостности России вынужден подписать указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти». Этим указом приостанавливается работа съезда народных депутатов и Верховного Совета…

Выступление Ельцина порадовало одних («Наконец-то президент действует!») и возмутило других («Узурпатор! Диктатор!»). Противники Ельцина даже торжествовали: этот указ даст им возможность отстранить президента от должности за нарушение конституции. Указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти» доставили на телевидение, но в последний момент Ельцин велел его не оглашать. Вокруг этого указа развернулась целая детективная история.

Свои визы на проекте указа поставили вице-премьер Сергей Шахрай и помощник президента Юрий Батурин. Первый помощник президента Виктор Илюшин отправил экземпляр указа секретарю Совета безопасности Юрию Скокову, чтобы он поставил визу, а руководитель президентского аппарата Филатов пошел с указом к Руцкому. Оба отказались завизировать указ.

Тогда к Руцкому поехал Шахрай. У вице-президента было множество замечаний. Когда стали их разбирать, стало ясно, что он в любом случае не собирается ставить свою подпись. У кабинета Руцкого в тот день вместо обычных телохранителей почему-то стояла большая группа вооруженных людей с

автоматами. Но охрана не могла обеспечить ему полную безопасность. Надо так понимать, что разговоры в кабинете Руцкого записывались. Была зафиксирована, в частности, его беседа с секретарем Совета безопасности Юрием Скоковым.

— Сегодня суббота, — втолковывал Руцкой Скокову, — здесь, в Кремле, кроме нас, только Серега Шахрай и этот ублюдок Филатов. Ты видишь указ? Это же государственный переворот. Какие еще нужны доказательства? Арестуем их, едем на телевидение и объявляем о том, что Ельцин отстранен от власти, как человек, предавший свой народ, нарушивший конституцию.

— Но здесь же твоя правка, — возражал осторожный Скоков. — Значит, ты тоже собирался в этом участвовать?

— Я это делал, чтобы выиграть время и посоветоваться с тобой и Русланом. Парламент нас поддержит, Зорькин тоже. А что пометки, они же сделаны карандашом — были и нет…

Об этом разговоре в кабинете Руцкого сразу же предупредили президента. Ельцин из машины связался с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным, спросил его мнение. Тот, судя по всему, уже держал в руках копию готовящегося указа, но ответил уклончиво: прежде чем давать оценку, надо проводить правовую экспертизу таких серьезных решений.

И тогда было решено указ в таком виде не выпускать. Через несколько дней появился другой указ, к тексту которого придраться было невозможно. Но противники Ельцина, еще не зная, что президентская администрация выскользнет из этой опасной ситуации, ссылались на несуществующий указ как на главное доказательство преступных намерений Бориса Николаевича.

Ночью по телевидению выступили Зорькин, Руцкой, генеральный прокурор Валентин Степанков и заместитель Хасбулатова Юрий Воронин. Они назвали действия президента антиконституционными. В Верховном Совете говорили уже о попытке государственного переворота. Под давлением депутатов прокуратура приступила к сбору материалов, чтобы привлечь президента к уголовной ответственности.

21 марта, в воскресенье, утром умерла мать Ельцина Клавдия Васильевна. Ельцину об этом не говорили до вечера — не знали, как он это перенесет. В момент острейшего кризиса, когда его судьба буквально висела на волоске, на него обрушился такой тяжелый удар.

Ее похоронили на Кунцевском кладбище — на 10-м участке стоит гранитный крест с короткой надписью «Ельцина Клавдия Васильевна. 1908–1993». Борис Николаевич раз в год обязательно

приезжал на могилу матери. Наина Иосифовна бывала чаще.

26 марта собрался Девятый внеочередной съезд народных депутатов. Депутаты решили объявить Ельцину импичмент.

У Спасской башни Кремля, на Васильевском спуске собрались сторонники президента. Появился Ельцин и сказал, что идет подсчет голосов, но он не признает решений съезда, лишающих его власти, пока не выскажется народ. Президент был готов объявить о роспуске съезда. Его помощники подготовили обращение к стране. Телевизионная группа готовилась записать выступление президента.

Руцкой тоже напряженно ждал, чем закончится дело. В тот день он вполне мог стать президентом России. За отстранение Ельцина от власти проголосовали 617 депутатов, для импичмента не хватило трех десятков голосов. Борис Николаевич вновь вышел к своим сторонникам на Васильевском спуске. Выглядел он очень плохо. Но выкрикнул:

— Это победа!

Хотя о какой победе можно было говорить? Но в тот день страна была на грани гражданской войны. Каким бы ни было решение съезда, Ельцин бы власть не отдал. А Руцкой бы принял присягу, и появились бы в стране два президента.

Съезд народных депутатов все-таки назначил на 25 апреля референдум.

Людям предстояло ответить на четыре вопроса:

1. Доверяете ли вы президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?

2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством России с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов президента России?

4. Считаете ли необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов России?

Второй вопрос — о доверии социально-экономической политике — оппозиция предложила в очевидной надежде, что на такой вопрос народ конечно же даст отрицательный ответ. Депутаты считали, что президент растерял всю свою популярность, и люди, разумеется, выскажутся против него.

Пойдя на референдум, Ельцин вновь, не в первый уже раз, рискнул и политической карьерой, и должностью, и, может быть, жизнью. Если бы он проиграл и потерял власть, его бы неминуемо превратили в уголовного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Предугадать итоги референдума было невозможно. Но политический инстинкт не подвел Бориса

Николаевича, как не подводил никогда в жизни…

А оппозиция пребывала в уверенности, что после референдума Ельцин уйдет, и президентом станет Руцкой. Но не полновластным хозяином страны, а номинальной фигурой. Реальную власть намеревался взять Хасбулатов и его окружение.

Руслан Имранович понимал, что чеченец не может быть первым человеком в России, и согласен был на вторую роль. Но постепенно укреплялся в мысли, что сумел бы управлять Россией не хуже других. Ведь никто не смел напоминать Сталину о его нерусском происхождении.

30 марта на закрытом заседании съезда было принято решение о создании департамента охраны Верховного Совета численностью до двух тысяч человек.

Многочисленная охрана Белого дома — наследие августовского путча. После его провала Ельцин захотел обзавестись собственной гвардией — гарантией от других попыток взять Белый дом штурмом. Потом Управление охраны объектов высших органов государственной власти стало подчиняться Хасбулатову. Когда отношения испортились, в Кремле забеспокоились: не опасно ли разрешать Хасбулатову иметь свою маленькую армию?

Тем более что появились сообщения, будто в здание Верховного Совета завозят серьезное оружие — автоматы Калашникова и ручные пулеметы. Тогда, правда, никто не думал, что дойдет дело до их применения.

25 апреля прошел референдум, которого хотел Ельцин. В референдуме приняли участие 64,6 процента имеющих право голоса. К полнейшему изумлению депутатов, да и самого Ельцина, его поддержали 58 процентов, а политику реформ — 53 процента. За переизбрание президента высказался всего 31 процент, переизбрания депутатов хотели 43 процента. Это был фантастический успех, полная победа Ельцина, его правительства и курса реформ.

Итоги референдума стали ударом по оппозиции. В ее стане царила полнейшая растерянность. Хасбулатов на заседании Президиума Верховного Совета раздраженно сказал, что результат референдума — это результат «полторанинско-геббельсовской пропаганды».

Ему вторил вице-президент Александр Руцкой, выступавший в Новосибирске:

— Вы видите, кто голосует за президента и как оболванивают людей. Голосовали спекулянты, проходимцы, ворье, а сейчас еще будут голосовать голубые, педерасты, прочая нечисть.

Все ждали от Ельцина активных действий. Наиболее горячие

его сторонники считали, что референдум дает ему прямое право немедленно распустить съезд народных депутатов и назначить новые выборы. Депутаты думали, что Ельцин разгонит их буквально на следующий день, но он и не думал этого делать. Победив, он словно успокоился.

Нечто подобное происходило с ним и осенью 1991 года после поражения августовского путча.

Но Борис Николаевич, что бы о нем потом ни говорили, попытался пойти вполне законным путем.

Президентская команда разработала проект конституции, по которому президент выводился за пределы трех ветвей власти и становился главой государства, получая очень широкие права. Но сразу возник новый вопрос: а как принять новую конституцию? Ясно было, что съезд народных депутатов ее никогда не одобрит. Что же делать? Собрать учредительное собрание? Провести еще один референдум?

Ельцин созвал конституционное совещание, надеясь на компромисс. Но депутаты конечно же не хотели конституции, которая лишала их власти. Видя, что Ельцин ничего не предпринимает, его противники решили, что президент слаб и бояться его нечего. Исход войны казался неясным. Многие думали, что победит Хасбулатов и депутаты, на их сторону встал обиженный Ельциным вице-президент Александр Руцкой.

Даже Михаил Сергеевич Горбачев говорил близким к нему людям:

— Когда эта власть рухнет, главная моя забота — как ее законно подхватить.

Политическая борьба разгорелась с новой силой.

1 сентября 1993 года Ельцин подписал указ о временном отстранении от исполнения обязанностей вице-президента Руцкого. Причина? «Обстановка, сложившаяся в результате взаимных обвинений в коррупции и судебных претензий должностных лиц системы исполнительной власти друг к другу, серьезно подрывает авторитет государственной власти Российской Федерации».

К Руцкому в Кремль перестали пускать посетителей. Потом ему и самому пришлось покинуть Кремль. Появились документы, на основании которых Руцкого обвинили в коррупции. Некоторые из них с самого начала вызывали большое сомнение, а потом и вовсе оказались липовыми. Но участники этой борьбы исходили из того, что на войне как на войне. Это была первая большая война компроматов. Вторая разразится осенью 1999 года, накануне парламентских выборов.

«Не получится, сидеть будем вместе»

От президента все ждали действий, а он уехал отдыхать на Валдай. Компанию ему составили его личный тренер по теннису Шамиль Тарпищев, главный охранник генерал Коржаков и биограф Валентин Юмашев. Отпуск Ельцин брал, как всегда, поразительно не вовремя.

В его отсутствие оппозиция почувствовала себя увереннее. По Москве пошли слухи, что у президента не то инсульт, не то инфаркт, что Борис Николаевич тяжело болен, что его здоровье подорвано алкоголем, что у него плохо работает печень и в кортеже обязательно ездит реанимобиль.

Оппозиция приободрилась, полагая, что здоровым Ельцина уже никто не увидит. Такую же ошибку через три года совершит торопливый Александр Лебедь, преждевременно похоронивший Бориса Ельцина.

И тут, как назло, правительство затеяло обмен денег, чтобы изъять из обращения старые советские купюры. Это было необходимо, но правила обмена были настолько нелепые и жесткие, что люди возмутились: срок обмена — две недели, обменять можно не более тридцати пяти тысяч, остальные положить на специальный счет.

Министр финансов Борис Федоров возложил всю вину на главу Центрального банка Виктора Геращенко. Люди стояли в очередях в сберкассы и проклинали тупую власть. Ельцин распорядился продлить срок обмена и увеличил сумму, которую можно было обменивать, не объясняя происхождение денег. Но уже было поздно. Хасбулатов осудил обмен денег, затеянный Геращенко, и выиграл пропагандистские очки.

Оправившись от шока после провала на референдуме, оппозиция вновь принялась терзать конституцию, пытаясь законным путем лишить Ельцина полномочий.

Съезд народных депутатов внес более трехсот поправок в Конституцию РСФСР, фактически это была уже новая конституция. Депутаты готовились провести поздней осенью 1993 года съезд, на котором фактически предполагалось ликвидировать институт президентства.

В конце концов Ельцин решился сделать то, к чему его долго призывали. Его помощники говорили мне потом, что они готовили юридически безукоризненный способ распустить съезд народных депутатов, но Ельцин, по своему обыкновению, не захотел ждать. Впрочем, есть и другая точка зрения: он и так слишком долго тянул. А двоевластие разрушало страну. Никто не

работал, все ждали, чем кончится противоборство президента и депутатов.

Когда Ельцин побывал в частях Таманской и Кантемировской дивизий, стало ясно, что выбор он сделал. Во время посещения Отдельной дивизии внутренних войск имени Дзержинского президент сообщил, что Гайдар возвращается в правительство первым вице-премьером.

Полная лояльность президенту главы правительства Виктора Черномырдина — сильной политической фигуры, авторитетной для многих, — подкрепила позиции Ельцина. Хасбулатов попытался привлечь Черномырдина на свою сторону, но безуспешно. Однако для полноты картины Ельцину нужен был еще и Гайдар, как символ продолжения реформ.

Предполагалось распустить съезд народных депутатов 19 сентября, в воскресенье. Сразу после телеобращения в восемь вечера части дивизии имени Дзержинского должны были взять под контроль Белый дом, где в выходной день нет депутатов.

Соратники поддержали президента — глава правительства Виктор Черномырдин, министр внутренних дел Виктор Ерин, министр обороны Павел Грачев, министр безопасности Николай Голушко, министр иностранных дел Андрей Козырев, Олег Лобов, назначенный секретарем Совета безопасности. Против был только глава президентской администрации Сергей Филатов.

Сергей Филатов вспоминает:

— Борис Николаевич показал мне проект будущего указа номер 1400 о поэтапной конституционной реформе. Я прочитал его и говорю: этого делать нельзя.

Я исходил из того, что, во-первых, страна попадет в неправовое пространство. Если президент может нарушить конституцию, это может сделать всякий. Во-вторых, после ухода Ельцина эти события можно будет интерпретировать как государственный переворот. И в любой момент возбудить уголовное дело. К тому же ничего не было подготовлено! Не ясно было, как отнесутся к этому регионы, армия. Такой рискованный шаг если делать, то его надо подготовить….

Собрались в узком кругу: президент, премьер-министр, Виктор Ерин, Николай Голушко, Коржаков и начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков.

— Я почувствовал, что он накален, просто жуть, — вспоминает Филатов. — Единственное, что удалось тогда сделать, — перенести начало операции с 19 сентября на 21-е, чтобы не было ассоциации с 19 августа… Ельцин согласился.

Но 18 сентября на совещании руководителей советов всех уровней Руслан Хасбулатов публично оскорбил президента. Он

сказал:

— Если большой дядя говорит, что позволительно выпивать стакан водки, то многие находят, что в этом ничего нет, мол, наш мужик. Но если так, то пусть мужик мужиком и остается и занимается мужицким делом. А наш президент под «этим делом», — председатель Верховного Совета многозначительно щелкнул себя по горлу, — любой указ подпишет.

Грубые слова Хасбулатова превратились в casus belli — формальный повод для объявления войны.

21 сентября 1993 года президент подписал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе». Ельцин распускал съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначал на 12 декабря 1993 года выборы в новый представительный орган — Федеральное собрание. Действие конституции в части, противоречащей тексту указа, «прекращалось».

Выступление президента записали заранее, в пять вечера. Телевизионщики были потрясены. Ельцин предложил:

— Давайте сфотографируемся на прощание. Если не получится, сидеть будем вместе.

Но кассету с записью забрали и вернули тележурналистам только к моменту трансляции. До этого времени телевизионной группе пришлось сидеть в комнате без телефонов.

В восемь вечера указ передали по телевидению и радио. Правительство поддержало президента, хотя настроение у всех было мрачное, подавленное. Всем членам правительства назначили личную охрану, в министерских приемных появились омоновцы с автоматами.

Хасбулатов и Руцкой ожидали появления указа. Хасбулатов собрал в Белом доме депутатов. Они считали, что теперь Ельцину конец, что народ возмущен президентом и поддерживает Верховный Совет. Руслан Имранович действительно полагал, что он популярен в народе, а Ельцин людям надоел.

23 сентября поздно вечером депутаты объявили президентские полномочия Ельцина прекращенными в соответствии со статьей 121-6 конституции и поручили исполнение обязанностей президента Александру Руцкому. Правомерность такого решения подтвердил большинством голосов Конституционный суд.

В начале первого ночи Хасбулатов открыл внеочередную сессию Верховного Совета и обратился к Руцкому:

— Александр Владимирович, прошу вас занять ваше место.

Руцкой с видимым удовольствием уселся в кресло президента. В третьем часу, после перерыва, проведенного депутатами в буфете, Руцкой огласил первые указы и назначения.

Верховный Совет принял две поправки к Уголовному кодексу. Одна из них предусматривала смертную казнь и конфискацию имущества за «действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя». Депутаты надеялись посадить Ельцина на скамью подсудимых.

Но местные администрации заняли сторону президента, рассудив, что он сильнее. В четверг 24 сентября в Москву приехали руководители стран СНГ и единодушно поддержали курс президента России. Борис Ельцин успокоился — реакция в мире была благоприятной. В нем по-прежнему видели гаранта демократии, вынужденного распустить парламент, чтобы провести новые выборы. Ельцину позвонил Билл Клинтон. Помощники уговаривали американского президента просить Ельцина держаться в рамках конституции: а вдруг завтра его должность займет другой человек. Но Клинтон считал, что Ельцин прав и нуждается в поддержке. Он разговаривал с Борисом Николаевичем тепло и сердечно.

Повесив трубку, Клинтон сказал:

— Это главная битва в его жизни. И он уверен, что победит.

На американцев производили большое впечатление репортажи Си-эн-эн из Москвы. Толпы вокруг Верховного Совета кричали «Бей жидов, спасай Россию!» и поднимали лозунги «Евреи, вон из Кремля!». Американцы в принципе не могли поддержать Руцкого с Хасбулатовым.

Ельцин подписал указ «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990–1995 гг». Депутатам, которые соглашались подчиниться указу и сложить с себя полномочия, то есть перейти на президентскую сторону, подбирали работу в правительстве.

А что делать с теми, кто не желал покидать Белый дом? В Кремле решили подождать: долго они там не просидят. Пассивная позиция власти была ошибкой. Она привела к кровопролитию в Москве. Помимо депутатов, в эту игру вступили совсем другие люди. В Белый дом со всей страны стекались люди, почувствовавшие запах пороха и крови. Приднестровские боевики, бывшие афганцы, рижские омоновцы.

23 сентября в начале десятого вечера восемь вооруженных автоматами боевиков из «Союза офицеров» Станислава Терехова проникли в здание бывшего штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Они обезоружили охрану. Туда отправили отряд ОМОНа, боевики бежали. В перестрелке погибли капитан милиции и женщина, которая случайно подошла к окну.

24 сентября вокруг Белого дома установили более жесткое

оцепление: выйти из него можно было, но назад никого не пускали. Отключили воду, электричество и отопление. Милицейское охранение вокруг Белого дома стояло без оружия.

Патриарх Алексий II пытался выступить в качестве посредника, но руководители Белого дома не хотели ни разоружаться, ни идти на мировую. Отрезанные от страны, они питались слухами и верили в то, что народ их поддерживает. Им казалось: еще одно усилие — и ненавистный режим рухнет.

Мятеж подавлен

3 октября, в воскресенье утром, на совещании у Ельцина присутствовали Черномырдин, Филатов, Шумейко, Лобов, Шахрай, Грачев, Ерин, Гайдар. Ситуация представлялась стабильной, никто не предполагал активных действий оппозиции.

Когда министры разъехались по дачам, в столице начался мятеж. Толпа прорвала безоружное милицейское окружение, перегородила Садовое кольцо. Началась стрельба. Руцкой призвал толпу идти на мэрию — «Там у них гнездо» и захватить Останкино — «Нам нужен эфир!».

В Спасо-Даниловом монастыре при посредничестве патриарха шли переговоры представителей президента и распущенного Верховного Совета. Первый заместитель председателя Верховного Совета Юрий Воронин просто зачитал ультиматум Белого дома. Сергей Филатов, который участвовал в переговорах от имени президента, ультиматум отверг. Воронин сообщил, что мэрия уже взята и бои идут возле Останкина.

Озверевшая толпа, разогнав милиционеров, захватила высотное здание мэрии на Новом Арбате и начала его грабить: тащили все, что попадалось под руку, — телефонные аппараты, телевизоры, ковры, стулья… Погромщики жестоко избили заместителя премьера правительства Москвы Александра Павловича Брагинского, который в тот день дежурил в здании. Физик по профессии, он был избран депутатом Моссовета, потом его пригласили в столичное правительство.

Он рассказывал главному редактору журнала «Континент»:

— Публика была разная. В военизированной форме, с автоматами.

— Вас били?

— Да, сильно. Они даже на колени пытались меня поставить, но я встал. Меня вывели на улицу и повели к Белому дому, продолжая по дороге бить. Вокруг много бандитов было, которые жаждали расправы… Меня ввели в кабинет Руцкого. Мы с ним были знакомы. Он приказал меня обыскать и бросить в подвал.

— При нем вас били?

— Да, били…

— И он это видел?

— Видел. Он был в запале — захват мэрии, возможность победы — и в состоянии какого-то головокружения. Я упал, меня связали и отвели в подвал. Я лежал в крови….

Александр Брагинский так и не оправился от этой истории, тяжело болел и умер в ноябре 2001 года на пятьдесят четвертом

году жизни.

Свидетелем захвата здания мэрии был депутат Иона Андронов:

«Над проломом парадного входа торчал бетонный козырек, а на нем стоял горделиво пожилой усач в зеленой униформе и черном берете набекрень в плакатном стиле Че Гевары. Но вместо кубинской сигары удалец держал у рта мегафон. Из него прогремело:

— Больше не будет ни мэров, ни пэров, ни херов! Зрители весело загоготали:

Браво, Макашов! Нашему генералу — слава! Альберт Макашов, генерал-полковник без воинских побед и без малейшего фронтового опыта, сумел, однако, прославиться на всю Россию солдафонским острословием…

Генерал пристрастился публично обзывать своих противников «сукиными сынами», «подлецами», «жабами», «крысами» или «жидами». И подстрекал по-своему линчевать их — кастрировать либо обвязать им мужские гениталии и повесить на столбах уличных фонарей».

Автобусы с вооруженными людьми под командованием генерала Макашова двинулись в сторону Останкина, чтобы взять телецентр и выйти в эфир. Если бы это удалось, и на телеэкранах по всей стране появился Руцкой в роли нового президента, это могло бы изменить настроения в стране. Люди в большинстве своем предпочитают присоединиться к победителю. Вещание прекратили.

Когда прервалась телепрограмма, Руслан Хасбулатов был уверен, что это победа. Он радовался от души:

— Теперь мы выиграли. Мэрия взята. Останкино тоже. Штурм Кремля — дело нескольких часов. Сейчас сюда подходят верные нам войска. Оккупационный режим пал.

Ельцин находился в своей загородной резиденции. Позвонил начальник Главного управления охраны Барсуков, сообщил о захвате мэрии, о том, что мятежники расползаются по городу. Ельцин прилетел из Барвихи на вертолете в начале седьмого вечера. Вертолет остался на Ивановской площади, чтобы в случае неблагоприятного развития событий вывезти президента в безопасное место.

Никто из москвичей не знал, что происходит. Казалось, город погружается в хаос. Все спрашивали друг друга: где же президент и премьер-министр? Почему они молчат?

До сих пор не очень ясно, что именно происходило с Борисом Николаевичем той ночью. Коржаков уверяет, что Ельцин спал. Некоторые говорят, что президент был несколько не в форме,

потому что в выходной день успел расслабиться…

Ельцину написали текст для короткого выступления, но он плохо выглядел. Первый помощник Виктор Илюшин и пресс-секретарь Вячеслав Костиков отговорили его выступать.

— Этого нельзя делать, — сказал Илюшин. — У вас такое лицо, что москвичи подумают бог весть что…

Между тем вооруженные группы, отправленные из Белого дома, рассыпались по всему городу. Милиция не смогла противостоять мятежникам. Она словно исчезла с улиц города, оставив его в полное распоряжение вооруженной шпаны. Министр обороны Грачев уверял Ельцина, что войска в Москве, но на улицах они не появились.

Страх мгновенно распространился по городу. В какой-то момент казалось, что все кончено: власть в руках мятежников. В здании правительства сотрудники аппарата были в ужасе, вспоминает Егор Гайдар. Один из чиновников буквально кричал:

— Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перережут!

Потом Ельцина будут подозревать в том, что он нарочно демонстрировал бессилие, чтобы надежнее заманить мятежников в ловушку и получить возможность расстрелять Белый дом. Но едва ли он был способен в тот момент на такие хитроумные заговоры. Причиной трагических событий стало прежде всего разгильдяйство спецслужб и их неспособность предугадать следующий ход мятежников.

Грачев приказал собрать коллегию Минобороны. Отсутствовал заместитель министра Борис Громов, за что Грачев его потом возненавидел. Не приехал главком сухопутных войск Владимир Семенов, еще несколько видных генералов. Они не хотели в этом участвовать. Грачев сам не знал, что ему делать, и фактически не хотел обсуждать ситуацию со своими подчиненными. Заседание коллегии не состоялось. Разговор продолжался минут семь-восемь. Министр сказал своим заместителям: наше здание плохо охраняется. Давайте разделимся, и каждый возьмет на себя оборону одного подъезда.

Командование вооруженных сил России возглавило оборону собственного здания. Первый заместитель министра обороны член-корреспондент Академии наук Андрей Кокошин надел под штатский костюм кобуру со «стечкиным» и вместе со своим порученцем — капитаном 1-го ранга, подводником, пошел проверять подъезды. А здание действительно не было подготовлено к обороне: большие окна, не заложенные мешками с песком.

В распоряжение первого заместителя министра обороны

поступили два взвода во главе с молодыми лейтенантами, которые сами не знали, что делать. Нашелся прапорщик, который помнил устав. Он бодро доложил, что они охраняют объект особой важности. Поэтому каждого, кто попытается подойти к зданию, надо окликнуть: «Стой! Кто идет?» Затем выстрел в воздух, а потом уже стрелять на поражение.

А вокруг Министерства обороны уже и в самом деле появились мрачные личности, может быть приднестровские боевики… Батальон спецназа из Теплого Стана, который отправлялся в Останкино, чтобы защитить телецентр, Грачев завернул для обороны собственного здания.

Ночью в здание Министерства обороны приехал глава правительства Черномырдин, затем появился Ельцин. Вместе с ним были начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков, главный президентский телохранитель Коржаков со своим заместителем. Причина колебаний Грачева состояла в том, что он до последнего не хотел влезать в это дело. Надеялся, что МВД само справится. Ельцину пришлось отдать Грачеву письменный приказ подавить мятеж.

Утром 4 октября президент выступил по радио России:

— Я обращаюсь к гражданам России. Вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки… В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения… Чтобы восстановить порядок, спокойствие и мир, в Москву входят войска…

Первый вице-премьер Олег Сосковец встретился с первым заместителем Хасбулатова Юрием Ворониным и передал предложение президента: немедленно сдать оружие, чтобы избежать кровопролития. Воронин ответил отказом.

По Белому дому было выпущено двенадцать снарядов — десять болванок, два зажигательных. Этого оказалось достаточно для подавления мятежа. Когда началась стрельба, Руцкой взывал из Белого дома:

— Я умоляю боевых товарищей! Кто меня слышит! Немедленно на помощь к зданию Верховного Совета! Если слышат меня летчики! Поднимайте боевые машины!

Руцкой совсем забыл, как несколько дней назад грозил президенту:

— Если Ельцин сунется, положим всех, кто попытается сюда проникнуть! Если пустят бронетехнику, мы сожжем и бронетехнику!

Теперь он по радиотелефону умолял о помощи председателя

Конституционного суда Валерия Зорькина:

— Они бьют из танков, из танков. Танки перестраиваются и выходят на огневые позиции. Валера, звони в посольства… Они не оставят нас здесь в живых. Ты же верующий, твою мать!..

Евгений Савостьянов, который тогда руководил московским управлением Министерства безопасности, рассказывал:

— В октябре девяносто третьего в Москве был вооруженный мятеж. Когда говорят, что войска расстреляли парламент, то я прошу обратить внимание на два обстоятельства. Не погиб ни один депутат парламента и ни один сотрудник аппарата Верховного Совета! А кто же погиб? Случайные прохожие, работники правоохранительных органов, павшие от руки бандитов, и вооруженные бандиты, засевшие в Белом доме и пытавшиеся нападать на объекты в Москве и чуть не устроившие в России гражданскую войну.

— Почему же Министерство безопасности не сумело предотвратить кровопролитие? — спросил я Савостьянова.

— Министерство безопасности не располагало тогда силовыми структурами. Да еще огромную роль сыграла смена эпох. Прежняя агентура КГБ оказалась ненужной, бесполезной. Все в обществе изменилось. А создать новую агентуру — для этого нужно много времени…

После подавления мятежа было задержано 6580 человек, потом их всех быстро выпустили, осталось человек двадцать. Ходили слухи о том, что на стадионе «Асморал» (бывшая «Красная Пресня») ОМОН расстрелял шесть тысяч участников обороны Белого дома. Эти слухи ничем не подтверждаются. Генеральная прокуратура сообщила, что 3–4 октября 1993 года около Белого дома, у здания московской мэрии и в районе телецентра Останкино погибло или впоследствии скончалось от ран сто двадцать три человека.

Процесс по делу об участниках событий в октябре девяносто третьего не состоялся, потому что Государственная дума объявила амнистию, всех обвиняемых освободили… 7 октября в память о погибших Ельцин объявил общенациональный траур.

11 октября Ельцин улетел в Токио. Это был красноречивый жест. Его государственный визит в Японию откладывался целый год. Теперь Ельцин показывал, что в стране все в порядке и он может спокойно заниматься международными делами.

События осени 1993 года стали поворотными в истории современной России. Страна стояла на пороге гражданской войны. Ельцин сделал то, что приветствовали одни и прокляли другие. Он нарушил конституцию, чтобы принять другую. Он разрешил тяжелый политический кризис силовыми средствами.

Споры о том, имел ли Ельцин право разогнать парламент и расстрелять Белый дом, продолжаются и поныне.

Многие не могут простить ему то, что он нарушил конституцию и устроил пальбу из танков в центре Москвы.

Но ведь вопрос надо поставить иначе: как развивались бы события, если бы Ельцин не применил силу? Руцкой, Хасбулатов и генерал Макашов вполне могли взять власть в Москве. За этим последовали бы чистки и расправы с политическими противниками, куда более кровавые, чем обстрел Белого дома. Нечего и говорить, что такие политические катаклизмы разрушили бы экономическую жизнь, страна погрузилась бы в хаос. Так что силовая операция, проведенная Ельциным, была наименьшим злом.

Новая конституция и «калинка-малинка»

До подавления мятежа Борис Николаевич Ельцин был одним из нескольких политиков, которые вели борьбу за власть. После октябрьских событий он стал полноправным хозяином в стране. Отношение к нему мгновенно изменилось. Изменился он сам.

Но он не воспользовался своей победой, чтобы стать диктатором. Он провел всеобщие выборы и получил Государственную думу, которая его не жаловала. Но после осени 1993 года в стране наступила политическая стабилизация. И до конца ельцинской эпохи уже не было ни мятежей, ни путчей, ни схваток воинствующей оппозиции с органами правопорядка.

12 декабря 1993 года одновременно с избранием депутатов первой Государственной думы страна проголосовала за новую конституцию, которая в первую очередь изменила положение президента.

Если прежде президент был всего лишь одним из центров власти, и парламент при желании мог сильно ограничить его полномочия и вообще доставить ему массу неприятностей, то теперь он практически не зависел от воли депутатов.

Парламент лишился и возможности участвовать в формировании правительства. По новой конституции президент назначает председателя правительства. От Государственной думы, конечно, требуется согласие. Но если депутаты трижды отклоняют предложенную президентом кандидатуру, он имеет право своим указом назначить премьер-министра, распустить Думу и объявить новые выборы. Если Дума выразит недоверие правительству, то президент может с ней согласиться и отправить кабинет в отставку, а может, напротив, распустить Думу и назначить новые выборы.

В конституции заложен сложный механизм внесения в нее поправок, что практически гарантировало Ельцина от новых атак парламента. Но при всей своей безграничной власти Ельцин даже не пытался ограничить права и свободы сограждан.

— А ведь у него была тогда возможность стать диктатором, сокрушить и раздавить всех своих противников, — говорил мне бывший помощник президента Георгий Сатаров. — Он этого не сделал. Не воспользовался обстоятельствами.

Уже с начала 1994 года Ельцина стали называть царем — кто в шутку, кто всерьез. А Борис Николаевич и в самом деле переменился. Крушение советской власти не отменило Марксовой формулы насчет того, что бытие определяет сознание. А бытие стало царским. Изменились его манеры, взгляд, даже походка

стала неспешной. У него сложились свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль.

Его бывший пресс-секретарь Вячеслав Костиков с сожалением вспоминает: в улыбке, во взгляде Ельцина стало заметно проявляться высокомерие, а «в отношениях с Борисом Николаевичем постепенно исчезал демократизм, доступность, доверительность отношений — то есть те черты, которые так привлекали в работе с ним в прежние годы…».

Теперь в любой поездке президента сопровождали не только несколько врачей и медсестер, но и парикмахер, группа поваров, личные фотографы, персональный телеоператор и человек, занимавшийся его одеждой. Он пересел с ЗИЛа на «мерседес», который собрали специально для президента России.

Вокруг Ельцина сложилась сплоченная группа — Коржаков и его верный друг и соратник Михаил Барсуков, первый вице-премьер Олег Сосковец, управляющий делами президента Павел Бородин, тренер президента по теннису Шамиль Тарпищев. К ним одно время примыкали министры обороны Грачев и внутренних дел Виктор Ерин. Они постоянно встречались в неформальной обстановке, не только поддерживали друг друга, но и влияли на президента в одном направлении.

Евгений Савостьянов, который стал заместителем руководителя администрации президента, говорил мне:

— Не существует идеальных схем. В каждой есть свои недостатки. Коль скоро вводится институт избираемого монарха, то надо мириться с тем, что появится двор, в нем будет своя камарилья, будут те, кто ближе к монарху, и те, кто дальше. Это неминуемо…

В Кремле сформировалась иерархическая система власти. Скажем, помощники президента, как и в советские времена, обедали в особой столовой. Имело значение, кто с кем сидел за одним столиком.

Стать своим при дворе царя Бориса стремились многие, но не всем это удавалось.

Алексей Казанник после октябрьских событий 1993 года стал генеральным прокурором, но продержался недолго. Он не только не подходил для этой работы, но и не смог вписаться в московскую властную систему. Он рассказывал потом в интервью «Новой газете», какой диалог у него состоялся с Коржаковым накануне нового, 1994 года.

Позвонил Коржаков и сказал:

— На Ленинских горах в Доме приемов будут все высокопоставленные лица. Алексей Иванович, вы должны там

тоже быть.

Казанник отказался:

— Извините, Александр Васильевич, я, вообще, прокурор, а там будут должностные лица исполнительных органов, за которыми я осуществляю функцию надзора. Поэтому я не могу участвовать в этих компаниях.

Коржаков страшно удивился:

— Как — вы не можете участвовать? Там будет президент с женой, все будут с семьями.

— Моя жена в Омске живет. Коржаков сразу воодушевился:

— Я сейчас дам команду, ее привезут.

— Нет-нет, спасибо, потому что я хочу на Новый год улететь в Омск.

И генеральный прокурор отправился отмечать Новый год в родном городе. Он не хотел соблюдать правила игры. Его спрашивали:

— Вы в теннис играете?

— Не играл и играть не собираюсь.

— Ну как же, все играют, а вы не будете играть? Это, Алексей Иванович, как-то странно.

— Что ж делать, я очень странный человек. Надо мои странности уважать…

Нежелание веселиться вместе со всеми и играть в модные игры было, разумеется, не главной причиной отставки Казанника, но тоже сыграло свою роль в отторжении генерального прокурора от власти.

Александр Васильевич Коржаков, руководивший охраной президента, оставил о себе странное впечатление. Вокруг него ходит множество легенд, и сам он не прочь подпустить тумана. И превратился в какую-то демоническую фигуру.

У Андрея Козырева эти оценки вызывают улыбку.

— Ну разве Коржаков — демоническая фигура? Любят у нас придумывать. Он просто был близким к президенту человеком. Вот и у меня начальник охраны был замечательный человек. У нас с ним тоже сохранялись самые дружеские отношения. Понимаете, такова система: начальник охраны оказывается ближе, чем жена. В условиях, когда тебя повсюду, всегда сопровождает охрана, через охрану ты узнаешь очень много вещей.

Коржакову действительно были приданы или навязаны несвойственные ему функции. Потом он и сам почувствовал вкус к большой политике.

Владимир Бабичев, в прошлом крупный партийный работник, стал при Черномырдине руководителем аппарата правительства.

Он рассказывал журналистам:

— Как может не ощущаться влияние Коржакова, если так называемая служба по подслушиванию подчиняется ему непосредственно?

— Вы хотите сказать, что правительственные телефоны прослушиваются? — удивились журналисты.

— По-моему, всех подслушивают, даже премьера…

У Бабичева произошло крупное столкновение с советником президента по спорту Шамилем Тарпищевым. По словам Бабичева, пользуясь близостью к президенту, Тарпищев попытался в обход всех согласований создать акционерное общество. Руководитель аппарата правительства был категорически против. Ему позвонил Коржаков и начальственным тоном спросил:

— Почему до сих пор не подписан устав этого предприятия?

Бабичев тогда только пришел в правительство и еще не знал, кто такой Коржаков. Поэтому задал естественный вопрос:

— Кто вы?

— Начальник охраны президента.

— Ах, вы начальник охраны, так вот и охраняйте и не в свои дела не лезьте.

После этого Бабичеву тут же отключили телефоны, в том числе и правительственную связь… Конечно, телефоны потом пришлось включить, но дерзость не была забыта.

Близость к президенту открывала невероятные возможности. Шамиль Тарпищев создал Национальный фонд спорта. По его просьбе президент в ноябре 1993 года подписал указ о предоставлении Фонду спорта фантастических льгот: фонд получил право беспошлинного ввоза в страну табачных изделий и алкогольных напитков. В результате девяносто пять процентов импорта табака и алкоголя пришлось на долю Национального фонда спорта.

Маскировалось это заботой о спорте и спортсменах. В реальности же льготы наносили огромный ущерб экономике страны, стали питательной почвой для коррупции и преступности. За право пользоваться льготами убили немало людей. Зато очень многие высшие чиновники поправили свое материальное положение. Бороться с их интересами рисковали немногие. Первый вице-премьер Анатолий Чубайс заявил:

— Если у Национального фонда спорта не отберут льготы, я уйду из правительства.

И Чубайс добился своего. Так то Чубайс…

Коржаков позволял себе и к Черномырдину обращаться на «ты». Генерал-охранник увлекся, перешел некую грань и стал

неудобен президенту. В конце 1994 года «Известия» опубликовали письмо Коржакова Черномырдину. Начальник президентской охраны жаловался главе правительства на то, что министр экономики Александр Шохин принимает неверные решения в нефтяной сфере: хочет отменить институт спецэкспортеров и обеспечить равный доступ компаний к нефтепроводам.

Письмо начальника президентской охраны было написано в ультимативном тоне: «Считаем целесообразным предложить Вам поручить Первому Заместителю Председателя Правительства О. Сосковцу, в рамках его полномочий по курированию топливно-энергетического комплекса, создание комиссии для проведения экспертной оценки всех вышеприведенных распоряжений с точки зрения соответствия национальной стратегии в области нефтяной политики и укрепления экономики страны».

Виктор Степанович Черномырдин был, наверное, глубоко оскорблен таким тоном, потому и позаботился о том, чтобы письмо было предано гласности, иначе оно бы никогда не попало в газету.

Министр Шохин пытался сделать то, что было совершенно необходимо: уничтожал почву, порождавшую коррупцию. Естественно, это наносило ущерб влиятельным силам, которые хотели сохранить контроль над экспортом нефти. Первый вице-премьер Сосковец жаловался своему другу Коржакову. Они решили повлиять на премьера — и промахнулись. Не от большого ума сочинили такое письмо…

В какой-то момент Коржаков стал одним из влиятельнейших людей в стране. Он смело давал советы главе правительства. Служба безопасности президента под его руководством обрела невиданную власть, особенно когда он добился права вести оперативно-разыскную деятельность (то есть подслушивать и вести наружное наблюдение).

— Не нужно его недооценивать! — говорил бывший помощник президента Георгий Сатаров. — У Коржакова, конечно, внешность человека не одаренного интеллектом.

Но это не совсем правильно. Понятно, что его образование, социальная траектория не позволили ему стать человеком высококультурным, но от природы он одарен…

Александр Коржаков, которого изгнали из КГБ за верность Ельцину, заботился о Борисе Николаевиче, как о самом близком человеке на земле. Не мог Ельцин не ценить этого. Первоначально Коржаков держался очень скромно, но потом вошел во вкус власти, особенно кадровых решений, и благодаря близости к президенту стал одним из самых влиятельных людей в Кремле. Тем, кто рисковал идти на конфликт с Коржаковым,

приходилось плохо.

Сергей Филатов вспоминает:

— У меня сняли охрану, заменили машину. Это обычные номенклатурные штучки, которые предвещают расставание. В «Российской газете» появилась публикация под заголовком «Покровитель», там фигурировали только еврейские фамилии, чтобы показать, что я покровитель евреев, которые на самом деле являются чуть ли не разведывательной группой Израиля…

Филатов советовался с опытным Илюшиным:

— Что делать, Виктор Васильевич? Первый помощник президента сказал:

— Ну, если это так далеко зашло, вам лучше уйти. Коржаков и его люди от вас не отстанут. Будут продолжать вас третировать, и дело может плохо кончиться.

Сергей Филатов написал заявление об уходе, но несколько видных политиков просили его не уходить, и он положил заявление в стол…

— А какие у них были к вам реальные претензии? — спросил я Филатова.

Во-первых, они презирали демократов, поэтому плели интриги против Чубайса и против Гайдара, которого ненавидели лютой ненавистью. Демократия — это ведь закон, а по закону жить не хотелось. Во-вторых, в администрации президента они все хотели взять под контроль, на все посты расставить своих людей в качестве заместителей. Я этого, естественно, не позволял. И третья причина состояла в том, что службе безопасности не хватило помещений. Они пытались реорганизовать администрацию так, чтобы освободить себе помещения. Коржакову был нужен дом на Варварке. Мы освободили это помещение, и они устроили там свою аналитическую службу, поставили компьютерную систему, все банки взяли под контроль. А остальное у них не получилось, вот они и злились…

Коржаковская служба превратилась в главный центр влияния. Люди понимали, где сила и откуда исходит опасность. К Коржакову ходили за советом, за помощью. Он стал вмешиваться в дела теле- и радиокомпаний, финансовых и общественных групп, представителей президента, контрольного управления.

— Ко мне стали приставать, — говорит Филатов, — скажем, увольте такого-то, потому что он был замечен в Соединенных Штатах на встрече с тем-то. Я объясняю: мало ли с кем мы все встречаемся? Тогда меня первого надо уволить — я со всеми встречаюсь.

Пару раз я как-то искренне отнесся к этим сигналам, а потом

написал Коржакову записку: уважаемый Александр Васильевич, чтобы по этой причине увольнять людей, нужно располагать убедительными фактами. И я прошу их представлять. Потому что разорять структуру администрации президента нельзя. Но на отдыхе в Сочи Ельцин подписал указ о службе безопасности, который давал Коржакову огромные полномочия.

Не один Филатов, многие жаловались на интриги и подковерную борьбу в Кремле. Сотрудники администрации не сомневались, что служба безопасности их подслушивает. Если надо было обсудить что-то важное, писали друг другу записки.

Интриганство в Кремле более всего свидетельствовало о том, что президент Ельцин понемному утрачивал интерес к работе. Бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков вспоминает, что в 1994 году президент стал после обеда уезжать домой, мало с кем встречался, отказывался от бесед, ломая график.

Я спрашивал Сергея Филатова:

— Когда вы приходили к Борису Николаевичу с делами, ему было интересно всем этим заниматься? Или он раздраженно кривился: устал, надоело?

По-разному было. Иногда ему было интересно, и разговор шел деловой. Иногда он рукой махнет: отложите, потом. По каким причинам — не знаю. Иногда спрашивал: «Почему, Борис Николаевич?» Когда речь идет об очень важных делах. «Я не готов, надо подумать». На настроение влияло состояние здоровья. А он вообще очень подвержен простудным заболеваниям. Сидим, вдруг начинает себе в нос капать. Вообще высокие, рослые люди тяжелее переносят болезнь, чем те, кто поменьше ростом…

Уловив упаднические настроения президента, многие решили, что его эра заканчивается. Осенью 1994 года отставленный от дел Геннадий Бурбулис вдруг сказал: «Надо избавить общество от неопределенности и помочь президенту России достойно завершить свое президентство». Все торопились похоронить Ельцина как политика.

В январе 1994 года в Москву прилетел Клинтон. Он только что похоронил свою мать, Вирджинию Келли, в Арканзасе и чувствовал себя совершенно опустошенным.

Ельцин устроил в честь Клинтона большой обед. Сменилось двадцать четыре блюда (американцы подсчитали). Ельцин хлопнул несколько стопок водки и пять бокалов вина. Он очень развеселился. Преподнес Клинтону фарфоровую фигурку президента с саксофоном в руках. Велел принести настоящий саксофон и попросил Клинтона сыграть. Кроме того, он вволю поиздевался над министром иностранных дел Козыревым за его

нескрываемый интерес к слабому полу. Затем попытался проехаться по поводу американского Государственного секретаря Кристофера.

Прилетев в сентябре 1994 года в Вашингтон, Ельцин пригласил Билла Клинтона и Хилари в новое здание российского посольства.

— У меня есть для тебя сюрприз! — с громким смехом произнес Ельцин.

Принесли жареного поросенка. Одним движением ножа Борис Николаевич отрезал поросенку ухо и положил на тарелку Клинтона, другое ухо взял себе. «Хорошо, что у Билла железный желудок, — вспоминала Хилари. — Способность моего супруга есть все, что ставят перед ним на стол, всегда была одним из главных его талантов как политика. А я, наверное, впервые в жизни обрадовалась, что у свиней только два уха». Следующий сюрприз ожидал Хилари в Москве. Во время обеда в Кремле официанты разнесли тарелки с горячим борщом.

— Восхитительно, — с проказливой улыбкой сказал Борис Николаевич.

— Что это? — поинтересовалась Хилари.

— Губы лося!

«В густом борще, — пишет Хилари, — в самом деле плавали лосиные губы, похожие на потерявшие упругость резиновые ленты. Я гоняла их по тарелке, делая вид, что с аппетитом ем, до тех пор, пока меня не спас официант, который принес десерт».

Избавившись от врагов и заняв в Кремле царское положение, Ельцин стал меньше себя контролировать, расслабился. И это его сильно подвело. В 1994 году с Ельциным произошли две крайне неприятные истории, губительные для его репутации. 30 мая Ельцин улетел в Германию на торжественную церемонию по случаю вывода российских войск. Борису Николаевичу не спалось, и он пригласил в свои апартаменты министра обороны Грачева, принесли выпивку и закуску. Утром президент с трудом встал. Личный врач помог ему прийти в норму.

Но во время различных церемоний, официального завтрака от имени президента ФРГ, где гостей щедро обносили вином, Борис Николаевич ни в чем себе не отказывал (а был к тому же жаркий день), расслабился, и кончилось все тем, что он взялся дирижировать оркестром берлинской полиции и пытался исполнить «калинку». Эту сцену показало телевидение всех стран.

В конце сентября на обратном пути из Соединенных Штатов, где Ельцин тоже позволил себе лишнее, ему стало плохо в самолете. Сопровождавшие врачи не могли сразу определить, что это — сильный сердечный приступ или микроинсульт?

А в аэропорту в Шенноне его ждал для переговоров премьер-министр Ирландии Альберт Рейнольде. Повинуясь чувству долга, Ельцин пытался подняться на ноги, но не сумел выйти из самолета. И к ирландцам отправили первого вице-премьера Олега Сосковца. Невозмутимые ирландцы сделали вид, что даже не удивились, но скандал получился грандиозный.

Потом Ельцин как ни в чем не бывало рассказывал журналистам, что он, утомившись, проспал, а охрана не решилась его разбудить, но довольно быстро стала известна реальная подоплека. Тем более что пристрастие президента к горячительным напиткам ни для кого не оставалось секретом.

За рубежом задавались вопросом: если Ельцин так напивается во время международных визитов, то что же он позволяет себе дома, когда его никто не видит и не контролирует?

Генерал Дудаев вернулся

1994 год, который мог стать началом нового этапа строительства России, закончился на трагической ноте. Попытка навести конституционный порядок в Чечне быстро привела к кровопролитной войне. Но почему вдруг такой опытный политик, как Борис Ельцин, ввязался в чеченскую войну?

Сергей Филатов:

— Я так понимаю, что противостояние с оппозицией было закончено, конституцию новую приняли, Государственную думу избрали, все государственные структуры заняли свое место. И можно было приступать к проблеме Чечни, которая существовала давно… Может быть, дело в другом. Успех Жириновского и Зюганова на выборах в первую Государственную думу убедил Ельцина и его окружение в том, что все общество жаждет жесткой державной политики и надо пустить в ход силу.

Отношения с Чечней всегда складывались трудно. Там, на Северном Кавказе, не забыли ни о крови, пролитой еще в прошлом веке, при завоевании Чечни, ни о том, как в 1944 году по приказу Сталина всех до единого чеченцев вывезли с родной земли. Чеченские лидеры среднего поколения родились в ссылке, и у каждого в семье были родственники, которые погибли во время депортации. Еще больше чеченцы были обижены тем, что перед ними не извинились и что они так и остались какой-то подозрительной нацией.

Чеченцы даже при советской власти жаловались, что их сознательно не берут на работу в ведущие отрасли промышленности, не пускают в науку. Руководящие посты в Чечено-Ингушской АССР доверялись только приезжим. В этом неразвитом, депрессивном регионе людям нечем было заняться. Мужчины разъезжались по всей стране на заработки. К 1991 году безработица в республике составляла триста тысяч человек.

Неустроенность и затаенное недовольство умножались на особенности национального характера и традиции. Здесь всегда легко хватались за оружие и были готовы доказывать свою правоту силой. И здесь не забыли завет народного героя Шамиля, сражавшегося с Россией: «Маленькие народы должны иметь большие кинжалы».

В ноябрьские дни 1990 года, на волне бурных перемен, происходящих в стране, в Грозном был создан Общенациональный конгресс чеченского народа. В Москве на это событие мало кто обратил внимание. Председателем исполкома конгресса чеченцы избрали соотечественника, которым

невероятно гордились, — генерал-майора Джохара Дудаева, командира дивизии авиации стратегического назначения с афганским опытом.

В августовские дни 1991 года власти Чечено-Ингушетии поддержали ГКЧП. Конгресс чеченского народа во главе с Дудаевым, напротив, встал на сторону Ельцина.

На первом этапе чеченского кризиса еще все можно было решить путем откровенных переговоров с Джохаром Дудаевым. Но для этого его нужно было пригласить в Кремль и разговаривать с ним уважительно. Ельцин наотрез отказывался это делать. Шанс договориться был упущен.

В июле 1992 года Дудаев писал Ельцину, предлагая в качестве первого шага договориться о сотрудничестве в нефтяных делах:

«Оглядываясь назад, на первые месяцы после августовского путча и распада Союза, нам обоим следует признать, что с обеих сторон были допущены ошибки и обидные промахи, и тем не менее я считаю, что время взаимных претензий прошло…

Оставляя за рамками обсуждения в настоящем послании все проблемы, накопившиеся в наших взаимоотношениях, считаю, что необходимо начать реальные практические шаги по сближению наших позиций немедленно, и именно в экономической сфере, из чего неизбежно произрастет и политический консенсус».

Ответа не последовало.

Наверное, сказывалось в первую очередь характерное для советских партийных руководителей пренебрежительно-покровительственное отношение к обитающим на юге народам как к прирожденным торгашам, которых нет смысла воспринимать всерьез.

Вся чеченская эпопея есть история ошибок, каждая из которых настолько ухудшала ситуацию, что российская власть вскоре оказалась в тупике. А ведь в самом начале с чеченцами еще можно было договориться на вполне приемлемых условиях, удержать республику под федеральным контролем без применения военной силы.

Дудаев хотел переговоров с Ельциным, считал, что с ним, лидером целого народа, должен встретиться сам глава России, но с ним вообще не собирались разговаривать. Руслан Хасбулатов, чье мнение как чеченца имело большое значение, даже слышать не хотел о Дудаеве.

Вице-президент Руцкой прилетел в Грозный, встретился с Дудаевым, и казалось, два генерала-летчика договорились. Но, вернувшись в Москву, Руцкой сказал на сессии Верховного Совета, что в Чечне просто расцвел бандитизм. Это было недалеко

от истины, но с кем-то в Грозном все-таки следовало договариваться. Руцкой оттолкнул и тех, с кем еще можно было иметь дело.

В ответ оскорбленный Джохар Дудаев объявил в Чечне мобилизацию. Фактически это было объявление войны Москве. Люди стали вооружаться, в республике началось производство собственных автоматов.

27 октября Дудаев был избран президентом Чеченской Республики, хотя эти выборы едва ли можно было назвать демократическими. 1 ноября первым же своим указом Дудаев объявил Чеченскую Республику суверенным и независимым государством.

Ирина Дементьева, специальный корреспондент «Известий», знаток ситуации на Северном Кавказе, говорила потом:

— Был ли Дудаев оголтелым сепаратистом? Думаю, что мы его таким сделали, а тогда у него не было никакой программы. Он хотел послужить своему народу, о котором, как человек военный, а значит, в чем-то ограниченный, имел поверхностное и несколько мрачноватое романтическое впечатление… Но, думаю, он и сам не знал еще, куда его загонят обстоятельства и чего ему ждать от России. У меня было тогда четкое впечатление, что протяни ему руку Ельцин — они бы поладили и нашелся бы чеченский вариант договора.

В 1992 и 1993 годах Россия была занята гайдаровскими реформами, и ей было не до Чечни. Москва фактически признала и самостоятельный статус Чечни, и Дудаева в качестве президента. А генерал максимально использовал эту удачную ситуацию. 31 марта 1992 года парламент Чечни заявил, что принимает под свою юрисдикцию все воинские части, вооружение и военную технику, находящуюся на территории республики. 1 апреля Дудаев потребовал вывода всех военнослужащих и членов их семей с территории Чечни. Но заявил, что армия должна оставить ему половину всей техники — иначе он не выпустит членов семей и их имущество.

Дудаев и генерал-лейтенант И. Строгов, действовавший от имени Министерства обороны России, подписали договор «О выводе войск и распределении имущества между Чеченской Республикой и Российской Федерацией».

В начале июня 1992 года закончился вывод федеральных войск с территории Чечни. Дудаеву осталось все оружие, которое находилось на территории республики, в том числе пусковые установки ракетных комплексов сухопутных сил, 260 учебно-тренировочных самолетов, 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 139 артиллерийских орудий, две с половиной тысячи автоматов и

27 вагонов боеприпасов… Недостатка в оружии и боеприпасах боевики знать не будут.

Счета Банка Чеченской республики были разблокированы, чтобы туда поступали пенсии. Правительство Дудаева получило право выдавать своим гражданам загранпаспорта. Это означало, что власть Дудаева в Москве признали де-факто.

Все идеи московских политиков относительно Чечни сводились к пустым мечтаниям о том, как хорошо было бы заменить плохое правительство Дудаева на послушное.

Такая возможность скоро представилась. В Грозном, как и в Москве, началось противостояние властей. Ельцин вел изматывающую войну с Верховным Советом. Дудаев тоже поссорился с собственным парламентом, но действовал решительнее. Когда его попытались убить, он распустил парламент и ввел прямое президентское правление.

Антидудаевская оппозиция отступила в Надтеречный и Урус-Мартановский районы. В декабре оппозиция образовала Временный совет Чеченской Республики. Его возглавил бывший милиционер из Сухуми Умар Автурханов, глава администрации Надтеречного района. Он выражал готовность подчинить Москве взбунтовавшуюся республику.

В 1994 году стало ясно, что никем не контролируемая территория становится питательной почвой для терроризма.

Все, кто мог, вооружились — или с оружием в руках стали зарабатывать на жизнь, или, напротив, защищаться от бандитов. В худшем положении оказались русские, им неоткуда было взять оружие, и они чаще всего становились жертвами уголовников.

— С самого начала было ясно, что один из субъектов Российской Федерации захвачен бандой, — рассказывал мне Евгений Савостьянов, который тогда был заместителем директора Федеральной службы контрразведки. — Бороться с Дудаевым пытались, но достаточно вспомнить, что представляла собой тогда власть в России, чтобы понять, что сделать что-либо было невозможно.

И зараза поползла по всему Северному Кавказу. Конфедерация народов Северного Кавказа превратилась в агрессивную вооруженную силу. Чечня вообще стала бандитской территорией, оттуда потекли фальшивые банковские документы (авизовки) и рэкетиры. Болезнь стала развиваться по худшему сценарию. То ли как раковая опухоль, которая дала метастазы сначала по всему Кавказу, потом в глубь России. То ли как острый воспалительный очаг, который отравляет весь организм в целом. Но два с лишним года никто чеченскую проблему не замечал. Все шло как шло. Только в 1994-м руки дошли до Чечни…

Во второй половине 1994 года Федеральная служба контрразведки предложила свой вариант решения чеченской проблемы: дать оппозиции оружие и деньги, и она сама свергнет Дудаева. Казалось, что его власть ослабла и его противники могут взять верх. И действительно — авторитет Дудаева упал. Он сумел только провозгласить независимость республики, а наладить жизнь ему было не под силу.

Федеральная служба контрразведки убедила Ельцина, что можно решить чеченскую проблему руками оппозиции, вроде как без вмешательства армии: сами чеченцы наведут порядок в республике и попросят Москву взять их под свое крыло. Люди из спецслужб — мастера уговаривать. Многие политики попадали в глупое положение, поверив в их обещание обделать самое заковыристое дельце без шума и пыли…

Во второй половине ноября оппозиция атаковала войска Дудаева. Тогда оппозиция получила от федеральной армии бронетранспортеры, вертолеты и сорок танков.

Танкистов оперативники Федеральной службы контрразведки нашли в частях Московского военного округа. Солдаты формально увольнялись из рядов вооруженных сил, и с ними подписывали липовые контракты на «обслуживание боевой техники в экстремальных условиях». Офицерам оформляли отпуск. Контрактников доставляли на Чкаловский аэродром, оттуда они летели в Моздок (город в Северной Осетии), а дальше на вертолетах или прямо на броне их доставляли в районы, контролируемые оппозицией. Операция была подготовлена из рук вон плохо и закончилась плачевно. Сорок танков и тысяча пехотинцев — явно недостаточные силы для захвата города.

26 ноября отряды оппозиции, поддержанные танками и федеральной пехотой, вошли в Грозный. Но в тот же день отряды оппозиции были разгромлены боевиками, верными Дудаеву. Танки легко дошли до центра города, где они были уничтожены из гранатометов. Танкисты — несчастные ребята — попали в плен и признались, что их отправила в Чечню Федеральная служба контрразведки. Чеченцы пригласили телевидение, чтобы операторы засняли признания захваченных в плен солдат и офицеров.

Министр обороны Павел Грачев публично отрекся от своих подчиненных, заявив, что такие люди, мол, не числятся в списках личного состава Вооруженных сил России. Он действовал как сговорились: утверждал, что все это работа самой чеченской оппозиции. Но получилось омерзительно, командир не может оставить своих солдат в трудной ситуации…

Солдаты федеральных сил, которых, ничего не объясняя,

отправили в Чечню, не могли толком понять, ради чего они воюют на своей собственной земле. Неужели нельзя было договориться? И подозревали, что в неблагоприятной ситуации их тоже могут бросить на произвол судьбы. Это в значительной степени предопределило грядущее поражение в первой чеченской войне.

Директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин — в отличие от других силовых министров — не прятался тогда за чужие спины, а взял на себя ответственность за трагедию в Грозном. Он не побоялся сознаться в том, что в плен захвачены именно российские солдаты и офицеры, и сделал все от него зависящее для освобождения их из плена. Всех танкистов, штурмовавших Грозный, по его приказу зачислили в штат Федеральной службы контрразведки, чтобы уволить их с правом на пенсию. Погибших танкистов зачислили задним числом, чтобы родные тоже получили пенсию.

А в Москве президент Ельцин испытал чудовищное унижение: ему утер нос какой-то генерал-чеченец, которого он и на порог не пускал! Борис Николаевич прислушался к ястребам и потребовал немедленно подавить мятеж. Душа Ельцина жаждала мести. И все вокруг уверяли президента, что задавить Дудаева несложно.

Первая чеченская война

Совет безопасности принял решение о полномасштабной военной операции в Чечне. Военные докладывали, что настоящего противника в Чечне нет и быть не может,

там есть некоторое количество вооруженных бандитов — они, завидев наступающую армию, быстро разбегутся.

Министр обороны Павел Грачев приказал создать оперативную группу по Чечне. Группу возглавил заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал Анатолий Квашнин.

В Моздоке собрался высший генералитет. Генерал армии Андрей Николаев, который участвовал в этом совещании, сказал министру обороны Грачеву, что операция не готова. Об этом доложил потом и Ельцину. Генерал Николаев мог говорить откровенно, он Грачеву не подчинялся. К Николаеву не прислушались, потому что другие сулили быстрый успех.

Решение о военной акции было принято на заседании Совета безопасности. В него входили, помимо Ельцина: Павел Грачев, министр юстиции Юрий Калмыков (он, похоже, единственный был против военной операции), министр иностранных дел Андрей Козырев, директор Федеральной пограничной службы Андрей Николаев (отсутствовал), директор Службы внешней разведки Евгений Примаков, председатель Государственной думы Иван Рыбкин, директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин, министр по делам чрезвычайных ситуаций Сергей Шойгу, председатель Совета федерации Владимир Шумейко…

— Но как же такой опытный человек, как Ельцин, мог втянуться в подобную авантюру? — спросил я у Георгия Сатарова.

— Это же нормальная для первого секретаря обкома психология, — ответил бывший помощник президента. — Он знает, что наша армия лучшая в мире. Поставьте себя на место этого секретаря обкома и подумайте: ну как не верить человеку, который говорит: «Борис Николаевич, там у них в Чечне, конечно, осталось несколько винтовок. Но все остальное у нас. Борис Николаевич, мы что, их за два дня не раздавим, что ли?» Да разве Ельцин мог думать иначе? Да и мы все были уверены в этом!..

Бывшие сотрудники Министерства обороны говорили, что Грачев, вероятно, чувствовал, что его позиции заколебались, и хотел их укрепить успешной операцией в Чечне.

На том историческом заседании Совета безопасности Ельцин спросил Грачева: «Сколько дней тебе надо на подготовку?» Грачев бухнул: «Три дня». Черномырдин и тот изумился: «Павел

Сергеевич, ты хоть десять дней возьми». Грачев согласился: «Ну, неделя нужна».

Впрочем, близкие к Грачеву люди утверждали, что все было как раз наоборот: министр обороны предупреждал, что боевые действия примут затяжной характер. Но некоторые члены Совета безопасности возмутились нерешительностью министра, и тот вынужден был назвать нереальные сроки, чтобы избежать обвинений в трусости.

6 декабря министр обороны Грачев и министр внутренних дел Ерин встретились с Дудаевым на территории Ингушетии. Дудаев был готов договариваться, но он хотел, чтобы ему оказали уважение, чтобы его принял сам президент Ельцин. В тот момент чеченцев устроил бы договор о разграничении полномочий между республикой и федеральной властью.

Грачев сказал, что они с Дудаевым, как люди военные, поняли друг друга. 12 декабря во Владикавказе должны были начаться переговоры. Дудаеву сказали: вас ждет встреча с Борисом Николаевичем в Сочи. Генерал был счастлив, сшил новую форму.

Но Ельцин уже подписал секретный указ № 2137 о наведении конституционного порядка в Чеченской Республике. 11 декабря российские войска пересекли административную границу Чечни.

Части, которые двигались через Ингушетию, были блокированы местными жителями и пробивались с боями. Войска, которые шли через Дагестан, были блокированы в Хасавюртовском районе, населенном чеченцами-аккинцами.

Продвинулись только те, кто двигался через районы, занятые оппозицией. В первый раз они столкнулись с сопротивлением в десяти километрах от Грозного.

16 декабря Совет федерации предложил президенту прекратить боевые действия и вступить в переговоры.

17 декабря Ельцин отправил Дудаеву телеграмму: «Предлагаю без промедления Вам встретиться с моими полномочными представителями Егоровым и Степашиным в Моздоке». От генерала требовали подписать документ о сдаче оружия и прекращении огня. Самолюбивый Дудаев воспринял это требование как оскорбление.

На совещании у Черномырдина Грачева спросили:

— Сколько вам надо времени на завершение боевой операции?

Министр обороны мрачно ответил:

— Полгода.

19 декабря Грачев отстранил от руководства командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-полковника Алексея

Николаевича Митюхина. Митюхин докладывал о «неготовности органов управления, пунктов управления и в целом войск для ведения боевых действий». Плохое материальное снабжение ухудшало моральное состояние солдат и офицеров.

Грачев предложил принять командование первому заместителю командующего сухопутными войсками генерал-полковнику Эдуарду Воробьеву. Генерал два дня изучал ситуацию и доложил министру, что операция совершенно не подготовлена. Она рассчитана на устрашение, а не на ведение реальных боевых действий. Воробьев вскоре был отправлен в отставку. Командовать Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике взялся генерал-лейтенант Анатолий Квашнин.

26 декабря на заседании Совета безопасности было принято решение штурмовать Грозный.

31 декабря штурм начался.

Войска действовали так, как их учили. Но они имели дело не с регулярной армией, которая должна была отступить под давлением превосходящих сил противника, а с партизанскими отрядами, а им бежать некуда. Танковые колонны прорвались к центру города, но чеченцы не прекратили сопротивления. Они методично уничтожали танк за танком. Федеральные войска несли огромные потери.

Один из руководителей военной разведки потом совершенно серьезно объяснял депутатской комиссии, что штурм Грозного в ночь на 1 января был неудачным потому, что у армии были карты города 1991 года, а за это время дудаевское руководство выстроило новые опорные пункты…

Наступавшие под командованием генерала Константина Пуликовского 131-я (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада и 81-й (Самарский) мотострелковый полк были разгромлены. В плен попало больше ста человек.

Для Ельцина это был тяжелый удар. Когда телевидение показало несчастных солдат, взятых в плен чеченцами, президент понял, в какую неприятную историю он попал.

Ельцин мог поступить двояко.

Либо признать, что совершена ошибка, и приступить к поиску политического решения чеченской проблемы. Но в таком случае пролившаяся кровь, большие жертвы лишали его шансов на переизбрание…

Либо сделать вид, что ничего не произошло, и приказать армии немедленно подавить сопротивление в Чечне, рассчитывая на то, что победителей не судят.

Ельцин сразу решил для себя, что он не станет признаваться в

своих ошибках. Не бывает ошибающихся президентов… Началась настоящая война. Она оттолкнула от Ельцина почти всех его сторонников. Отношение к нему резко изменилось. Мало кто сохранил ему верность — помимо тех, для кого он был работодателем. Тогда, в 1995 году, он перестал в глазах людей быть реформатором и стал властителем — таким же, как многие другие, кого люди не любят и не уважают, вынуждены терпеть, но не более.

Кровавая чеченская война — пожалуй, главное, что можно поставить в вину президенту Ельцину. Убитые, раненые, искалеченные там — на его совести. Он начал эту войну, он не подготовил армию к такой войне, он не нашел командиров, которые смогли бы вести ее на современном уровне.

27 апреля 1995 года Ельцин подписал указ «О дополнительных мерах по нормализации обстановки в Чеченской Республике». Он объявил мораторий на боевые действия на время празднования 50-летия Победы — с 28 апреля по 12 мая. В Москву прилетали руководители ведущих стран Запада, и Ельцин понимал, что, если их беседы пойдут под артиллерийскую канонаду, ему не избежать крайне неприятных вопросов.

Военные потом утверждали, что апрельский мораторий был большой ошибкой. Боевики отдохнули и накопили силы, а в федеральных силах, напротив, началось разложение — войска попадали в засады, гибли в мелких стычках и, чтобы обезопасить себя, договаривались с полевыми командирами: мы с вами не воюем, сидим тихо, друг друга не трогаем.

К середине июня, через полгода после начала операции, федеральные силы заняли основные горные районы, рассекли позиции боевиков и оттеснили их к грузинской границе. Казалось, до полной победы рукой подать. После праздничного моратория федеральная авиация возобновила бомбардировки.

В ответ Совет полевых командиров потребовал перевести войну на территорию России. Шамиль Басаев заявил, что он займется диверсионно-подрывной деятельностью — такая тактика заставит Москву сесть за стол переговоров. На слова какого-то Басаева федеральные силы не обратили внимания. И напрасно.

Шамиль Басаев в ноябре 1991 года организовал угон самолета из Минеральных Вод в Турцию. С 1992-го командовал ротой и батальоном чеченского спецназа. Когда Абхазия начала войну против Грузии, Басаев отправился туда во главе отряда Конфедерации народов Кавказа. Он был одним из руководителей обороны Грозного.

Через несколько лет президент Ингушетии Герой Советского Союза Руслан Аушев расскажет, что Шамиль Басаев, у которого

руки по локоть в крови, сотрудничал с Главным разведывательным управлением Генерального штаба Российской армии. Тот же факт предал гласности бывший директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин. Только более осторожный Степашин не называл военную разведку, а говорил об «одной из спецслужб».

Сотрудничество Шамиля Басаева с «одной из наших спецслужб», предположительно военной разведкой, началось несколько лет назад, когда шли бои в Абхазии. Абхазцы подняли восстание против правительства, выбили грузинские войска со своей территории и создали никем не признанную республику.

Конфедерация народов Кавказа, которая объединила различные националистические движения, объявила о своей солидарности с Абхазией. Первыми туда пришли отряды кабардинцев и адыгейцев. Министром обороны Абхазии стал кабардинец Солтан Сосналиев, бывший полковник Советской армии. В середине 1992 года в Карачаево-Черкесии остановили военную колонну, состоящую из чеченцев. Но из Москвы пришел приказ пропустить. Это чеченские отряды шли на помощь Абхазии. Помимо Басаева в Абхазии сражался еще один будущий полевой командир — Руслан Гелаев.

Чеченцы воевали в Абхазии вахтовым способом, одни заменяли других, в результате несколько тысяч боевиков получили там боевую подготовку. Абхазии неофициально помогали российские военные — как минимум оружием и боевой техникой, хотя никто в этом признаваться не желает. Вот тогда на почве борьбы с общим врагом и объединились российские спецслужбы и мало кому известный Шамиль Басаев.

Очень скоро он станет известен всему миру.

14 июня 1995 года «отдельный разведывательно-диверсионный отряд Ичкерии» под командованием Басаева захватил в городе Буденновске Ставропольского края больше полутора тысяч заложников и укрылся в здании городской больницы.

Басаев потребовал прекратить войну, вывести федеральные войска из Чечни и начать переговоры о предоставлении республике независимости. Он сразу расстрелял шесть заложников, чтобы показать серьезность своих намерений. На следующий день Басаев потребовал пропустить к нему журналистов. Власти отказались. Тогда он расстрелял еще пятерых заложников.

Спецподразделения контрразведки и МВД пытались штурмом взять здание больницы. Бой шел четыре часа. Атакующие захватили первый этаж, боевики укрылись на третьем. Погибли

сто двадцать заложников, еще восемьдесят были ранены. Продолжение штурма грозило еще большими жертвами среди мирного населения.

Президент Ельцин именно в этот момент улетел в Канаду на встречу руководителей семи наиболее развитых государств.

Тогда глава правительства Виктор Черномырдин связался по телефону с Басаевым и обещал ему начать переговоры. Знаменитый разговор записало телевидение.

— Я сейчас же даю команду, указание о прекращении боевых действий и всех бомбежек в Чечне, — говорил Черномырдин Басаеву. — Шамиль Басаев, я нахожусь на работе. Я отвечаю за все, что сегодня происходит в стране.

18 июня прошло в переговорах.

Рано утром 19 июня Черномырдин и Басаев договорились о прекращении боевых действий, Басаев и его боевики смогли уехать под прикрытием ста сорока заложников, среди которых было девять депутатов и шестнадцать журналистов. Басаев увез с собой семнадцать трупов своих людей.

В последний момент спецслужбы предприняли еще одну неудачную попытку остановить Басаева. Об этом через четыре года рассказал уже бывший глава правительства Виктор Черномырдин.

В автобусах, предоставленных Басаеву, установили баллоны с усыпляющим газом. Но Басаев не был наивным человеком. Он поменял водителей на своих людей. Они обнаружили баллоны. Басаев, торжествуя, вернулся домой.

Когда Басаев возвращался из Буденновска, всю ночь его автобусы, в которых было много заложников, сопровождали вертолеты Ми-24 из Буденновского вертолетного полка. Был момент, когда вертолеты развернулись и на небольшой высоте стали кружить над степью. Стало ясно, что они готовы уничтожить автобусы ракетами. В какой-то момент Шамилю Басаеву и его боевикам стало страшно. Но приказа открыть огонь вертолетчики не получили.

Борис Ельцин крайне болезненно воспринял события в Буденновске. Он еще не знал, каким эхом это отзовется в декабре на выборах в Государственную думу, но видел, что доверие к нему в стране опустилось до ничтожно малых величин. Нетрудно было понять, какие настроения царят за толщей кремлевских стен, что там обсуждается в тиши кремлевских коридоров и тщательно охраняемых кабинетов.

После буденновских событий Аркадия Вольского попросили предложить Дудаеву вместе с семьей уехать за границу. Его готова была принять Иордания. Выделили самолет и деньги. Но

Дудаев отказался, горько сказал Вольскому:

— Я был о вас лучшего мнения. Не думал, что вы мне предложите бежать отсюда. Я советский генерал. Если умру, то умру здесь…

А 1996 год начался трагическими событиями.

Ранним утром 9 января отряды под командованием Салмана Радуева, бывшего инструктора Чечено-Ингушского обкома комсомола, напали на дагестанский город Кизляр. Он намеревался захватить военный аэродром. Когда план провалился, захватил около двух тысяч заложников и укрепился в городской больнице. Радуев потребовал начать вывод войск из Чечни, в противном случае обещал расстрелять заложников и двух убил сразу.

Дагестанские власти вступили с ним переговоры и уговорили уйти. Большинство заложников было освобождено, и отряд Радуева, получив грузовики и автобусы, двинулся назад в Чечню. Но на сей раз в Москве решили не позволить боевикам уйти безнаказанно. Как только Радуев покинул территорию Дагестана, вертолет обстрелял колонну ракетами. Террористы захватили в заложники еще тридцать семь бойцов новосибирского ОМОНа, отошли в село Первомайское и заняли круговую оборону.

Операцией командовали два генерала армии — министр внутренних дел Анатолий Куликов и директор Федеральной службы безопасности Михаил Барсуков, верный друг Коржакова. Прилетели также генерал-полковник Анатолий Квашнин, назначенный командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, и заместитель директора Федеральной пограничной службы генерал-полковник Николай Бордюжа. Словом, в генералах недостатка не испытывали. Противостоял многозвездным военачальникам бывший инструктор обкома комсомола.

Разработали два плана. Первый — выпустить Радуева из села и, когда его отряд будет в пути, освободить заложников силами группы «Альфа». Второй — захватить село и не только освободить заложников, но и уничтожить боевиков. Выбрали второй вариант. Ельцин план одобрил.

Боевиков окружили со всех сторон. Контрразведка перебросила спецподразделение по борьбе с терроризмом «Альфа», МВД — отряды ОМОН, СОБР и «Витязь», Министерство обороны — два усиленных батальона, танки,

артиллерию и установки залпового огня «Град». Численность группировки составила две тысячи семьсот человек.

Барсуков доложил Ельцину, что боевики в ловушке, каждый на прицеле у снайпера и скоро с ними будет покончено.

Президент наивно повторил журналистам слова директора Федеральной службы безопасности и попал в глупое положение, потому что ничего у Барсукова не получилось.

Штурм села продолжался четыре дня. Первомайское было разрушено. Но генерал армии Барсуков, не имея военного опыта, не сумел организовать эту операцию, наладить взаимодействие разных частей. Потом ее участники жаловались на полнейшую неразбериху и бестолковщину. Солдат даже не могли покормить. Боевики хорошо подготовились к обороне, оборудовали траншеи, стрелковые ячейки, укрытия в подвалах домов, а против них бросили милиционеров из ОМОНов и СОБРов, не имеющих боевого опыта, они несли большие потери. На второй день в бой бросили пограничников и десантников. Плохая погода благоприятствовала боевикам. Большая группа боевиков во главе с самим Радуевым преспокойно бежала из окружения, и догнать их не смогли. Это был день позора.

После возвращения из Первомайского директор ФСБ Барсуков выступил на пресс-конференции, которая окончательно испортила его репутацию. Сначала Барсуков долго рассказывал, как они замечательно организовали эту операцию, а потом косноязычно объяснил, почему не удалось взять боевиков:

— Мы только одного не могли рассчитать, что с такой скоростью можно ходить по заснеженному полю и по такой вот пахотной земле — я впервые вот это встречаю, особенно когда увидел, что боевики снимали башмаки и без обуви шли, меня это тоже несколько так… потому что я не знал этого, что, когда на карту, видимо, поставлена жизнь, готовы и ботинки снять, разуться и босиком, с голыми пятками бежать…

Это было откровение Барсукова, над которым смеялась вся страна. Ну что делать, если от начальника такой могущественной службы боевики босиком убегают.

За лимузином Ельцина теперь следовала дополнительная машина — с офицерами спецназа, вооруженными по-армейски, включая гранатометы. На самом деле до Москвы террористы доберутся не скоро — осенью 1999 года, что станет поводом для второй чеченской войны.

12 марта 2000 года, во время второй чеченской кампании, Салмана Радуева арестовали. Через год он был приговорен к пожизненному заключению. Справедливость восторжествовала.

О Радуеве говорили, что у него нет пол черепа, что он вообще не в себе. Но его обследовали в Институте имени Сербского, и психиатры увидели перед собой адекватно мыслящего, жестокого и ненавидящего своих врагов человека.

Единственное, что меня несколько удивило, это то, что дело

Радуева рассматривалось в Верховном суде Дагестана. Формально все правильно — его судили по месту совершения преступления. Но это дело мог бы принять к рассмотрению в качестве суда первой инстанции Верховный суд России. В порядке исключения, поскольку Радуев обвиняется в невиданных преступлениях. Недаром в процессе обвинение поддерживал сам генеральный прокурор Владимир Устинов.

Увидеть Салмана Радуева на скамье подсудимых было очень важно, это означало, что наказание неотвратимо. Но суд должен был еще и установить обстоятельства, при которых это преступление стало возможным, а также выяснить, почему правосудие совершается с таким опозданием — через пять с лишним лет после совершения преступления.

Если бы дело рассматривал Верховный суд страны, то он с помощью генерального прокурора мог бы не сводить это дело к чистой уголовщине. И вызвал бы в качестве свидетелей и генерала Куликова, и генерала Барсукова, и других генералов и офицеров, причастных к этой операции, а заодно и бывших сотрудников администрации президента, занимавшихся Чечней.

Страна узнала бы, наконец, как все это случилось. Каким образом вооруженный отряд Радуева смог преспокойно войти в дагестанский город? Кто конкретно планировал и осуществлял контртеррористическую операцию, которая была проведена так бездарно и завершилась так трагически? Кто виноват и кто был наказан? Тем самым был бы не только наказан преступник и его подельники, но и извлечены уроки для нынешних и будущих руководителей страны, армии и специальных служб.

Начальник штаба чеченских сил полковник Аслан Масхадов, вероятно, не был причастен к акциям Басаева и Радуева. Что касается генерала Дудаева, то, если он и не планировал эти операции, во всяком случае, публично их поддержал: «Это запланированная акция, чтобы показать, что так не выйдет — чтобы мы здесь детей купали в крови, а соседи купались бы в молочке».

Добраться до Басаева и Радуева и отомстить за кровь и унижения федеральным силам тогда не удалось. А Дудаев был убит в ночь на 22 апреля 1996 в районе села Гехи-Чу.

Считается, что удалось запеленговать его спутниковый телефон и его убили выпущенной со штурмовика Су-25 самонаводящейся ракетой «воздух — земля», которая предназначена для уничтожения радиолокационных станций. Головка самонаведения ракеты была настроена на волну его спутникового телефона.

По некоторым данным, Дудаева убили с пятой попытки.

Ракетные удары наносились по тем местам, откуда Дудаев вел переговоры с полевыми командирами по спутниковой связи. Как только самолеты-разведчики пеленговали выход Дудаева в эфир, в воздух поднимали два самолета с приказом нанести ракетный удар. Четыре раза ничего не получалось: Дудаев прекращал разговор до того момента, как головки самонаведения ракеты успевали нащупать цель. В ночь на 22 апреля 1996 года в районе Гехи-Чу Дудаев говорил слишком долго…

Впрочем, есть специалисты, которые полагают, что Дудаев попал под обстрел и погиб случайно.

Почему же все-таки специальные службы вовремя не избавили страну от этой напасти? Казалось бы, достаточно убрать всего нескольких человек — тех, кто командует боевиками, кто отдавал приказ о террористических акциях, — и не было бы двух чеченских войн и страшных взрывов в наших городах? Так почему же, скажем, не убрали сразу генерала Джохара Дудаева?

— Не умели, — рассказывал мне Евгений Савостьянов, который был тогда заместителем директора Федеральной службы контрразведки. — Думаю, если бы была такая возможность — это бы сделали. Возможности не было…

— Несколько наших офицеров рассказывали после войны, что они держали на прицеле и Джохара Дудаева, и Шамиля Басаева, и Салмана Радуева, но им не позволили их вовремя уничтожить. Так, значит, в Москве просто не решались это сделать?

— Возможности не было, — повторил Савостьянов. — Я помню эпизод, он относится к 1994 году. Узнали, когда будет проходить заседание правительства Дудаева — и в каком именно кабинете. Два вертолета вышли на цель и двумя ракетами поразили помещение. Но они летели навстречу слепящему солнцу, а в Грозном в то время существовали две башни — два высотных здания, которые господствовали над всем рельефом: здание правительства — дворец Дудаева и обычный жилой дом. Так вот они умудрились влепить две ракеты в другой дом и разнесли обычную квартиру. А если бы летчики не промахнулись тогда, то вполне возможно, что события развивались бы иначе…

Чисто психологически после смерти Дудаева наши военные наверняка испытали чувство глубокого удовлетворения. Практически это мало что изменило, потому что боевыми действиями руководили другие — в первую очередь бывший полковник Советской армии Аслан Масхадов.

25 июня 1996 года Ельцин подписал указ № 985 о выводе войск из Чечни. Там должны были остаться только 205-я мотострелковая бригада и 101-я бригада внутренних войск.

27 мая президент Чечни Зелимхан Яндарбиев прибыл в

Москву и подписал с президентом России Ельциным договоренность «О прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». С Дудаевым Борис Николаевич не хотел разговаривать, а в результате сел за стол переговоров с куда более непримиримо настроенным человеком. Яндарбиев был главным идеологом отделения от России и войны с Россией.

На следующий день, пока чеченская делегация оставалась в Москве (гостей отвезли в одну из подмосковных резиденций) — фактически в качестве заложников, Ельцин вылетел на Северный Кавказ. Поездка готовилась заранее. За несколько недель туда выехала передовая группа службы безопасности президента под руководством вице-адмирала Захарова. Самолет сел в Моздоке, оттуда на пятнадцати вертолетах отправились в Ханкалу — и никто не знал, в какой машине президент.

Ельцин побывал в Грозном. Поздравил военнослужащих 205-й мотострелковой бригады с победой в чеченской войне, подписал указ о досрочном увольнении в запас всех раненных в боях, а также тех, кто участвовал в боевых действиях не менее полугода, и тут же вылетел в Москву. Ельцин твердо сказал, что война закончена и каждый выстрел со стороны федеральных сил станет предметом расследования. На следующий день делегация Яндарбиева вернулась в Чечню. Аслан Масхадов отдал распоряжение воздержаться от боевых действий. Предполагалось, что боевики сдадут оружие к 7 августа, федеральные войска уйдут к 30 августа.

Но после победы Ельцина на президентских выборах боевые действия возобновились. Федеральные войска заявили, что крупных очагов сопротивления больше нет и неприступные базы в Западной Чечне ликвидированы. Военные обещали до конца года, если им не помешают политики, завершить все спецоперации и добить боевиков. И вдруг все планы федеральных командиров рухнули.

6 августа 1996 года, на рассвете, в Грозный, не встретив сопротивления, вошли отряды боевиков общей численностью около трех тысяч человек. Военные знали о возможности штурма, но не приняли предупреждение всерьез. Накануне из города — для проведения боевой операции — была выведена часть сил. Федеральные войска понесли большие потери, были раздроблены и блокированы в разных частях города. Только на шестой день боев основные силы армии прорвались к осажденным. Новый министр обороны Игорь Родионов действовал крайне неуверенно.

Это был последний удар по репутации армии и спецслужб. Страна требовала прекратить войну. 10 августа 1996 Ельцин,

вновь избранный президентом, объявил траур в связи с потерями в Чечне и назначил секретаря Совета безопасности Александра Лебедя своим представителем в Чечне. Лебедь предложил Ельцину прекратить боевые действия и вывести федеральные войска из Чечни. Как выразился Александр Иванович, нам «некем, нечем и незачем воевать». Ельцин согласился с планом Лебедя.

Лебедь прилетел в Дагестан, оттуда добрался до Чечни. Это была опасная поездка, но мужества и храбрости Александру Ивановичу не занимать. В ночь с 11 на 12 августа в районе селения Старые Атаги Лебедь вел переговоры с начальником штаба чеченских войск Асланом Масхадовым. Они договорились о прекращении боевых действий.

14 августа Ельцин принял Лебедя и одобрил его мирный план. На следующий день Лебедь в районе села Старые Атаги встретился с Масхадовым и президентом Чечни Яндарбиевым.

17 августа командующий федеральными силами генерал Константин Пуликовский подписал приказ о прекращении боевых действий на территории Чечни. Но военные и министр внутренних дел Анатолий Куликов считали, что боевиков нужно добить.

20 августа Пуликовский неожиданно для Лебедя заявил, что дает всем жителям Грозного сорок восемь часов, чтобы покинуть город, потому что в четверг, 22 августа, начнется операция по очистке города. Генерал предупредил, что пустит в ход бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию.

Но Ельцин дал указание Лебедю немедленно закончить боевые действия. 21 августа Александр Иванович прилетел в Чечню.

Сам Пуликовский рассказывал потом журналистам:

— Мы готовили в Грозном «котел». И тут появился Лебедь. С полномочиями от имени президента «решать все вопросы по урегулированию положения дел в Чечне». Считаю, что единственная моя ошибка была в том, что я его принял. Загнал бы на взлетную полосу танк, и самолет ушел бы на другой аэродром. Пока бы Лебедь сюда добирался, мы бы запланированную операцию провели. Лебедь сказал, что вот-вот «взорвется» вся страна, что Ельцину предстоит очень серьезная операция, а после операции минимум восемь месяцев он будет недееспособным. И что в октябре 1996 года планируются досрочные выборы президента. Он был уверен, что президентом выберут его. Ему нужен был ореол миротворца, и он отменил операцию.

В ночь на 22 августа Лебедь в Чечне подписал вместе с

Масхадовым документ об отводе войск и прекращении боевых действий. Лебедь говорил о том, что усталые, равнодушные солдаты не могут и не хотят продолжать войну:

— Война будет прекращена, а те, кто намерен мешать этому, будут отстранены.

30 августа в Хасавюрте Лебедь и Масхадов подписали совместный документ «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой». В этом документе был заложен принцип «отложенного статуса» Чечни, смысл которого — отложить решение этого болезненного вопроса на будущее, а пока что попытаться наладить какое-то сотрудничество. Договорились, что политическое соглашение о Чечне будет подписано до 31 декабря 2001 года.

Глава правительства Виктор Черномырдин одобрил действия Лебедя. Военные считали это предательством. В аппарате правительства и президентской администрации говорили, что Лебедь вышел за рамки своих полномочий и подписал то, что не имел права подписывать.

Тогдашний глава Чеченской Республики Доку Завгаев сказал, что Лебедь совершил государственный переворот в Чечне и сдал Грозный бандитским формированиям. Его заместитель Николай Кошман вспоминал позднее:

— В Грозном боевики сразу стали ездить на бэтээрах и кричать «Аллах акбар!». Хасавюртское соглашение превратилось в нашу капитуляцию. Нас оттуда выгнали.

1 октября начальник главного штаба вооруженных формирований чеченской оппозиции Масхадов заявил по телевидению:

— Как только российские войска уйдут, мы построим исламское государство.

2 октября в Государственной думе министр внутренних дел генерал Анатолий Куликов назвал хасавюртские соглашения лживыми — они выгодны только тем силам, которые стремятся уничтожить Россию.

В конце 1996 года закончился вывод федеральных войск из республики.

Ельцин сказал, что Чечне не будет предоставлена независимость. Новый министр иностранных дел Евгений Примаков предупредил иностранных послов, что признание независимости Чечни повлечет за собой разрыв дипломатических отношений. Но фактически российское руководство не собиралось предъявлять права на Чечню и вмешиваться в ее дела. Чеченцы сами не смогли использовать этот шанс самостоятельно

организовать свою жизнь.

В мае 1997 года Ельцин и Масхадов подписали договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Ельцин поручил все чеченские дела Ивану Рыбкину, который стал секретарем Совета безопасности, и его заместителю Борису Березовскому. Договор стал пустой бумажкой. Федеральные власти не захотели или не смогли изменить ситуацию в Чечне…

Олигархи, Чубайс и Татьяна Дьяченко

Сергей Филатов рассказывал, как 4 января 1996 года он пришел к президенту с очередным докладом. Страна в новогодние праздники еще отдыхала, но в администрации все работали, и Борис Николаевич приехал в Кремль. Филатов начал докладывать. Ельцин неожиданно сказал:

— Отложите все это. Может быть, вам это все не понадобится.

Филатов вопросительно посмотрел на президента. Ельцин сообщил ему:»

— Во-первых, я решил идти на выборы. Филатов:

— Поздравляю вас, это очень правильный шаг. Президент сказал:

— Вот в Государственную думу выборы мы проиграли, коммунисты пришли, поэтому я считаю своим долгом еще четыре года быть президентом. Во-вторых, я хочу, чтобы вы вместе с Сосковцом возглавили предвыборную кампанию. Сосковец — начальник штаба, вы — его заместитель, будете работать с общественностью и интеллигенцией.

Это была вежливая форма отставки. Но Борис Николаевич действительно нуждался в сильном предвыборном штабе. Он не сразу решился идти на второй срок. Осенью 1995 года, по свидетельству его помощника Георгия Сатарова, сказал одному из самых близких людей:

— Я пойду на следующие выборы, только если не увижу кого-то, кто может меня сменить.

Георгий Александрович Сатаров склонен считать, что Ельцин говорил искренне — не нашел сменщика-единомышленника, сам пошел на выборы и надорвался… Мне кажется, Ельцин — пока был относительно здоров — по природе своей не мог отказаться от власти и покинуть Кремль. Он сделает это в конце 1999 года, чувствуя, что силы его покидают. И тогда он передаст страну человеку, которого никак нельзя считать его единомышленником.

Борис Николаевич Ельцин вступил в президентскую гонку в 1996 году в исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Он достаточно давно находился у власти, и у людей были все основания винить его во всех неудачах экономической жизни. Да, собственно, одной только неудачной войны в Чечне было достаточно для того, чтобы погубить любую политическую карьеру.

15 января 1996 года появился Общероссийский штаб по подготовке выборов президента. Его возглавил первый вице-премьер Олег Сосковец, заместителями стали новый

руководитель администрации президента Николай Егоров, его предшественник Сергей Филатов, мэр Москвы Юрий Лужков. Ельцин утверждал, что это не его предвыборный штаб, а общегосударственный. Никто ему, конечно, не поверил. Государственная дума потребовала, чтобы Сосковец приехал и рассказал, что это за штаб, который не предусмотрен законами.

Но дело было не в этом. Предвыборную кампанию президент доверил людям, лично ему преданным. Но для них работа в ельцинском штабе была чем-то вроде общественной нагрузки, а тут нужны были профессионалы. Олег Сосковец не годился на роль руководителя штаба — он надеялся только на административные меры, а следовало предложить совершенно неожиданную стратегию борьбы за голоса. В состав штаба попал бизнесмен Борис Березовский. Судя по всему, он первый убедился в несостоятельности Сосковца и стал внушать это дочери президента Татьяне Дьяченко.

Ключевой фигурой в выборах 1996 года станет Анатолий Чубайс. Причем вначале его кандидатура никому не приходила в голову. Ельцин, по существу, открыл предвыборную кампанию увольнением первого вице-премьера Чубайса, и казалось, блестящая государственная карьера Анатолия Борисовича закончилась.

Борис Николаевич менял либералов, на которых возлагали вину за все трудности, на хозяйственников и силовиков. Ельцин отправил в отставку Чубайса и заменил его крепким хозяйственником — директором Волжского автомобильного завода Владимиром Каданниковым.

По предложению Сосковца Ельцин уволил Олега Попцова с должности председателя Российской телерадиокомпании, сказав нечто невнятное о «чернухе» на втором канале:

— У нас есть две телепрограммы — первый и второй каналы. Но эти каналы совершенно по-разному подают материалы. Один дает реальные факты, а по второму идет одна сплошная «чернуха». Что я должен делать? Снять Олега Попцова? Я ему говорил, что нельзя лгать, нужно работать корректно…

Попцов был верным сторонником президента и многое сделал для Ельцина, но он не принадлежал к числу управляемых людей, которыми можно командовать. Но чиновникам, окружавшим президента, понадобились именно те, кто послушно щелкает каблуками и берет под козырек. Кадровые перемены на втором канале телевидения были большой ошибкой. Отстранение Попцова, а вслед за ним и его первого заместителя Анатолия Лысенко привело к тому, что второй канал очень слабо помог Ельцину. НТВ сыграло в избирательной кампании куда большую

роль.

— Потом мне говорили, — рассказывал Олег Попцов, автор книги «Хроники времен царя Бориса», — как же он мог вас уволить, ведь вы его спасли в 1993-м? Я прежде всего писатель, а Ельцин хоть и президент, но все-таки мой персонаж. А писатели на персонажей не обижаются.

Рейтинг доверия к политикам был пугающий для Бориса Николаевича: на первом месте Зюганов — семнадцать процентов, на предпоследнем Ельцин — пять процентов. Победа Зюганова казалась вполне реальной. Оппозиция сговорилась, и выставить его кандидатуру решили полсотни организаций и партий левого направления.

О желании бороться за пост президента Ельцин объявил в «родном городе» — в Екатеринбурге, где он всегда пользовался поддержкой. Выступая во Дворце молодежи, он сказал:

— Я решил баллотироваться на пост президента России и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России, для сведения всего мира…

Пока Борис Николаевич читал свою длинную речь, он почти потерял голос — у него был фарингит. Люди суеверные сочли это неблагоприятным предзнаменованием. С этого времени в поездках его сопровождал врач-отоларинголог.

Прилетев в Екатеринбург, Ельцин разговаривал с людьми на улицах и прямо говорил:

— Помогу в проблемах, если изберете.

Прямо под оком телевизионных камер он выделил из президентского фонда десять миллионов рублей (в ценах того времени) кондитерской фабрике, пять миллиардов — госпиталю для ветеранов войны, три миллиарда — на строительство родильного дома… Президент подписал указ «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат». Президентская кампания — дорогое удовольствие для страны…

Каждое совещание в администрации президента начиналось с выяснения вопроса о том, как идет выплата зарплат и пенсий по стране. Без этого рассчитывать на переизбрание Бориса Николаевича было невозможно.

15 февраля Зюганов был выдвинут кандидатом левых и народно-патриотических сил на всероссийской конференции КПРФ. А через два дня произошло событие, на которое в стране мало кто обратил внимание. Анатолий Чубайс рассказал, что ряд бизнесменов обратились к нему с предложением создать такую предвыборную структуру, которая бы задалась одной целью — не

подпустить коммунистов к власти.

Два человека — Анатолий Чубайс и Александр Лебедь — сыграли в 1996 году ключевую роль в победе Ельцина. Борис Николаевич сумел поставить себе на службу самого умелого менеджера и самого популярного политика страны.

Выдвижение Зюганова сильно напугало людей, которые увидели, какая им грозит опасность. Несколько очень богатых бизнесменов согласились финансировать избирательную кампанию Ельцина. Борис Березовский и Владимир Гусинский еще и обещали мобилизовать телевизионные возможности ОРТ и НТВ. Но кто возглавит предвыборную кампанию? Когда стали перечислять, какой человек нужен — невероятно энергичный, блестящий организатор с широкими политическими и деловыми связями, современно мыслящий, не теряющий присутствия духа в самой сложной ситуации и способный преодолеть любые препятствия, — выбор фактически был сделан. Во всей стране один только Анатолий Чубайс и годился для этой работы.

Он взялся за это дело без колебаний, хотя Ельцин только что не просто выбросил его из правительства, но и вытер об него ноги. Анатолий Борисович — человек счастливо лишенный сантиментов. Он всегда думает только о деле. Твердости его характера, хладнокровию и выдержке можно только позавидовать. И вот еще одна важная черта — он правильный. В прямом смысле этого слова. Многие годы его пытались поймать на чем-то незаконном и недостойном, но ничего не нашли. В отличие от многих тех, кто, оказавшись у власти, быстренько набил свои карманы, Чубайс ничего помимо зарплаты не получал. Конечно, зарплата у него была всегда высокая. Но тут у него никаких сомнений: заработал — получи.

В марте олигархи, как их потом станут называть, а с ними и Чубайс встретились с Ельциным. Они говорили с президентом очень откровенно — прежде он таких речей в своем кабинете не слышал. Они прямым текстом сказали ему, что он проиграет, если не сменит свой штаб и стратегию предвыборной кампании. Ельцин слушал их скептически и в тот день ничего не сказал. Ему все это было неприятно. Он не привык к поучениям, не привык, что ему говорят о проигрыше. Кто эти люди? Что они понимают в политике? Почему он их должен слушать?

Ельцин все-таки реформировал свой избирательный штаб, который вместо Сосковца возглавил первый помощник президента Илюшин. Чубайс стал руководителем аналитической группы, а Игорь Малашенко, один из создателей телевизионного канала НТВ, руководил работой со средствами массовой информации. В аналитическую группу, которая разместилась в

«Президент-отеле», вошел и Борис Березовский. Живейшее участие приняла дочь президента Татьяна Дьяченко.

Идея пригласить Дьяченко, как теперь говорят, принадлежит Валентину Юмашеву, который писал за президента книги и который со временем стал мужем его дочери. Во всяком случае, в ельцинской книге «Президентский марафон» написано именно так:

«Как-то раз ко мне в Барвиху приехал Валентин Юмашев. Я не выдержал и поделился с ним своими мыслями: чувствую, что процесс не контролирую, вижу по потухшим глазам помощников, в частности Виктора Илюшина, что ситуация в штабе день ото дня ухудшается и мы медленно, но верно погружаемся в болото. И судя по всему, штаб — сплошная склока, никакой стратегии нет, советский стиль общения, на собрания единомышленников совсем не похож.

— Нужен свой человек в штабе, — сказал я. Валентин послушал, покивал, задумался… Но кто? Кто это может быть?

— А если Таня? — вдруг спросил он».

В 1996 году задача Татьяны Дьяченко заключалась в том, чтобы мягко влиять на отца, убеждая его в правоте рекомендаций предвыборного штаба. Все это потом будет казаться заговором, гнусной махинацией, пренебрежением волей народа. Дескать, олигархи думали только о том, как сохранить свои деньги, нажитые преступным путем. Поэтому они купили средства массовой информации, а те обманули народ.

Уверенность противников Ельцина в том, что в 1996 году он одержал победу только благодаря умелой пропагандистской кампании, невольно отражает веру в тотальную пропаганду, во всемогущество телевидения, политической рекламы, умелого манипулирования мозгами. В то, что, если постараться, избирателя можно заставить проголосовать за что угодно.

Это не совсем так. Личный интерес олигархов совпал с интересами большей части страны. Прихода к власти Зюганова и его команды боялись и те, кто не нажил палат каменных.

Команда Зюганова жаждала реванша. Что касается духовной жизни страны, то коммунисты откровенно предупредили людей о своих планах и насчет цензуры, и многого иного. В 1996 году я работал в «Известиях», которые тогда никому не принадлежали, были совершенно независимы. Еще до начала избирательной кампании наш главный редактор твердо сказал на заседании редколлегии:

— Мы сделаем все, чтобы коммунисты не пришли к власти.

Таково было общее настроение журналистов — и газетчиков, и телевизионщиков. Ельцину вовсе не надо было их покупать. Все

понимали, что с избранием президентом Зюганова закончится свобода прессы. Именно поэтому на выборах 1996 года многие говорили: лучше Ельцин со всеми его недостатками, чем Зюганов и его команда. Народу не продавали кота в мешке, как это произойдет на следующих парламентских, а затем и президентских выборах. Все знали, кто такой Ельцин и чего от него ждать.

Да и кандидата от коммунистов трудно было назвать обаятельным политиком, за которого хочется голосовать. Один немецкий журналист так отозвался о Зюганове: он похож на трактор «Беларусь» — неуклюжий, неповоротливый, зато ему износу нет. За плечами бесцветная карьера. Бюрократ средней руки. Когда Зюганов говорит, кажется, что ему так же скучно, как и слушателям…

Стратегия ельцинского штаба была очень простой. Люди должны понять, что они делают выбор не между двумя кандидатами, а между будущим и прошлым, между нормальной жизнью и возвращением к тоталитарному режиму.

Сам Ельцин должен был опровергнуть представление о нем как о больном и уставшем человеке. Ему предстояло объехать всю страну и повсюду демонстрировать динамизм и решительность, готовность решать любые проблемы. Страна должна была увидеть прежнего Ельцина. И Борис Николаевич старался быть прежним.

Георгий Сатаров:

— Когда надобно было решить практически невыполнимую задачу — победить на выборах при войне в Чечне, при низкой популярности, при неважном состоянии здоровья, он зарядился, настроился и был очень энергичен. Ему интересно было общаться со своим избирательным штабом, с аналитической группой. Такого неформального интеллектуального общения было в тот момент гораздо больше обычного…

Ельцин полностью подчинился советам и рекомендациям своего штаба. В каждой поездке по стране его сопровождали социологи, они сопоставляли настроения до и после появления президента. После одной такой поездки выяснилось, что рейтинг Ельцина не только не увеличился, но, напротив, упал.

Борису Николаевичу выложили на стол фотографии и показали: это была не предвыборная поездка, а какая-то начальственная инспекция — в центре президент, окруженный огромным количеством охранников, а где-то в отдалении горожане, которые пытаются услышать, что там барин говорит… А для сравнения вытащили его фотографии 1991 года, где Ельцин без всякой охраны — в окружении восхищенных избирателей.

Ельцин все понял и сказал Коржакову:

— Понял? Чтобы я вас в поездках больше не видел.

И охрана действительно не мешала ему работать с избирателями. А предвыборная кампания шла трудно. Когда Ельцин встречался с людьми, они часто говорили: надо кого-то помоложе избрать. Борис Николаевич должен был доказать обратное.

Мало кто знал тогда, чего это ему стоило. Знаменитые кадры, когда Ельцин, сбросив пиджак, танцует на сцене, будут потом показаны сотни раз.

Певец Евгений Осин вспоминал:

— Во время моего выступления он вдруг попросил, чтобы ему «подыграли что-нибудь такое», и совершенно неожиданно выскочил на сцену, повергнув в шок администраторов и охрану…

Больное сердце нельзя подвергать таким испытаниям. Но он хотел победить и ради победы готов был на все.

Борис Николаевич вернул себе симпатии тех избирателей, которые в нем успели разочароваться, но не стали ему врагами. Это как в семье — супруги ссорятся и все же надеются на возвращение былой любви. Ельцин словно проснулся, стал сильным и заботливым и смог вернуть эту любовь.

В середине марта рейтинг Ельцина прилично вырос. Он вышел на второе место после Зюганова, опередив Александра Лебедя и Григория Явлинского. Ельцин довольно быстро возвращал себе симпатии реформистски настроенной части публики. Но возникла новая проблема: хватит ли ему физических сил до конца избирательной кампании?

Союз с Александром Лебедем

Проблемы с сердцем в 1995 году несколько раз укладывали Бориса Ельцина в постель. Кремль пустился во все тяжкие для того, чтобы скрыть детали его болезни, и это, естественно, породило множество слухов в России и за рубежом. Говорили, что состояние президента на самом деле хуже, чем об этом сообщается. Так оно потом и оказалось.

Официально было объявлено, что Борис Ельцин страдает от стенокардии, или, точнее говоря, от ишемической болезни сердца. Это самое часто встречающееся сердечное заболевание и самая частая причина смерти. Предполагали, что у президента России был инфаркт, а может быть, и два. Потом оказалось, что их было больше…

11 июля 1995 года президента доставили в Центральную клиническую больницу с болью в области живота, связанной с сердечным заболеванием. Диагноз — ишемическая болезнь сердца, то есть ухудшение кровоснабжения сердечной мышцы.

Через несколько дней после того, как президент был госпитализирован, появилось официальное медицинское заключение, из которого следовало, что у президента был «мелкоочаговый инфаркт миокарда» — то есть такой инфаркт, который не прорывает стенки сердца. Главная проблема состояла в том, что Борис Николаевич не обладал носорожьей толстой кожей, остро переживал все кризисы, через которые ему пришлось пройти. Сердечная мышца пострадала от злоупотребления алкоголем, поэтому у больного возникла острая сердечная недостаточность.

Тогда Борис Ельцин провел две недели в больнице и еще две недели в санатории. Врачи говорили о необходимости изменить образ жизни, в частности отказаться от алкоголя. Ельцин к рекомендациям не прислушался.

26 октября 1995 года он вновь был госпитализирован. Официальный диагноз был прежним — «острая ишемическая болезнь». Сообщили, что электрокардиограмма президента немногим отличается от предыдущей. Это должно было означать, что речь не идет об инфаркте миокарда. Но некоторые специалисты в Москве полагали, что Борис Ельцин все-таки перенес повторный инфаркт.

В декабре у Ельцина случился еще один инфаркт, сопровождавшийся падением артериального давления и сердечной недостаточностью. Его врачи были сильно напутаны. Пациент нуждался в серьезном лечении, о чем Ельцин не желал

даже слышать.

Американские врачи, не имевшие, правда, возможности осмотреть российского президента, первыми заговорили о том, что Борису Ельцину необходимо аортокоронарное шунтирование. Это очень серьезная и тяжелая операция на сердце. Но Ельцин отложил операцию на после выборов.

Между группами Чубайса и Коржакова шла настоящая война. Причем Ельцин все больше доверял Чубайсу и его людям. Татьяна Дьяченко рассказывала отцу, какие это гениальные ребята. Коржаков этих восторгов не разделял. Он, вероятно, боялся, что Ельцин проиграет или не выдержит физически. Но забота о здоровье президента для Коржакова была и заботой о самом себе. Если бы Ельцин решил остаться у власти без выборов, то никакой Чубайс ему был бы не нужен, а генерал Коржаков — необходим позарез.

У Коржакова в руках был весомый аргумент — пугающее заключение консилиума, подписанное кремлевскими врачами 20 мая 1996 года:

«За последние две недели в состоянии здоровья Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина произошли изменения отрицательного характера.

Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок как в физическом, так и эмоциональном плане. Существенную роль играет частая смена климатических и часовых поясов при перелетах на большие расстояния. Время сна сокращено до предела — около 3–4 часов в сутки.

Подобный режим работы представляет реальную угрозу здоровью и жизни Президента».

Проводить или не проводить выборы — это решение было трудным для Ельцина. Что бы ни говорили ему штабные аналитики, элемент риска оставался. Никто не мог гарантировать ему победы. Он мог проиграть и потерять все — не только власть. Если бы победил Зюганов, Ельцину припомнили бы все, начиная с запрета компартии и Беловежских соглашений и кончая расстрелом Белого дома в октябре 1993 года.

Отмена выборов, введение чрезвычайного положения, скажем под предлогом чеченской войны, казались соблазнительно простым выходом, избавлением от всех проблем. Но одновременно Ельцин понимал, какую ненависть он вызовет в стране, если введет диктатуру — пусть даже на время. Левые радикалы могли спровоцировать новое кровопролитие в стране, как осенью 1993 года. И главное: отменить выборы — это означало перечеркнуть всю его прошлую жизнь, Ельцин хотел быть президентом, избранным народом. И он предпочел рискнуть.

Он верил в себя.

В середине мая Ельцин уже опережал Зюганова на десять процентов. Он удачно выступил Девятого мая перед участниками военного парада на Красной площади. Он ездил по стране, разговаривал с людьми. Прилетев в Омск, Ельцин прямо на трибуне подписал указ «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири». Правительство, сокращая задолженность, рассчитывалось с пенсионерами и бюджетниками.

И все-таки для победы этого было недостаточно. В окружении Ельцина пытались укрепить его позиции с помощью Явлинского — уговаривали Григория Алексеевича снять свою кандидатуру в пользу Ельцина. Они дважды встречались, прощупывали друг друга. Ельцин уже подписал указ о назначении Явлинского вице-премьером. Но не сговорились… 17 мая Явлинский написал президенту письмо с перечислением условий, на которых он готов поддержать Ельцина. Это был трудновыполнимый ультиматум. Явлинский не хотел выбывать из президентской гонки.

На предмет заключения стратегического союза прощупывали и Александра Ивановича Лебедя, который тоже выставил свою кандидатуру в президенты. Лебедь пытался предложить себя в роли третьей силы, симпатичной тем, кто не желает голосовать ни за Ельцина, ни за Зюганова. Но он вступил в предвыборную борьбу без денег, без команды и без собственной партии.

Генерал-лейтенант Лебедь, профессиональный военный, десантник по специальности, без сомнения, был одним из самых оригинальных политиков. Наделенный от природы здравым смыслом и своеобразным юмором, он произвел на страну неизгладимое впечатление, когда его стали показывать по телевидению. Одних он пугал, другие им восхищались, но так или иначе телевидение сделало из него знаменитого человека.

В декабре 1995 года Лебедь стал депутатом Государственной думы и начал подумывать о президентстве. Накануне первого тура голосования «Комсомольская правда» опубликовала стенограмму закрытого заседания предвыборного штаба Лебедя. Александр Иванович говорил:

— Лебедь не собирается страну на рога ставить. Не будет кровавых бифштексов. Эти придурки войну в кино видели, а моя жена на меня похоронку получала. С меня хватит. Но сохранить мир в стране и тихо сидеть в том дерьме, в котором мы сидим, — не одно и то же… Порядок будем наводить не танками. Если в России будет порядок — значит, будет работать экономика. Вот тут и будет стабильность —

стабильно платятся зарплаты, бандиты стабильно сидят в тюрьме…

Коржаков уговаривал Лебедя снять кандидатуру, взамен предлагал ему пост командующего воздушно-десантными войсками:

— Вот твой предел, зачем тебе политика? Мы с тобой одного возраста, одного воспитания, в одно время даже генералов получили. Экономики не знаешь. Куда тебе в президенты?

Лебедь предложения не принял:

— Я себе цену знаю…

Два генерала выпили, и разговор принял весьма живой характер. Лебедь, по словам Коржакова, с намеком сказал:

— Я вижу, что вы очень крутой. Пуля любого крутого свалит.

Коржаков согласился:

— Я давно это знаю. Когда у меня стали ноги слабеть, я начал заниматься стрельбой, дошел до мастера спорта.

А Лебедь опять свое:

— Побеждает тот, кто выстрелит первым. Коржаков его поправил:

— Побеждает тот, кто первым попадет…

Хороший разговор для двух генералов. Но эта беседа не была последней. Социологи в президентском штабе пришли к выводу, что Лебедь больше опасен не Ельцину, а Зюганову, ибо он способен отобрать голоса у Геннадия Андреевича. После этого Лебедь получил неприметную для посторонних помощь президентской команды и — главное — стал появляться на телеэкранах. Новое и необычное лицо действительно привлекло к себе внимание немалой части избирателей.

Президентские выборы прошли 3 июня 1996 года. Выиграть в первом туре Борису Николаевичу не удалось. Ельцин набрал больше всех голосов, но ему предстоял второй тур — соревнование с Зюгановым. Лебедь по количеству собранных голосов был на третьем месте.

Сразу после первого тура президентских выборов Анатолий Чубайс пришел к Явлинскому и сказал:

— Забудь на секунду о своих амбициях, забудь о том, что тебе очень хочется занять должность президента. Ну кончилось уже это! Сегодня вопрос не о Чубайсе или Явлинском, сегодня вопрос о стране, у которой завтра может быть красный президент со всеми последствиями, о которых ты знаешь не хуже меня. Вот решение, которое дает тебе возможность реально взять на себя ответственность. Явлинскому предлагали пост первого вице-премьера. Взамен надо было поддержать Ельцина во втором туре. Григорий Алексеевич отказался:

— А почему, если я вам так нужен, ты предлагаешь мне должность первого зама, а не председателя правительства?

Тогда было решено заключить союз с Лебедем. И это получилось! Лебедь очень помог Ельцину, хотя, пожалуй, погубил тогда собственную политическую карьеру. Если бы Александр Иванович остался видным оппозиционным политиком, у него, возможно, сохранился бы шанс на вторую попытку в 2000 году. Но он был слишком неопытен, хотел получить все и сразу. Не победив на выборах, он не знал, чем ему заняться. Сидеть в Думе — это не для него. И тут подоспело предложение Ельцина войти в президентскую команду. У провинциального генерала, не успевшего освоиться в Москве, можно сказать, закружилась голова от близости власти.

Лебедь встретился с Ельциным, и они договорились.

Первым делом в отставку отправили министра обороны Павла Грачева, с которым у Лебедя вышел конфликт. В Кремле тогда пошли бы и на большее, лишь бы сговориться с Лебедем.

19 июня Лебедь предложил своим сторонникам голосовать за Ельцина. Взамен он получил крепкое рукопожатие Ельцина, который многозначительно сказал, глядя в телекамеры:

— Это союз двух политиков.

На самом деле это была циничная сделка. Ельцин накануне второго тура голосования покупал Лебедя и покупал голоса его избирателей. Александру Ивановичу дали должность секретаря Совета безопасности и помощника президента. И Лебедь, казалось, не верил своим глазам: неужели это он в Кремле, рядом с президентом?

Часть 4. ЗАКАТ

После инфаркта казалось, что все кончено

Но самое ужасное состояло в том, что перед вторым туром, в ночь с 25 на 26 июня, у Ельцина вновь развился тяжелейший инфаркт — врачи поражались, как он вообще выжил…

Ельцин держался до последнего, не подавал виду, что ему совсем плохо. Но сердце не выдерживало таких нагрузок.

Его болезнь тщательно скрывали. Он отказался лечь в больницу. Но чем было объяснить внезапное исчезновение президента? Его нельзя было даже показать по телевидению. Администрация отменила все встречи. Новый пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский демонстрировал чудеса изобретательности, рассказывая о напряженной работе Ельцина с документами.

Предвыборный штаб Ельцина должен был проводить избирательную кампанию без кандидата. Борис Николаевич в прямом смысле не мог встать с постели. Когда президент пропал с телеэкранов, страна забеспокоилась. Тогда организовали специальную съемку. В комнате, где лежал Ельцин, изготовили деревянные панели — такие же, как в его кремлевском кабинете.

Ельцина посадили в постели, подложив под него подушки, надели на него, рубашку, галстук, пиджак. Даже эта манипуляция стоила Борису Николаевичу огромных сил. Только сильная воля и страсть к победе могли заставить его пересилить боль и слабость. Вокруг стола расселись только свои, те, кто был посвящен в истинное положение дел, Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко… Эту картину показали по телевидению.

Когда готовили обращение Ельцина к избирателям, всех телевизионщиков попросили выйти из комнаты, чтобы они не видели, как ведут президента, который с трудом произнес несколько слов. Когда в день выборов показывали, как Ельцин опускает бюллетень в урну для голосования, вспомнились последние съемки уже смертельно больного Черненко…

Казалось, все рушится. Если страна поймет, в чем дело, люди не проголосуют за тяжелобольного человека, и победит Зюганов. Тем не менее страна уже сделала свой выбор. В воскресенье 3 июля на втором туре голосования Борис Николаевич получил 53,82 процента голосов, Геннадий Андреевич — 40,3 процента. Одержав победу на выборах, президент Ельцин представил убедительное свидетельство своего политического здоровья. Но теперь окружающий мир был обеспокоен его физическим здоровьем.

5 августа появился указ «Об официальных символах

президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации».

Инаугурацию предполагалось провести на Соборной площади в Кремле под звон колоколов и пение од. Но пришлось сократить всю церемонию до двадцати минут. 9 августа Ельцин появился на публике, прочитал по телесуфлеру слова президентской клятвы и опять исчез. В день инаугурации страна увидела тяжелобольного человека, который еле стоял на ногах. Сидевшие в зале видели слезы на глазах его дочери Татьяны Дьяченко. Правда, на приеме, где Ельцин пробыл те же полчаса, он держался очень мужественно и произнес тост.

16 августа в Кардиологическом центре академика Чазова Борису Николаевичу сделали коронарографию — исследование, позволяющее определить степень поражения сосудов сердца. Результаты повергли врачей в уныние. Участники расширенного консилиума не сомневались в том, что президент нуждается в аортокоронарном шунтировании, но повреждены были не только сосуды сердца, но и сама сердечная мышца, которая не справлялась со своими функциями.

Состояние президента было угрожающим, сердце работало на пределе своих возможностей. Врачи боялись внезапной остановки сердца. Делать операцию было невозможно. К тому же обнаружилась анемия и ослабление иммунитета. Сам Ельцин и его окружение хотели сделать операцию побыстрее, чтобы снять напряжение. Но врачи Кардиологического центра рекомендовали отложить операцию месяца на три, провести курс лечения и немного восстановить Ельцина.

5 сентября страна узнала, что Ельцин страдает ишемической болезнью сердца и нуждается в серьезной операции. Это вызвало большое разочарование. Выходит, проголосовали за тяжелобольного человека. И еще неизвестно, чем закончится операция. Такой была реакция обычных людей.

Но для политиков тяжелая болезнь Ельцина и грядущая операция с неясным исходом открывали неожиданные возможности. Так, может быть, в ближайшее время понадобятся новые выборы? И все взоры устремились на Лебедя. Вот человек, который на сей раз постарается не упустить власть. Тем более что сам Александр Иванович выражался ясно и определенно:

— Власть никто не может дать. Ее берут твердой рукой и держат.

Его слова не остались незамеченными. Когда Ельцин выбыл из активной политики, его фактически заменил Анатолий Чубайс, возглавивший президентскую администрацию. Чубайс рассказывал мне тогда, что отчаянно сопротивлялся назначению:

— На всех предыдущих должностях у меня была очень содержательная работа. Были серьезные экономические проблемы, для решения которых я вынужден был использовать политические методы, иногда весьма сомнительного свойства. Теперь все содержание моей работы состоит из такого рода политики. Мне это не нравится. Но я предлагал другого человека на пост главы администрации — Игоря Малашенко, руководителя НТВ. Я втайне от всех отправил письмо Ельцину, где изложил все положительные его стороны и написал, как преодолеть негативные, которых очень немного. Ельцин согласился, а Малашенко отказался, и даже Гусинский не смог его переубедить. Тогда уж мне пришлось…

Чубайса обвиняли в узурпации власти, называли регентом, говорили, что он не имеет права руководить страной. Никто не думал о том, в каком сложном положении он оказался. Он должен был обеспечить исправную работу государственного механизма в тот момент, когда президент сам действовать не способен, но и свои полномочия никому не передоверяет. И Чубайс с этим справился. Он удерживал корабль на плаву до тех пор, пока Ельцин не обрел способность контролировать своих подчиненных.

Упоминание фамилии Чубайса вызывает массовое помешательство. Нелюбовь к нему имеет понятные основания — его считают виновным в том, что приватизация была проведена несправедливо. Но есть и какие-то иррациональные причины для такой сильной ненависти.

Возможно, дело в том, что Чубайс — это Штольц наших дней, немец Штольц, изображенный Гончаровым в романе «Обломов» как антипод главного героя, как олицетворение западной деловитости. Автор романа скорее симпатизировал умелому, толковому Штольцу, который если берется за дело, то исполняет его. Но вот Никита Михалков в фильме «Обломов» выставил немца Штольца глубоко чуждым России человеком. А Михалков тонко чувствует дух времени и настроения людей… Поклонников у Штольца, как и у Чубайса, маловато. Но обойтись без Чубайса не получается.

В жизни Анатолий Чубайс менее рыжий, чем он кажется по телевидению. Зато по телевидению не видно, что глаза у него красные от переутомления. Но усталости или отчаяния он не выдает. Он умеет держать себя в руках. Он на редкость спокойный и уверенный в себе человек.

Никто не слышал от него жалоб, истеричного недовольства. Чубайс нуждался в Ельцине, который дал ему возможность развернуться. И Ельцин нуждался в Чубайсе, потому что верил в

его способности решить любую задачу. Чубайс отличался от всех других подчиненных президента тем, что не жаловался и ничего не просил. Чубайс — идеальный подчиненный.

Журналисты спрашивали его:

— Вы любите власть?

— Нет.

— Совсем?

— Вы не поверите, совсем. Это инструмент, не менее, но и не более того. Уточню, воспользовавшись сравнением. Отношусь к ней примерно так, как хороший токарь к токарному станку, и пианист — к роялю…

Корреспондент «Новой газеты» Алексей Поликовский очень интересно описал Чубайса уже в роли руководителя РАО «ЕЭС». Журналист сопровождал Анатолия Борисовича в деловой поездке в Благовещенск.

«Первые четыре часа полета салон, в котором летят журналисты и сопровождающие Чубайса люди, погружен в сон. Я оглядываюсь назад — закинутые головы, полуоткрытые рты, ощущение провала. В иллюминаторах черно… Но через некоторое время все вдруг меняется, как будто кто-то где-то включил рубильник. По проходу между креслами начинается циркуляция людей с папочками и бумагами. Они без извинений будят друг друга и тут же обсуждают какие-то пункты и строки.

Мужчины в белых рубашках при галстуках появляются из двери переднего салона, исчезают снова. Салон превращается в офис… Чубайс летит в переднем салоне, никто из нас по-прежнему еще ни разу не видел его, но его присутствие чувствуется — как присутствие невидимого магнита, организующего вокруг себя силовые линии…

Все люди вокруг Чубайса, все члены его команды как бы связаны с ним отношениями, в которые постороннему не проникнуть. В их улыбках и жестах, в том, с каким видом они исчезают в переднем салоне, чувствуется какое-то таинственное посвящение — понимаешь, что все они принадлежат к одному клану или ордену. Они знают, что можно спрашивать и как нужно вести себя при этом королевском дворе, а ты — нет.

Ожидание разряжается около часов утра, когда — вдруг — Анатолий Чубайс бесшумной походкой, с отрешенным лицом проходит по нашему салону в хвост самолета.

Это высокий и статный человек скорее блондин, чем рыжий. В жизни он выглядит крупнее и значительнее, чем на экране ТВ…

Он сидит в последнем хвостовом кресле, перед ним ноутбук с мягко светящимся экраном, и он с сосредоточенным лицом читает. Я прохожу мимо и оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что у

него на дисплее. Ничего особенного: строчки писем. Он работает с почтой.

Самолет приземляется в пять утра в аэропорту Благовещенска. Ночь. Горстка встречающих у трапа. В свете прожекторов прямо на посадочной полосе выстроился ряд мощных японских джипов и белых «Волг». В ярком свете прожекторов, в порывах ночного ветра есть что-то тревожное, почти военное…

В Чубайсе, каким я его видел, действительно есть что-то от властного демона, одержимого собственной волей. Несколько раз — в гостинице вечером, в самолете, на пресс-конференциях — я делал эксперимент: подходил к нему и встречался с ним взглядом. Я его видел, а он меня нет. Взгляд у него холодный и невидящий. Чубайс смотрит сквозь человека, мимо него.

Его не меняющее выражения, застывшее, одутловатое лицо — маска власти. Это не лицо менеджера, который реагирует на жизнь и связан с ней сотнями нитей, — это лицо имперского наместника, князя, владетельной персоны, пребывающего над жизнью, вне ее…

Мне и в голову не могло прийти заговорить с ним. Он — выражением лица, усилием воли, излучением психики — создает вокруг себя невидимое, но физически ощутимое поле отталкивания, ледяное поле отчуждения…

Впрочем, кое-что можно увидеть и понять. Я подхожу совсем близко и смотрю ему в лицо. Это красное лицо человека, страдающего от температуры или повышенного давления. У него мешки под глазами. Но весь облик его — высокий рост, прямая спина, черная кожаная куртка, холодное властное выражение лица — как бы отталкивает и отвергает саму мысль о его возможной слабости…

Несмотря на плохое самочувствие, он не отменяет совещаний и встреч, гонит себя вперед с безжалостностью человека, умеющего не обращать внимания на собственное самочувствие и настроение…

Чубайс, похоже, никого не предупреждает о своих решениях и никого никогда не ждет. Он просто движется в страшном темпе, без остановок, не обращая внимания на ночь, погоду, самочувствие, физические возможности людей, — движется к каким-то своим, только ему понятным целям…»

Портрет, конечно, получился прямо-таки демонический и, видимо, не совсем справедливый. Главное все-таки состоит в том, что Чубайс — человек дела и блестящий менеджер. И очень смелый человек. Но главный недостаток Чубайса, как это всегда бывает в жизни, есть продолжение его достоинств. Он — технарь,

у него механистический подход. Он выстраивает жесткие схемы, не учитывая таких привходящих факторов, как настроения и надежды людей…

У Лебедя не сложились отношения ни с главой правительства Черномырдиным, ни с руководителем президентской администрации Чубайсом. Черномырдина Лебедь не очень уважал, а вот Чубайс оказался для него крепким орешком.

Лебедя президент не принимал, ему предлагалось обращаться к президенту в письменном виде. Александр Иванович возмутился тем, что стал получать поручения президента с факсимильной подписью Ельцина. Лебедь решил, что Ельцину эти документы даже не показывали, потому что тот не способен их подписать. Однажды Лебедь без приглашения приехал на президентскую дачу в Горки, чтобы добиться встречи с президентом. Охрана его не пустила.

Конечно, Лебедь нарушил все мыслимые и немыслимые правила. Но то, что его не пустили, что никто к нему не вышел, тоже было делом из ряда вон выходящим. А войти ему не разрешили по той причине, что никому, кроме самых близких людей, видеть больного Ельцина не следовало.

4 октября Лебедя наконец принял Ельцин и уделил ему двадцать восемь минут. Это было до операции. Борис Николаевич выглядел ужасно. Лебедь, видимо, решил, что Ельцину недолго осталось руководить страной. С этой минуты он исходил из того, что надо готовиться взять управление государством на себя. Лебедь говорил журналистам:

— Надо просто менять систему. Надо менять людей. Надо менять исполнителей. Вот я к этому готовлюсь — менять систему и менять исполнителей.

— А когда же вы предполагаете стать президентом? — спросили тогда Лебедя.

— Это как карта ляжет, — ответил он.

Лебедь и не подозревал, что в окружении Ельцина уже давно решили его убрать. В один из последних октябрьских дней 1996 года, уже после увольнения Лебедя, я беседовал в Кремле с человеком, занимавшим тогда один из высших постов. К сожалению, я и по сей день связан обязательством не называть его имя. Но он раскрыл мне весь механизм интриги вокруг Лебедя:

— Лебедь сделал ставку на досрочный приход к власти. Он видел Ельцина в худшие дни перед инаугурацией, когда самочувствие президента было на крайне низкой точке. Потом долгое время президент его не принимал, а окружение Лебедя сообщало ему, что президент уже на смертном одре, — все

бумаги на самом деле подписывает Чубайс. И Лебедь решил, что дорога вот-вот ему откроется…

В окружении Ельцина считали, что Лебедь сознательно шел на обострение, чтобы иметь повод в решительный момент выйти на площадь, присоединиться к бунтующему народу и повести его на Кремль. Сотрудники администрации уверяли, что им было известно о контактах Лебедя с силовыми структурами — с десантниками, со спецназом, с военной разведкой. Эти люди выражали ему поддержку и были готовы за ним пойти.

А были ли основания подозревать Лебедя в том, что он способен совершить подобное?

Мой кремлевский собеседник ответил так:

— Он человек, который пойдет на все. Вернувшись после подписания документов с чеченцами, он приехал ко мне сразу с самолета еще разгоряченный. Я стал расспрашивать его, что будет потом. Он, среди прочего, говорит: «Надо готовить киллеров». — «Для чего?» — «Да с этими людьми — Яндарбиевым, Масхадовым — дело же иметь нельзя. Придется решать вопрос». Я человек не наивный в политике, но внутренне содрогнулся…

Мой собеседник был исключительно высокого мнения о талантах Александра Ивановича:

— У Лебедя поразительное политическое чутье и интуиция. Поразительная интуиция. Я несколько раз подталкивал его к ошибке, но он всякий раз уходил. Он почти не сделал ошибок…

17 октября Ельцин уволил Лебедя. Выступая по телевидению, президент сказал:

— Он просил у меня некоторое время назад об отставке. Я ему сказал, что надо научиться работать в контакте со всеми государственными организациями и руководителями. Надо научиться — тогда будет легче решать вам проблемы. А так — ни одной проблемы, если вы будете в ссоре со всеми, не решить. Я отставку не принял, считая, что он все-таки сделает выводы. Выводы он не сделал… Мало того, он за это время допустил ряд ошибок, которые просто недопустимы для России.

Александр Иванович до конца не верил, что с ним так могут поступить. Лебедь казался одним из самых влиятельных людей в России, многие были уверены, что он наследует Ельцину, что если пройдут досрочные выборы, то именно он победит, а он в один день был выброшен из политики. Когда Лебедь это осознал, это было, наверное, тяжким для него ударом.

В 18.00 был обнародован указ о его освобождении от должности. В 18.01 у него отключили всю связь. Планировалось так, что в шесть вечера Лебедь выйдет из кабинета, а вернуться

уже не сможет. Но Лебедя за полчаса предупредили об указе, и он еще полтора часа находился в кабинете и мог разобраться со своими архивами.

В администрации президента не хотели, чтобы повторилась история с Коржаковым, после ухода которого исчез архив службы безопасности президента. Но было два варианта: либо арестовать Лебедя, либо позволить ему уйти с документами. У Лебедя было трое официальных охранников и полсотни людей с оружием, которые нигде не числились. В окружении Ельцина выбрали второй вариант, чтобы избежать крови…

Операция удалась. здоровье не вернулось

Накануне операции Кардиологический центр заполнили сотрудники Федеральной службы охраны. В реанимационном зале убрали все лишние кровати, оставили одну. Операционную опечатали. Руководитель Кардиологического центра академик Чазов ночь накануне операции провел на работе, зная, что Ельцина привезут из Барвихи рано утром.

5 ноября 1996 года бригада хирургов во главе с профессором Ренатом Акчуриным сделала Ельцину удачную операцию аортокоронарного шунтирования. Она продолжалась шесть часов. Сердце остановили, его работу исполнял аппарат искусственного кровообращения. Когда Акчурин закончил накладывать шунты, все замерли — «заведется» ли сердце? Сможет ли оно работать? К счастью, работа сердца легко восстановилась. Еще несколько часов президент находился под действием наркоза.

— Порог боли для него не существовал, — рассказывал Ренат Акчурин. — Если надо было, он не обращал внимания на «мелочи» вроде тяжелых болей. Я никогда не слышал, чтобы он в присутствии семьи (да и в отсутствие) жаловался на боль.

Если бы не сделали операцию, еще один, шестой по счету, инфаркт мог убить Ельцина. Но врачи предупредили семью: он должен решительно изменить образ жизни, начисто отказаться от алкоголя и злоупотребления седативными препаратами, иначе начнется быстрое дряхление. А общее ослабление организма приведет к постоянным инфекционным процессам. К сожалению, прогноз оправдался — одно воспаление легких следовало за другим.

7 ноября 1996г. в обращении к россиянам Ельцин сказал: «Рад сообщить вам, что операция прошла успешно. Я вновь вернулся к работе. Как я вам и обещал, ситуация в стране была под контролем».

8 ноября Ельцин потребовал, чтобы его перевезли из Кардиологического центра в более комфортабельные президентские апартаменты Центральной клинической больницы. Там была спецсвязь, и он не чувствовал себя отрезанным от жизни. Бригада Акчурина — в благодарность за хорошую работу — получила шесть квартир. Впоследствии Ренат Акчурин оперировал и брата Ельцина.

Операцию Борису Николаевичу действительно сделали хорошо.

Через пять лет, в середине декабря 2001 года, Ельцин внезапно улетел в Берлин, и сразу пошли слухи, что ему будут

делать новую операцию на сердце. Ренат Акчурин, ставший академиком, рассказал, что это он рекомендовал Ельцину посоветоваться и с врачами где-нибудь в Европе. Ельцин испытывал боли в груди, полагал, что болит сердце. Акчурин считал, что боли связаны с позвоночником — это результат его спортивных травм.

«Каждый реагирует на хирургическую травму (а любая операция — это травма) по-разному, — объяснял Акчурин. — У Бориса Николаевича были осложнения с дыхательными путями в результате простудных заболеваний. Кроме того, за эти годы происходил процесс сужения сосудов, тромбоз. Так что вопрос в подборе необходимых лекарств».

Борис Николаевич провел ночь в резиденции российского посла, а утром прибыл в берлинский кардиологический центр клиники имени Рудольфа Вирхова. Руководитель центра Роланд Хетцер потом сообщил, что «результаты операции пятилетней давности превосходны и здоровье президента очень хорошее». Повторное хирургическое вмешательство не потребовалось…

А тогда, в 1996 году, все гадали, каким появится президент после операции. Считалось, что худшее позади. Он оправится и начнет работать. Но в январе 1997 года у Ельцина началось сильное воспаление легких, и с того времени он, по существу, переходил из одной хворобы в другую.

Я спрашивал тогдашнего помощника президента Георгия Сатарова:

— Когда вы почувствовали, что он перешел в стадию одряхления, превратился в постоянно болеющего человека?

— Как ни странно, не после самой операции, а после простуды, которую он подхватил уже после операции. Помните, он вышел после операции, какое-то время все шло, казалось, нормально, и вдруг очень сильно заболел…

У Ельцина было крупозное воспаление легких. Болезнь наложилась на послеоперационный фон, и произошло резкое ухудшение состояния.

Чубайс говорил, что у президента абсолютно ясная голова, что он все помнит и постоянно дает ему по телефону указания. Еще в более оптимистическом тоне это рассказывал пресс-секретарь Сергей Ястржембский. Но бодрым реляциям уже не верили.

— А до операции вы были спокойны, думали: прооперируют, и он придет в норму? — спрашивал я Сатарова.

— Операция была достаточно серьезная. Но после таких операций люди спокойно выполняют свои профессиональные обязанности. Особенного беспокойства не было. Наоборот, если

хотите, появилась надежда. Вот сейчас его подлатают как следует, и он начнет работать. Отработает второй срок. Потом — бац! И как-то все пошло-поехало.

Беда не только в том, что Борис Николаевич то и дело оказывался на больничной койке — воспаление легких, ангина, трахеобронхит, язва желудка… Он лишился той кипучей энергии, которая позволяла ему встречаться с огромным количеством людей и поглощать приносимую ими информацию. Он сократил круг общения и как-то замкнулся у себя в кремлевском кабинете. Он потерял интерес к делам, которыми занимался через силу, и все хуже представлял себе реальную ситуацию в стране. Состояние его здоровья будет ухудшаться с каждым годом, и в силу этого будут нарастать отстраненность и отчуждение от жизни России.

Что изменилось в общении с президентом после того, как он начал болеть?

Андрей Николаев, тогдашний директор Федеральной пограничной службы:

— Вокруг президента появились люди, которые стали играть роль фильтра. Это и привело меня к отставке. Пока я мог выполнять свои обязанности, представлять президенту соответствующие решения и обеспечивать интересы государства, многое можно было прощать. Когда между мной и президентом появились десятки людей, которые пытались давать указания вместо главы государства, я просто счел это недопустимым…

Генерал Николаев сказал президенту:

— Борис Николаевич, вы единственный руководитель в стране, которому я подчинен по службе. Вы должны принимать политические решения, мы должны их исполнять. Но я не подчинен вашему окружению и не буду подчиняться.

Генерал Николаев пользовался телефоном прямой связи с президентом, добивался личного приема и не представлял документы людям из ельцинского окружения, когда они этого требовали. Для этого в аппарате Николаева документам нарочито присваивали высший гриф секретности, чтобы иметь формальный повод их никому, кроме президента, не показывать…

— Но когда президент начал болеть, вы тем не менее по-прежнему могли попасть к нему на прием?

— Да, но продолжительность встреч сократилась до получаса. Все встречи по тридцать минут, не больше. Может быть, с кем-то он беседовал более долгое время, не знаю…

Наступила эпоха нового застоя. И Ельцин, как когда-то Леонид Ильич Брежнев, превратился в предмет насмешек.

Президентская команда сменилась почти полностью. Из

Кремля ушла вся группа помощников Ельцина — Сатаров, Батурин, Краснов. И причина заключалась не только в том, что команду, организовавшую избрание Ельцина на второй срок, следовало отблагодарить высокими должностями.

Георгий Сатаров объяснял это так:

— Наша команда перестала быть необходимой. Мы были востребованы в 1992–1993 годах, потому что была непонятная ситуация: столкновения, конфликты, полнейшая неясность в отношении будущего. А президента окружали два типа людей: классические чиновники и политики новой волны — Станкевич, Шахрай, Бурбулис. Чиновник мало чем способен помочь в нестандартной ситуации. А политики — не командные игроки, они работают только на себя. Вот и понадобились интеллектуалы, способные стать чиновниками. После президентских выборов ситуация перестала быть такой острой и непредсказуемой. И мы стали неудобными. Кому нужен самодостаточный интеллектуал, которого ни за что не зацепишь, который лепит правду-матку?..

Администрацией президента управлял Анатолий Чубайс. Он предпочитал иметь под рукой не разрозненную группу помощников, избалованных вольницей, а исправно функционирующий аппарат. Сама Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев стали советниками президента. Постепенно они стали играть ключевую роль в кремлевских делах.

Заместитель Чубайса в президентской администрации Евгений Савостьянов вспоминает:

— Весь второй срок Ельцина — это непрерывная болезнь. Он отсутствовал на рабочем месте и практически не работал. Задачей администрации в значительной степени было создать образ работающего президента. И там, где это возможно, заменить его.

— Как часто вы видели президента?

— Нечасто. Регулярно с президентом общались глава администрации, руководитель секретариата, пресс-секретарь, руководитель протокола. Все остальные видели президента либо на редких совещаниях с его участием, либо когда он вызывал. Меня Борис Николаевич вызывал всего несколько раз.

— Какое он на вас производил впечатление?

— Очень уставшего человека.

— Человека полностью разбирающегося в ситуации или уже отдалившегося от практических дел?

— Об этом легче судить по тем документам, которые через него проходили. Это огромное количество бумаг! Иногда он просто ставил в тупик. Возвращается бумага, которую я считал выверенной, вычищенной. А напротив чьей-то фамилии стоит

восклицательный знак или галочка. Это значит: либо надо еще раз проверить эту кандидатуру, либо вовсе от нее отказаться. Поток информации, который к нему стекался, не имел аналогов. По всем ключевым вопросам его нашпиговывали информацией в таком объеме и из таких источников, о которых мы порой даже не догадываемся.

В поисках преемника

Наконец наступил момент, когда Ельцин, видимо, осознал: его силы исчерпаны, то, что он предполагал, ему уже не сделать. Он всерьез задумался о преемнике. Говорил-то он об этом давно. Сначала явно шутил:

— У него должен быть рост такой, как у меня. Шахрай и Гайдар обиделись. Все решили, что Ельцин имеет в виду статного Владимира Шумейко, вице-премьера… Но настал момент, когда поиск преемника перестал быть поводом для шуток. Одно время казалось, что остановился на Черномырдине, который был рядом с ним столько лет и преданно ему служил.

Потом Ельцину понравился молодой нижегородский губернатор Борис Ефимович Немцов. Весной 1997 года Ельцин несколько взбодрился и произвел большие перемены в правительстве.

Он вновь назначил первым вице-премьером Анатолия Чубайса, на сей раз с особыми полномочиями. Затем появился еще один первый вице — Борис Немцов — тоже с большими полномочиями и, как тогда думали, с большим будущим. Уговаривать Немцова перейти в правительство в Нижний Новгород прилетела дочь Ельцина Татьяна Дьяченко.

О Борисе Ефимовиче, который молодые годы провел в Сочи, ходило множество рассказов: что играть в карты он научился раньше, чем читать, и этим зарабатывал на жизнь, что в юности вел жизнь веселую и привольную, как положено приморскому плейбою. Но в Нижнем Новгороде Немцова любили и провожали в Москву с болью в сердце.

Борис Николаевич, созвав журналистов, торжествующе объявил о новом назначении Черномырдину и Чубайсу. Лицо Виктора Степановича осталось непроницаемым — он понимал, как ему трудно будет иметь дело сразу с двумя полновластными замами. А Чубайс был, очевидно, доволен:

— Сильный ход, Борис Николаевич!

Ельцин и сам таял от удовольствия, думая о том, как он все здорово придумал. Он и в самом деле стал похож на заботливого, хотя и непредсказуемого дедушку, как его теперь за глаза именовали в Кремле. Президент прилюдно обещал Немцову, что тот останется на этой должности до 2000 года. И все поняли, что Борис Николаевич примеривает Бориса Ефимовича на свою роль.

— Говорили, что у нас были особые отношения, — вспоминал Немцов. — Потому что у Ельцина не было сына, а мне не хватало отца. И все считали, что я слишком хорошо к нему отношусь.

Но столичная карьера у нижегородского губернатора не сложилась. Вероятно, преодолевая некоторую неуверенность провинциала, он с первого дня повел себя чересчур самоуверенно, совершил несколько непростительных ошибок, преданных гласности, и сильно повредил своей репутации.

Немцов мне так говорил:

— Белый дом — опасное место. Многие в него входили улыбаясь. Но никто из него с улыбкой не выходил.

С 1997 года начинается быстрая, даже слишком быстрая смена ведущих фигур в Москве. Ельцин перебирал варианты в поисках фигуры, которой он может доверить страну. Но это станет ясно позднее. А пока что страна недоумевает, злится и обращает свое раздражение против президента: с какой стати он постоянно меняет правительство, вновь и вновь ввергая страну в кризис? Он, понимаешь, утром не с той ноги встал, решил очередного премьера выгнать, а нам страдать… 21 марта 1998 года, в субботу, Ельцин принимал Черномырдина у себя на даче в Горках. Во время разговора неожиданно сказал:

— Виктор Степанович, я недоволен вашей работой. Это был сигнал.

Вечером того же дня президент вызвал к себе руководителя своей администрации Валентина Юмашева и Сергея Ястржембского. Распорядился подготовить указ об отставке Черномырдина. Юмашев и Ястржембский уговорили Ельцина отложить обнародование указа хотя бы до понедельника, 23 марта, чтобы не портить стране выходные дни.

Со стороны казалось, что Борис Николаевич пытается вновь запустить экономические реформы. В действительности ему нужен был преемник. Борис Николаевич, видимо, решил, что Черномырдин в преемники не годится, и потерял к нему интерес.

Последние месяцы 1998 и начало 1999 года в жизни обитателей Кремля были временем отчаяния и тревоги. Стало ясно, что президент Ельцин тяжело болен и неизвестно, сколько времени он продержится.

В октябре 1998 года Борис Николаевич полетел в Узбекистан и Казахстан. Но чувствовал себя очень плохо. Прямо под прицелом телевизионных камер в аэропорту он едва не упал. Его удержал Ислам Каримов, президент Узбекистана. Поездку свернули, и президент досрочно вернулся в Москву. Врачи сообщили, что у президента трахеобронхит с высокой температурой. Но по Москве поползли слухи, что президент совсем плох, что у него развилась болезнь Паркинсона.

И страшная мысль: кто придет после него? И как он себя поведет? — не покидала ни самого Ельцина, ни его окружение.

Ведь тогда сильны были позиции тех, кто говорил, что президента надо судить за развал страны. И в устах некоторых политиков это звучало угрожающе.

Идея подыскать преемника самому казалась разумной. Но кого выбрать? Эскизный портрет преемника набросать было несложно: молодой, энергичный, располагающий к себе, желательно из военных, из тех, кто в политике недавно и еще не успел примелькаться. Такие качества, как верность и надежность, обязательны. Он должен хранить верность своему крестному отцу в политике и после того, как сменит его в Кремле.

Первым на этот пост опробовали генерала Николая Николаевича Бордюжу, которого сделали и секретарем Совета безопасности, и руководителем президентской администрации. Казалось, он подходит идеально. Из военной семьи, двадцать лет прослужил в военной контрразведке КГБ, занимался кадрами, политико-воспитательной работой, потом в ФАПСИ — Федеральном агентстве правительственной связи и информации — и в пограничных войсках.

Но Бордюжа не только не разобрался в сложнейших кремлевских интригах, но и не проявил к ним ни малейшего интереса и склонности. Он либо совершенно не понял, чего от него ждут, либо не желал этим заниматься. Бордюжа, условно говоря, был Путиным номер один. Но Николай Николаевич подкачал. У него не оказалось лидерской жилки, которая сразу же проявилась у Путина. Не проявил генерал и других искомых качеств — беспредельной жесткости и твердости.

В кресле секретаря Совета безопасности Бордюжу сменил директор ФСБ Владимир Путин.

Угол поиска у Ельцина сузился. Борис Николаевич подбирал людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Степашин, офицер Путин. В какой-то момент мелькнуло еще одно имя — министр иностранных дел Игорь Иванов. Он из военной семьи, окончил суворовское училище, сохранил офицерскую выправку. Иванова прощупали по поручению Ельцина. Игорь Сергеевич категорически отказался возглавить правительство.

Время уходит катастрофически быстро, а окончательный выбор все еще не сделан. В полуфинал выходят двое — генерал Степашин и путейский генерал Аксененко, министр железнодорожного транспорта. У каждого свои достоинства.

Сергей Вадимович Степашин тоже военный человек, достаточно молод, предан Ельцину, надежен. Известно, что он своих не выдает. Николай Емельянович Аксененко — новый человек, и это плюс. Он всю жизнь проработал на железной дороге, чистый хозяйственник. Политикой не занимался, ни в

депутаты, ни в губернаторы не баллотировался.

Скоро станет ясно, что Николай Емельянович на премьера не тянет. Но Степашин-то оказался в неудачном и неприятном для него положении. Много ли сделает премьер-министр, если ему в затылок жарко дышит дублер и тикают часы, неумолимо отсчитывая отведенное ему время?

Неуемный Борис Березовский завел речь о будущих президентских выборах. Степашин сказал, что пока перед собой такую задачу не ставит. Березовский, который не понимал вялых и мнительных, призвал премьера быть более решительным:

— Чего ты волнуешься? За три месяца я гориллу выберу президентом.

Сергея Степашина сменили на Владимира Путина. Степашин продержался в Белом доме всего три месяца, точнее — восемьдесят два дня. Чем же Степашин не угодил Ельцину?

Ельцин и его окружение были недовольны тем, что Степашин не в состоянии помешать Юрию Лужкову заниматься политикой, формировать свою партию, устанавливать контакты с другими губернаторами, завоевывать симпатии избирателей. Московский мэр воспринимался Кремлем как главная опасность на будущих выборах, на борьбу с ним были мобилизованы все силы.

Ельцин недовольно говорил Степашину:

— Ведь это же очевидно, Сергей Вадимович. Нужно создать твердый центр власти, собрать вокруг себя политическую элиту страны. Проявите решимость, попробуйте перехватить у них инициативу.

Но Степашин не сумел помешать Лужкову.

«Степашин слишком мягок, — говорится в последней книге Ельцина. — Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе…»

Вот этого никто, кроме Ельцина, не уловил: Степашину не хватает характера. Властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

Степашин говорил:

— Я не Пиночет.

Вот поэтому с ним и расстались.

Рано утром 5 августа Ельцин вызвал к себе Путина:

— Я принял решение, Владимир Владимирович, и предлагаю вам пост премьер-министра. Вы примерно представляете, почему я вынужден отставить вашего предшественника. Я знаю, что Степашин ваш друг, тоже петербуржец, но сейчас нужно думать о другом. Ваша позиция должна быть твердой.

— На кого будем опираться на выборах? — деловито

поинтересовался Путин.

— Не знаю, — ответил Ельцин, — будем строить новую партию. Но главное — ваш собственный политический ресурс, ваш образ.

— Буду работать там, куда назначите, — сказал Путин. Президент сказал Владимиру Владимировичу, что ему придется не просто сменить нерешительного Степашина, но и действовать предельно жестко.

И Бордюжа, и Степашин были искренне расстроены и потрясены тем, что с ними так обошлись. Они не понимали, что механизмы власти не знают никаких человеческих чувств. Действует только один принцип — политической целесообразности. Как только человек перестает быть нужным, с ним расстаются без колебаний и даже не говорят на прощание «спасибо».

Чем понравился путин?

Нового премьер-министра Владимира Путина никто всерьез не воспринял. Казалось, пришел еще один калиф на час, думали: ну и этого через неделю-другую уберут. До выборов все равно придется терпеть ельцинские трюки…

При голосовании в Думе Путин набрал всего двести тридцать три голоса — меньше всех своих предшественников. Это была унизительно маленькая цифра. Слова Ельцина в поддержку Путина всерьез никто не воспринимал. А потом стало ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся. Он нашел того, кого столько времени искал.

Путин, как говорится в книге «Президентский марафон», понравился Ельцину «холодным взглядом и военной точностью формулировок». Владимир Владимирович — в отличие от своего предшественника — не смущался и не краснел, было ощущение, что он «готов абсолютно ко всему в жизни, причем ответит на любой вызов ясно и четко».

В конце августа 1999 года Наина Иосифовна Ельцина рассказывала корреспондентам:

— Это просто глупо думать, что президент снимает премьер-министра, потому что на него кто-то влияет. Это было (назначение Путина. — Авт.) абсолютно продуманное решение. Сейчас его трудно объяснить, но пройдет некоторое время, и все поймут, что решение было правильным…

Егор Гайдар, который вначале считал, что не надо было менять Степашина на Путина, позднее признал правоту Ельцина:

— Борис Николаевич почувствовал, что Путин волевой человек и способен обеспечить стабильность. У Ельцина всегда было внутреннее понимание российской политики, не рациональное, а интуитивное. Особый инстинкт. Я часто не соглашался с Ельциным, а потом оказывалось, что вопреки всякой логике Ельцин прав.

Когда Путин возглавил правительство, закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не подозревали. Но в тот день, когда удивленная и раздраженная страна узнала, что появился новый глава правительства, началась эпоха мало кому известного Путина.

Владимира Путина воспринимают в первую очередь как выходца из Комитета государственной безопасности. Пятнадцать лет — большую часть сознательной жизни — он прослужил во внешней разведке. Одних это пугало — зачем нам выбирать чекиста в президенты? Другие были довольны: чекист — значит,

надежный и серьезный человек. Но в отношениях Путина с известным ведомством на Лубянке не все так просто.

Карьера Путина не типична, потому что он в 1991 году перешел на сторону новой власти, расстался с партийным билетом и уволился из КГБ. Это был непростой выбор. Из КГБ на сломе эпох ушли многие. Уходили в бизнес, в банки, в частные службы безопасности, но не в политику и, тем более, не к демократам. А Путин работал у Анатолия Собчака, который считался злейшим врагом Комитета госбезопасности. Могло ли это понравиться товарищам Путина по ленинградскому областному управлению КГБ?

Когда на Путина стали обращать внимание, то отметили, что он сохраняет хладнокровие, не выходит из себя, не повышает голоса, не допускает оплошностей. По характеру жесткий и резкий. Очень точен и настойчив в достижении цели. С юмором и хорошей реакцией. Несколько высокомерен и чуть-чуть кокетлив.

Некоторые убеждения, которые явно влияют на его политическую линию, у Путина сформировались уже в юные годы. Он рассказывал: «Я понял, что в любом случае — прав я или нет — надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить… Всегда надо быть готовым мгновенно ответить на причиненную обиду. Мгновенно!.. Если хочешь победить, то в любой драке нужно идти до конца и биться, как в последнем и самом решающем бою… В принципе это известное правило, которому меня позднее учили в Комитете госбезопасности, но усвоено оно было значительно раньше —

в детских потасовках… Не надо никого пугать. Пистолет необходимо вынимать только тогда, когда вы приняли решение стрелять».

Вот об этом качестве чаще всего и вспоминают одноклассники и соседи Путина: «О последствиях драки он не размышлял: сразу бил в морду, и все». И дрался до последнего, поэтому чаще всего побеждал, и его старались не задевать.

Юному Путину хотелось быть лидером. «Желание не уступать крепким ребятам ни в чем у меня существовало… Я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было». Отсюда и желание служить в КГБ. Красная книжечка сотрудника КГБ была и своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими. Один из приятелей Путина рассказывал другому:

— Видел его сегодня на стадионе. Когда он показывал свое удостоверение, люди перед ним чуть ли не по стойке «смирно»

вытягивались и честь отдавали…

Молодой человек, пожелавший стать разведчиком, выбирал сферу деятельности, в которой не действуют обычные правила морали и нравственности. Задача разведчика — уговаривать других идти на преступления: ведь завербованного агента заставляют красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких, предавать друзей и родину. И при этом офицер-вербовщик знает, что его агент может закончить свои дни за решеткой или даже погибнуть.

Для того чтобы с чистой совестью и уверенностью в собственной правоте заставлять других преступать закон и мораль, надо, видимо, что-то изменить в себе. Циниками, как и солдатами, не рождаются, а становятся. Специалисты уверены, что работа в разведке сама по себе способна нанести тяжелый ущерб психике разведчика.

Разведчики не только привыкают скрывать свое подлинное занятие, но и таят свои истинные эмоции, чувства и взгляды. Когда разведчик с кем-то беседует, он пытается узнать о собеседнике все, при этом ничего не сказав о себе. Он постоянно прикидывает, что вы за человек, можно ли с вами иметь дело, выясняет, какие у вас связи. Разведчик заведомо подозрителен, его так воспитывали.

Возможно, это остается на всю жизнь. Бывший помощник Ельцина Георгий Сатаров говорит, что Путин «не доверяет никому. Ельцин мог увлекаться, влюбляться, доверять, иногда незаслуженно. В Путине ощущается тотальное недоверие».

Владимир Владимирович внимательно слушает, но не для того, чтобы понять точку зрения собеседника или оппонента, а потому что его этому учили. У собеседника это создает иллюзию не только внимания, но и согласия, которого в реальности нет и в помине. Путин соглашается только с теми, кого считает своими. А к остальным относится с подозрением. У Путина есть свое мнение, и он сопоставляет это мнение с наблюдениями за человеком, который напрасно пытается его в чем-то убедить… До главного назначения Владимир Владимирович держался крайне осторожно, старался быть незаметным и, судя по всему, избегал всего, что таило в себе опасность для его карьеры. Оказавшись на первых ролях, он переменился. Это началось, когда вновь заполыхал Кавказ.

7 августа 1999 года отряд чеченских боевиков во главе с Шамилем Басаевым и приехавшим из Иордании Хаттабом вторгся на территорию Дагестана. Операция боевиков оказалась для страны полной неожиданностью, хотя естественно было бы предположить, что армия и спецслужбы следят за тем, что

творится на мятежной территории.

Вторжение боевиков в Дагестан готовилось несколько месяцев, если не лет. Военные потом с раздражением говорили, что там были созданы долговременные оборонительные сооружения, и возмущались поведением местных властей, которые ничего не замечали. Удивлялись и бездействию ФСБ.

В реальности и ФСБ, и военная разведка завалили высшее руководство предупреждениями. Бывший премьер-министр Сергей Степашин рассказывал потом в газетном интервью:

— Каждый день шли шифровки от разных спецслужб, соперничающих друг с другом: вторжение вот-вот начнется. А даты назывались разные. Есть у спецслужб такой элемент внутренней подстраховки: «если что — я доложил». И когда ничего не происходит — появляется элемент расслабления…

Боевики вошли в Дагестан под зеленым знаменем джихада — священной войны против неверных — и обещали создать исламское государство, которое должно было объединить Чечню и Дагестан. В самом Дагестане к ним присоединились ваххабиты. О них уже несколько лет говорили как о новых и опасных врагах, которые будут пострашнее обычных бандитов из Чечни, потому что ваххабиты намерены оторвать от России Северный Кавказ и создать самостоятельное исламское государство. Боевики, верно, считали, что Москва не решится на вторую чеченскую войну.

8 августа Степашин прилетел в Махачкалу, чтобы организовать отпор бандитам, но развязывать настоящую войну он не хотел. Желание Степашина избежать жертв стоило ему карьеры.

Боевики не ожидали, что получат мгновенный и жесткий отпор. В Дагестан перебросили дополнительные силы, и 11 августа началась крупномасштабная операция по уничтожению боевиков.

Федеральные войска в Дагестане действовали умело, не так, как в первую чеченскую войну. Новая тактика формировалась под влиянием современного мирового опыта — подавление авиацией и артиллерией огневых точек противника, расчленение и окружение отрядов противника, отказ от традиции брать населенные пункты к заранее установленной дате или к празднику. К 24 августа боевики были выброшены из Дагестана.

Но тут пришла новая беда. 4 сентября взорвали дом в Буйнакске — погибло больше шестьдесяти человек, 9 сентября — первый взрыв в Москве, погибло около девяноста человек, 13 сентября — второй взрыв, больше ста двадцати жертв. Прогремел взрыв в Волгодонске, семнадцать погибших.

Тогда никто и представить себе не мог, что эти теракты

радикально изменят политическую жизнь России. Если бы не чеченская война, Путина считали бы промежуточным премьером. Возможно, и у него нашелся бы сменщик. Но в военной ситуации его напор и решительность выгодно контрастировали с вялостью его предшественников.

Взрывы в Москве и в других городах изменили настроения в стране. Люди почувствовали себя беззащитными, они хотели, чтобы их избавили от страха новых взрывов. И вдруг появился защитник, который излучал уверенность, который обещал наказать преступников и начал действовать жестоко и беспощадно.

Путин олицетворял надежную власть, которая не страшится угроз, не боится проблем, а берется их решать, не огорчается, не кряхтит, не жалуется на трудности, а напряженно работает и все успевает. В конце сентября 1999 года на пресс-конференции в Казахстане Путин произнес фразу, которая сделала его знаменитым:

— Мы будем преследовать террористов всюду. Если в сортире поймаем, то и в сортире их замочим.

Жесткость и решительность Путина оказались как нельзя кстати. В начале сентября 1999 года, судя по опросам общественного мнения, за Путина готов был голосовать всего один процент. Через два месяца — больше тридцати процентов. Люди приветствовали твердость премьер-министра Владимира Путина и решение генералов не останавливаться на административной границе с Чечней, а двигаться дальше, чтобы полностью ликвидировать источник опасности. В 1996 году российские войска не понимали, из-за чего они воюют. Когда началась вторая война, цель была понятна — уничтожить террористов, которые убивают мирных жителей. Запаса солдатской ненависти хватило для успешной боевой операции. Сила Владимира Владимировича проявилась и в том, что никто ничего о нем не знал. Он был человеком без политического прошлого, человеком, вышедшим из тени. И это оказалось неоспоримым преимуществом на выборах.

Все считали, что его репутация и его политическое будущее во многом зависели от итогов чеченской кампании. Премьер-министру победоносная операция в Чечне нужна была не меньше, чем Борису Ельцину накануне прошлых президентских выборов. Тогда думали, что любая неудача в Чечне, новый крупный теракт, кровопролитие, необходимость остановить наступление из-за плохой погоды и перейти к позиционной войне окажутся гибельными для репутации кандидата в президенты.

Потом станет ясно, что люди готовы проголосовать за Путина

не только из-за Чечни. А тогда, похоже, и сам Путин был потрясен внезапным ростом своего рейтинга, то есть популярности в народе. Многим казалось, что рост его рейтинга скоро остановится, потому что в стране не так много любителей казарменной лексики.

Он молодой, энергичный, скромный, хорошо и доступно говорящий, абсолютно непьющий, ведущий здоровый образ жизни, тихий на вид и одновременно вполне по-начальнически жесткий. Это идеальный образ руководителя, каким представлял его себе нынешний средний человек. Особенно по контрасту с Борисом Николаевичем, который, безусловно, тоже имел свои достоинства, но никакого порядка не сумел установить. А Путин, полная противоположность ему, смог…

Люди действительно устали. Они охотно переложили всю ответственность на Путина. Из граждан превратились в подданных. Жизнь стала спокойной — и слава богу. Активный средний класс тоже доволен — можно зарабатывать, наслаждаться жизнью, и этого достаточно. Вполне процветающие люди не ощущают необходимости участвовать в политической жизни. Пока их не трогают, они будут сохранять лояльность власти.

Большая семья

Ельцина к тому времени списали окончательно, считая, что он тяжело болен, ни на что не способен и уже никому не опасен. Говорили, что у Ельцина серьезные проблемы с сосудами головного мозга, что иногда во время беседы он вдруг выключается, теряет нить разговора и потом не может вспомнить, о чем говорил. В обществе были уверены, что его политическая карьера закончилась и ему пора уходить.

Лидер коммунистов Геннадий Зюганов уверенно заявлял:

— Режим уже изжил себя окончательно. Он агонизирует. Ельцин уже не может управлять по-старому, а по-новому он не умеет. В ближайшее время «Семья» его изолирует, чтобы он не мешал. Администрация президента растерянна, ослабленна, она не имеет авторитета. Время либералов ушло, народ их ненавидит…

Борис Николаевич не в состоянии был целый день высидеть в Кремле и все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появление на телеэкране производило странное и жалкое впечатление. Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению. Он замкнулся в узком окружении, где главную скрипку играли его дочь Татьяна Дьяченко и журналист Валентин Юмашев.

Пошли разговоры, что за него все делает окружение. И, не спрашивая президента, выпускает указы с помощью резиновой печатки с факсимиле подписи Ельцина, которая хранится в сейфе заведующего канцелярией президента России…

Власть в любом случае обрекает на одиночество. И жалобы на то, что Борис Николаевич слишком подвержен чужому влиянию, скорее отражали недовольство тем, что он слушал советы не тех, а других, что те лишились «доступа к телу», а другие его получили.

«А прислушиваться к чьим-то рекомендациям Ельцин никогда не любил, — говорил в интервью «Собеседнику» один из его бывших референтов Андрей Шторх, — то есть он всегда выслушает тебя с интересом, но думаю, что это тоже чисто русская черта — любопытство. Если он в душе не согласен, то на следующий день все сделает наоборот…»

Пока Борис Николаевич был силен и здоров, он общался с огромным количеством людей. Постепенно состояние его здоровья привело к тому, что он стал встречаться со все меньшим числом людей, закрылся для общественного мнения. Он

принимал только нескольких человек из администрации и министров-силовиков.

Конечный результат оказался плачевным. Он остался один. А какой у него был круг соратников! Среди них попадались, конечно, и серые персонажи, и вовсе никудышные. Но были и блестящие политики. Он всех растерял.

Как только президент замкнулся в узком кругу особо близких и доверенных лиц, сложилось впечатление, что эти люди и принимают все ключевые решения в стране. Летом 1999 года общество было убеждено, что власть в руках этих людей. Появился даже термин «Семья», потому что часть этого доверенного круга была связана с президентом не только служебными, но и родственными отношениями.

Никто твердо не мог назвать состав этой «Семьи». Критерием был постоянный доступ к президенту — важнейшая привилегия в чиновничьем мире. Обычно в этот круг включали дочь президента Татьяну Дьяченко, Валентина Юмашева, главу президентской администрации Александра Волошина, предпринимателя Бориса Березовского, управляющего делами президента Павла Бородина.

Ключевой фигурой в президентском окружении, судя по всему, стала Татьяна Дьяченко.

Ее старшая сестра — Елена — мамина дочка. Она такая же вспыльчивая, гордая и упрямая, каким был Борис Николаевич, но от Наины Иосифовны унаследовала тягу к домашней жизни и политикой не занималась.

Считалось, что она сразу удачно вышла замуж за Валерия Окулова, который уже много лет возглавляет «Аэрофлот». Не так давно «Московский комсомолец» рассказал историю первого и неудачного брака Елены Ельциной. В Свердловске она училась в школе, куда отдавали детей местного начальства, и влюбилась в одноклассника Сергея Фефилова. Яркий юноша пользовался успехом у девушек, так что увлечение Елены неудивительно. Закончили школу и поженились. К тому времени Борис Николаевич уже стал первым секретарем обкома. Вроде бы они с Наиной Иосифовной были против раннего брака, но дочь поступила по-своему. Родители оказались правы: семейная жизнь у Лены не сложилась, Сергей увлекся горячительными напитками и даже изменял молодой жене. Они разошлись, и Лену познакомили с Валерием Окуловым, который работал штурманом в Свердловском авиаотряде. Говорят, что первую дочь Елена Борисовна Ельцина родила от Сергея Фефилова, а Валерий Окулов удочерил Катю… Когда Борис Ельцин получил назначение в ЦК КПСС, Окулова тоже перевели в Москву, он стал летать на международных рейсах, а со временем возглавил весь

«Аэрофлот».

Елена Борисовна родила еще одну девочку, Марию (у обеих дочек уже есть свои дети, правнуки Бориса Николаевича), и сына Ивана. В Москве они с мужем обосновались отдельно от родителей.

Татьяна, спокойная и покладистая, напротив, была папиной любимицей. Она постоянно жила с родителями, кроме тех лет, когда училась на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ, престижном в то время. Отец не хотел, чтобы она ехала в Москву, но Татьяна настояла. Вела себя дочь первого секретаря Свердловского обкома КПСС очень скромно, жила в общежитии, вместе со всеми осенью ездила на картошку.

Татьяна Ельцина трижды выходила замуж. С первым мужем, Виленом Хайрулиным, красивым юношей из хорошей семьи, она познакомилась в университете, когда студентов отправили на картошку. Они поженились в апреле 1980 года. Молодая семья получила квартиру на Кутузовском проспекте — большая редкость по тем временам, но о дочери первого секретаря Свердловского обкома позаботились. Брак оказался недолгим. Говорят, виной была измена Вилена Хайрулина. После рождения сына Татьяна взяла академический отпуск и уехала в Свердловск, к родителям. Вилен остался в Москве доучиваться. Больше они вместе не жили и уже в 1982 году развелись. Фамилия отца не показалась благозвучной, и маленький Борис получил дедовскую фамилию, что весьма польстило Борису Николаевичу, мечтавшему о продолжении рода Ельциных. Потом вообще хотели забыть о неудачном браке, и Вилена Айратовича Хайрулина попросили отказаться от родительских прав на сына Бориса. Он подписал этот документ.

Со вторым мужем, Леонидом Дьяченко, Татьяна познакомилась на работе — они вместе трудились в Государственном космическом научно-производственном центре имени Хруничева. Леонид Юрьевич был сыном главного конструктора. Татьяна Ельцина проработала здесь одиннадцать лет. О дочке Ельцина здесь сохранили наилучшие впечатления — нисколько не задавалась, вела себя, как все. Татьяна родила еще одного сына — Глеба. Когда ребенку было всего шесть месяцев, Татьяна занялась избирательной кампанией Ельцина.

Вероятно, интерес Татьяны к политике в ущерб домашним делам, постоянное общение с яркими политическими личностями разрушили и второй ее брак. Деловой карьере Леонида Дьяченко это не помешало. Он совладелец нефтяной компании «Уларе энерджи», и журнал «Форбс» оценивает его личное состояние в миллиард долларов. Глеб, их общий сын, учится в школе.

Татьяна Борисовна рано увлеклась политикой, переживала за отца и хотела быть рядом с ним. После президентских выборов Татьяна Дьяченко была назначена советником президента и стала каждый день приезжать в Кремль. Она лучше других понимала, что больному отцу невероятно трудно справляться со своими повседневными обязанностями. И вдвоем с Валентином Юмашевым они старались сделать то, на что самому президенту сил уже не хватало.

Ей приписывали личные политические амбиции. Если они у нее и были, то ни в чем не проявились. Она преданно исполняла дочерний долг, помогая отцу, и покинула Кремль вместе с ним. Другое дело, что ее активное участие в политике многих в стране возмущало и в немалой степени способствовало дискредитации власти.

Андрей Козырев, бывший министр иностранных дел, с этим не согласен:

— Сначала говорили, что Ельцин никого не ценит, друзей не заводит, быстро расстается с людьми. Потом его стали критиковать за то, что он не расстается со своей дочкой. У президента должна быть свобода смены своей профессиональной команды. Но у президента нет возможности менять своих дочерей. Да и почему он не может пользоваться советами взрослой дочери? Его дочь — друг, единомышленник. Я знаю Татьяну хорошо, это человек демократических убеждений. Другое дело, что Ельцин мог быть более лоялен к своим бывшим соратникам. Он мог больше прислушиваться к другим людям, и не только к родственникам. Но это вопрос меры. Злодейства тут нет…

Татьяна Дьяченко при первой встрече производит впечатление очень скромного, тактичного, вежливого и аккуратного человека. Она унаследовала от отца твердый характер, который прячет под внешней мягкостью. Приняв какое-то решение, от него не отступает.

В Кремле она редактировала все выступления президента, контролировала его рабочий график, просматривала список тех, кто получал право побывать у президента, участвовала в подготовке для него кадровых назначений — то есть в составлении списка кандидатов на ту или иную должность, из которого президент мог выбирать.

Вообще-то Ельцин не принадлежал к тем людям, которые безоглядно прислушиваются к просьбам и пожеланиям родных.

Его бывший помощник Георгий Сатаров говорил мне:

— Ельцин был по натуре домостроевец. Когда дома ему пытались что-то сказать, он резко осаживал родных: не лезьте,

бабы, не в свое дело! Вот это в его натуре… Понятно, что у близких было больше возможностей ему что-то сказать, повлиять на настроения. Думаю, что это влияние преувеличивалось и демонизировалось. Решения Ельцин принимал самостоятельно…

Но Борис Николаевич знал, что может положиться на мнение дочери, которой движет желание помочь отцу, облегчить его жизнь. Президент ценил в ней надежного помощника и радовался, если она предлагала разумное решение. Почти с таким же доверием Борис Николаевич относился к Валентину Юмашеву. У Ельцина, который мечтал иметь сына, он был на положении самого близкого человека.

Валентин Борисович Юмашев родился в 1957 году в Перми. Рос без отца, взял фамилию матери. Писали, что он вырос в подмосковном поселке Переделкино, где его матери приходилось убирать дачи преуспевающих писателей. Став журналистом, Валентин работал в «Комсомольской правде», потом в «Огоньке». В перестроечные годы Юмашев написал сценарий фильма «Борис Ельцин. Портрет на фоне явления» для Центральной студии документальных фильмов. Вот тогда он и познакомился с опальным Борисом Николаевичем и сумел понравиться будущему президенту. Юмашев работал в «Огоньке», писал за президента его книги и очень много времени проводил рядом с Борисом Николаевичем. Он был принят в доме как член семьи — настоящей, с маленькой буквы.

Со временем Валентин Юмашев стал для Ельцина чем-то вроде приемного сына. Борис Николаевич распорядился выделить ему квартиру в президентском доме на Осенней улице.

В том же 1996 году Юмашев получил свою первую должность в Кремле и стал советником президента по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации. Они работали на пару с Татьяной Дьяченко. Когда в марте 1997 года Чубайс перешел в правительство, Юмашев стал главой президентской администрации.

Для страны это был большой сюрприз; те, кто знал реальную ситуацию внутри Кремля, не удивились. Должность руководителя администрации особенная. Ее обыкновенно занимает человек, способный управлять большой государственной системой и одновременно по характеру приятный, комфортный для президента. Вторым качеством Юмашев обладал в полной мере. Большой государственный руководитель из него, судя по всему, не получился.

Но от Юмашева требовалось совсем другое: облегчить жизнь президента. С этой задачей они вдвоем с Татьяной Дьяченко справлялись.

Валентин Юмашев, скромно выглядящий молодой человек, который за время пребывания в должности ни разу не дал интервью и нигде публично не выступил, казался полной противоположностью своему предшественнику Анатолию Чубайсу.

Чубайс — мощная фигура, уверенные манеры, ежеминутная готовность вступить в бой.

Юмашев — субтильного сложения, с легкой полуулыбкой, почти незаметный, сторонящийся чужого внимания.

Но Юмашев оказался покруче Чубайса.

Когда руководителем аппарата президента в 1996 году был Анатолий Чубайс, говорили о том, что он во время болезни президента сам управляет страной, что он превратился в заместителя Ельцина.

О Юмашеве такое сказать было нельзя. Он не управлял страной. Но полтора года казалось, что он управляет Ельциным. Президент, как человек уже немолодой и нездоровый, вообще говоря, нуждался в своего рода личном политическом телохранителе, человеке, способном служить буфером между ним и разного рода конфликтами.

Но, контролируя жизнь президента, руководитель аппарата постепенно становится тихим диктатором. Президент, особенно если он плохо себя чувствует и лишен возможности ездить по стране, встречаться со множеством людей, начинает полностью зависеть от своего главного помощника. В последний год президентства Ельцина все его советчики — это Юмашев и Татьяна Дьяченко.

Когда уже после ухода Ельцина в отставку Валентин и Татьяна поженились, это никого не удивило. И до этого их часто видели вместе — они ездили за границу, играли в теннис, учили английский язык. А ведь когда-то уверенно говорили, что у Татьяны роман с Чубайсом. Промахнулись. У Чубайса у самого красивая жена. Ему некогда романы заводить.

А у Юмашева полно времени — и в теннис поиграть, и на вечеринку закатиться, и за границу съездить. Юмашев принадлежит к типу тихих и как бы робких мужчин, от ласковых манер которых тают женские сердца.

Он был женат на Ирине Веденеевой, которая работала в спортивном отделе «Московского комсомольца». Они обзавелись дочкой, но брак быстро разрушился. Потом у него был длительный роман с журналисткой Светланой Ваврой. Они прожили вместе три года, но свои отношения так и не зарегистрировали. С первой женой он развелся осенью 2001 года, когда стало известно, что Татьяна Ельцина ждет ребенка.

Нет, наверное, второго такого автора, который бы всего из трех книг, написанных от имени Ельцина, извлек такие дивиденды — не только в смысле денег. Забавно, что в этих книжках Юмашев сам себе пишет благодарственные слова от имени Бориса Николаевича. В первой: «Если бы не помощь молодого журналиста Валентина Юмашева, которому часто приходилось, подстраиваясь под мой ритм, работать без выходных и ночами напролет, — трудно сказать, появилась бы эта книга». Во второй: «Нас связывает более чем пятилетняя творческая дружба… Все три года, пока работал над рукописью, я знал, что он рядом со мной. Наши разговоры, иногда ночью в кремлевском кабинете, иногда в самолете, иногда у камина… позволяли мне постоянно чувствовать образ будущей книги…» В третьей: «Валентин — талантливый журналист, аналитик замечательный. Работать готов сутками».

Некоторые его недавние подчиненные говорили мне, что Валентин Юмашев — гений ничегонеделания:

— Он очень способный человек в смысле человеческих отношений: уговорить, переубедить, свести кого-то с кем-то, уладить конфликт. Но работать с ним было просто невозможно. Возникла проблема. Надо ее обсудить, говорил он, давайте проведем совещание. Обсудили, совещание заканчивается. Нормальный руководитель должен закончить совещание принятием какого-то решения. Юмашев говорит: давайте-ка еще соберемся и все заново обсудим. А дело не двигалось с мертвой точки…

Самого Юмашева эта каждодневная чиновничья работа тяготила. Его вполне устраивало положение неофициального советника президента. В конце 1998 года он ушел с поста руководителя администрации. Никто не мог понять, почему это произошло. Гадали, за какие грехи Ельцин расстался со своим любимцем. А дело в другом: Юмашев почувствовал, что его отношения с Борисом Николаевичем становятся официальными. А он не хотел превращаться в еще одного чиновника. Он дорожил личными отношениями с президентом, поэтому ушел и сохранил свое место при дворе.

Дочь Юмашева Полина вышла замуж за алюминиевого магната Олега Дерипаску и осенью 2001 года родила сына Петра. Состояние владельца «Русского алюминия», по сведениям «Форбс», превышает шестнадцать миллиардов долларов.

А вскоре молодой дедушка решил начать новую жизнь — Валентин Юмашев женился на Татьяне Борисовне, и она взяла его фамилию. Это произошло в середине декабря, была скромная свадьба на даче у Ельциных, потом новобрачные поехали к маме

Юмашева. После отставки Ельцина Татьяна два года числилась советником главы президентской администрации Александра Стальевича Волошина. Затем возглавила Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина. В новом браке она родила девочку — Марию Юмашеву. Еженедельник «Аргументы и факты» рассказывал, что Валентин и Татьяна проводят время в основном за границей, где живут на широкую ногу. Юмашев не жалеет денег на бриллианты, которые так нравятся Татьяне…

Бориса Николаевича Ельцина страна когда-то поддержала как человека, выступившего против привилегий, готового разделить с людьми тяготы их жизни. А кончилось это святочным рассказом для телезрителей о том, что жена будто бы жарит ему котлеты, купленные в магазине, чему уж точно никто не поверил, и красивой жизнью его окружения, которое даже не стеснялось демонстрировать свое процветание. Вот это, наверное, больше всего отвратило людей от Ельцина.

Самое непонятное и загадочное место в «Семье» занимал преуспевающий предприниматель Борис Березовский, который быстро потерял интерес к бизнесу и стал заниматься политикой. Наиболее удачной сделкой Березовского было приобретение части акций Общественного российского телевидения, что обеспечило ему контроль над первым каналом, передачи которого принимаются во всех, самых отдаленных уголках страны.

Бешеная энергия, поразительное чутье и математический ум Березовского помогли ему занять место в высшем эшелоне российского политического истеблишмента. Он дважды занимал официальные должности — заместителя секретаря Совета безопасности и исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств. Но его сила заключалась не в простых чиновничьих достоинствах, а в комбинационных возможностях его ума, умении налаживать отношения и кого угодно убедить в своей правоте. Член-корреспондент Академии наук Березовский испещрял бумагу не абстрактными математическими формулами, а конкретными политическими построениями, в частности кадровыми.

Березовский — мягкий, вежливый и приятный в личном общении человек. Говорят, что он почти не спит, не умеет отдыхать и должен постоянно находиться в движении. Его мозг тоже не терпит простоя. Он наделен еще счастливой способностью не обижаться и не смущаться. Получив отказ, он подыскивает новые аргументы и продолжает добиваться своего. Он — гений пробивания придуманных им идей.

Но люди, знающие его, замечают, что Березовскому всегда были свойственны спешка и азарт. Он слишком торопится,

добиваясь результата. Он мастерски принимает мгновенные решения, но стратегически допускает ошибки, поэтому и проиграл в конце концов…

Как Березовский попал в Кремль? Министр в гайдаровском кабинете, а ныне видный предприниматель Петр Авен познакомил его с Юмашевым, тот — с Коржаковым.

Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев ценили цепкий и оригинальный ум Березовского. Татьяне, разумеется, нравились и другие умные люди, скажем, Игорь Малашенко, один из руководителей НТВ, который наотрез отказался стать главой президентской администрации, и Анатолий Чубайс. И только один Березовский готов был как бы бескорыстно делиться идеями, круглые сутки рождать все новые и новые политические конструкции. Он наслаждался этими политическими играми, они составляли смысл его жизни.

Дьяченко, Юмашев и Березовский часто встречались в неформальной обстановке, обсуждали важнейшие проблемы. Окончательное решение в любом случае принимал Ельцин, но они предлагали варианты. Тем не менее влияние Березовского, видимо, не стоило переоценивать. Личного доступа к президенту у него практически не было. Способностями Березовского в Кремле охотно пользовались, но его положение никогда не было надежным и стабильным. Во время премьерства Примакова был даже выписан ордер на его арест. Березовский отсиделся в Париже, а потом ордер аннулировали. А тут, на его счастье, и Примакова убрали из Белого дома…

Зять Ельцина Валерий Окулов, генеральный директор «Аэрофлота», совершенно спокойно выставил Березовского из своего бизнеса и уволил всех его людей. Тут и особые отношения с Татьяной Ельциной и Юмашевым Борису Абрамовичу не помогли. Тем более что они, вероятно, не были такими уж крепкими, поэтому Березовский всеми силами изображал себя более важной персоной, чем был на самом деле.

Узнав в Кремле о подготовке того или иного решения или, например, о предстоящем заметном назначении (а до подписания президентом указа все принято держать в тайне), он где-нибудь на пресс-конференции многозначительно говорил, что такого-то, с его точки зрения, стоило бы назначить на такую-то должность.

Через две недели назначение действительно происходило, и все изумлялись: «Ну Березовский, все может! Только сказал, и уже решение принято». Так что Березовский, по мнению людей знающих, еще и талантливый мистификатор…

Немцов рассказывал, как они с Чубайсом подготовили указ об отставке Березовского:

— Приехали к Ельцину на Рублевку. Показали указ. Он берет ручку и зачеркивает слово «указ». Мы с Чубайсом в шоке. Президент говорит: «Кто такой Березовский, чтобы его указом снимать?» Пишет: «Распоряжение» — и подписывает документ. Мы еще потом с Чубайсом ему про Березовского говорили, а он вдруг ответил: «Что вы говорите о нем? Я его уже снял с работы. Его уже нет».

Бориса Березовского все последние годы обвиняют в чем угодно, только не в том, что он действительно совершил. А он вместе с тогдашним руководством Волжского автозавода открыл возможность наживать огромные деньги буквально из воздуха. Он получал с завода машины за бесценок, а продавал гражданам вожделенные «Жигули» с колоссальной наценкой. Внакладе остался и АвтоВАЗ, лишившийся законной прибыли, и покупатели машин, которые платили втридорога. В выигрыше были сам Березовский и, надо понимать, руководители завода. Или они сделали Березовского миллиардером из чистой симпатии к приятному москвичу? Не было ли настоящим обманом создание «Автомобильного всероссийского альянса», когда Березовский и глава ВАЗа Владимир Каданников собирали у людей деньги на строительство автомобильного завода? Завод они не построили и денег не вернули.

«Обязательства перед папой»

Многие сомневались: сам ли Борис Николаевич принял неожиданное для страны и мира решение уйти, чтобы передать кресло Путину? Или же был вынужден покинуть Кремль, подчиняясь чьей-то сильной воле? И вообще — в какой степени в последние месяцы и годы он решал, что и как будет, а в какой прислушивался к настойчивым советам других?

Ельцин, несмотря на возраст и болезни, оставался человеком очень волевым и своенравным. Он не любил ездить по накатанной колее. Ему нравилось удивлять окружающих хорошо подготовленными экспромтами, которые потом обильно цитировались. Иногда его своенравие проявлялось самым странным образом.

Так почему же он все-таки решил уйти досрочно? Сейчас, наверное, не все это помнят, но в конце 1999 года Ельцин еле-еле ходил. Он производил впечатление неизлечимо больного человека, который не в состоянии управлять государством. Отдавал ли он себе отчет в том, что происходит в стране и вокруг него? Казалось, земной жизни ему осталось совсем немного. Уйдя в отставку, он явно продлил свою жизнь на несколько лет. Но в 1999 году его явно преследовал не страх смерти. Он боялся того, что может последовать за победой на выборах кого-то из его политических противников. В разгар бурной предвыборной кампании один из оппозиционных Ельцину политиков публично напомнил ему о судьбе семьи румынского вождя Николае Чаушеску, сметенного волной народного гнева. Это прозвучало достаточно зловеще, потому что Николае и Елена Чаушеску были расстреляны без суда и следствия, а их сына посадили на скамью подсудимых…

Борис Николаевич был человеком не робкого десятка и, скорее всего, боялся не за себя, а за семью — в узком смысле этого слова. Боялся или его пугали — этого мы знать не можем. Участники тех бесед молчат и, думаю, никогда ничего не расскажут.

В окружении президента смертельно боялись, что выборы выиграет команда Примакова — Лужкова и что за этим последуют репрессии в отношении ельцинской семьи. Опасались, скорее всего, напрасно. Но в 1999 году в Кремле все силы были брошены на избрание президентом своего человека. Считалось, что досрочные выборы дадут ему фору, а другие кандидаты не успеют приготовиться к предвыборной кампании.

Ельцин с удовольствием вспоминал, как ловко он

организовал передачу власти Владимиру Путину. При этом не задумывался — или не хотел задуматься — над тем, что эта операция носила циничный характер. Формально все было сделано по закону, а по существу право российских граждан выбрать себе такого президента, которого они хотят, было ограничено.

Владимир Путин на посту премьер-министра был сверхлоялен, все согласовывал с Ельциным, не позволял себе ни намека, ни шага, которые бы кого-то в президентском окружении смутили. В своем телеобращении Ельцин, оценивая нового главу правительства, веско произнес:

— Я в нем уверен. Журналистам Ельцин говорил:

— С каждым днем я больше и больше убеждаюсь, что это единственный вариант для России, наиболее приемлемый… Он может, будучи президентом, повести Россию за собой. Поэтому моя поддержка его личной кандидатуры была и есть, мало того — она не только остается, убежденность моя нарастает с каждым днем. Вы посмотрите на его действия, вы проанализируйте его поступки: насколько они логичны, умны, сильны…

Когда Ельцин заявил увесисто: вот мой преемник, сразу заговорили, что царь Борис напрасно свою волю высказал: с такой рекомендацией Путина даже в управдомы не выберут. Однако буквально за два месяца у Путина появилось много поклонников. Он был человеком новым в политике, твердым, решительным, за старые безобразия на нем вины не было, так что люди смотрели на него с надеждой.

Ельцин уверял, что первый разговор с Путиным о передаче власти у них состоялся 14 декабря 1999 года, еще до выборов в Государственную думу. Ельцин сказал премьер-министру, что принял решение уйти досрочно: Путин становится исполняющим обязанности президента и в этом качестве участвует в выборах.

Владимир Владимирович, по словам Ельцина, не спешил с ответом. Борис Николаевич добавил, что намерен уйти до Нового года.

— Думаю, я не готов к этому решению, Борис Николаевич, — сказал Путин. — Понимаете, это довольно трудная судьба.

— Я тоже когда-то хотел совсем иначе прожить свою жизнь, — ответил Ельцин. — Не знал, что так получится. Но пришлось… Пришлось выбирать. Теперь вам надо выбирать.

Путин продолжал:

— Вы очень нужны России. Вы мне очень помогаете. Очень важно, что мы с вами работаем вместе. Может, лучше уйти в срок?

Но все уже было решено.

— Ну так как? — настаивал Ельцин. — Вы мне не ответили.

— Я согласен, Борис Николаевич.

И Путин, и Ельцин потом порознь описывали этот разговор. Похоже, они упустили один важный момент, который не мог не обсуждаться: некие обязательства, которые Путин берет на себя.

Татьяна Дьяченко позднее признавалась журналистам, что Владимир Владимирович связан «человеческими обязательствами»:

— И не перед какой-то абстрактной командой, а перед папой.

Теоретически речь должна была идти не только о личной судьбе Бориса Николаевича, семьи и некоторых фигур его окружения. Логично было бы предположить, что они обговорили и те ключевые направления политики, которые Путин возьмется продолжать. Но эту важнейшую часть разговора оба участника судьбоносной беседы в Кремле нам не пересказали. Может быть, эта тема и не обсуждалась? Наследник обещал первому президенту позаботиться о нем и его семье, но в большой политике не стал связывать себе руки.

Как в реальности Владимир Владимирович относился к Ельцину?

Путин конечно же был благодарен ему за блистательную карьеру. Но похоже, с самого начала считал, что не станет следовать курсом Ельцина. Они совершенно разные люди. Ельцин шел к власти долго и мучительно, немало пострадав. Чтобы сделать следующий шаг, ему приходилось добиваться поддержки избирателей. Путин делал карьеру аппаратным путем.

Путин принадлежит к числу тех, кто более чем выиграл от ельцинской политики. Если бы не начавшиеся в стране перемены, Владимир Владимирович продолжал бы служить в Комитете госбезопасности и сейчас, наверное, по возрасту уже вышел бы в отставку, получив скромную пенсию и шесть соток под Питером.

Но странным образом очень многие люди, которые так много выиграли от ельцинских реформ, которые заняли высокие посты в государстве или превратились в миллиардеров, относятся к первому президенту России крайне неуважительно…

Через полгода после ухода Ельцина, летом 2000 года, в Москву приехал американский президент Билл Клинтон. Путин с удовольствием продемонстрировал гостям свои кремлевские апартаменты — библиотеку с бюстом Пушкина, личную часовню, спортзал с тренажером и кушеткой для массажа. Проходя по коридору, показал темную и пустую комнату и небрежно пояснил:

— Это медпункт предыдущего обитателя. Американцы обратили внимание на эту фразу и на тон, которым она была произнесена. Новый российский президент не испытывал пиетета

к своему предшественнику. Билл Клинтон сразу же заметил, что намерен навестить Ельцина, и поинтересовался, остался ли тот на прежней даче.

— Да, — сказал Путин, — я разрешил ему там остаться.

У Владимира Владимировича свои принципы, и он конечно же исполнил все свои личные обязательства перед Ельциным (не важно, было ли это произнесено вслух или подразумевалось). Борису Николаевичу и его семье он гарантировал комфортную жизнь. И похороны Ельцину устроил по высшему разряду — как главе государства.

Но он взялся проводить совершенно иную внешнюю и внутреннюю политику.

Борис Николаевич Ельцин — при всех своих недостатках — сохранял в стране политический плюрализм, демократию и свободу слова. Совершенно очевидно, что такова была его личная воля. Когда он ушел, выяснилось, что все демократические завоевания сохранялись только потому, что он этого хотел.

Сменивший его Владимир Путин смог сделать то, что было не под силу Ельцину: консолидировал значительную часть российского общества. Большинство населения все эти годы одобряет деятельность Путина, многие хотели бы, чтобы он и дальше оставался на посту президента. Рост цен на нефть, газ, металлы и другой российский экспорт наводнил страну деньгами. Удачная экономическая конъюнктура позволила улучшить положение людей.

При этом команда Путина отказалась от ельцинского наследства под разговоры о том, что у нас свои традиции и вообще Россия еще не готова к полной демократии… Выходит, американцы в конце XVIII века, когда они приняли свою конституцию (и с тех пор ни разу не меняли), уже были готовы к полноценной демократии, а наши люди и в XXI веке не созрели?

Свертывание демократии ухудшило отношения с Соединенными Штатами и европейским странами. Неудачные шаги Кремля испортили отношения с бывшими советскими республиками. Эксперты отмечают, что внешняя политика при Ельцине не была самодовольной и столь откровенно циничной, как сейчас. Зато она была куда более профессиональной, потому что занимались этим дипломаты, а не фокусники-политтехнологи или вообще далекие от мировой политики нефтяники и газовики.

Нынешние российские руководители, которые избавили себя от любой критики дома, страшно недовольны тем, как западные политики откликаются на политику Путина. Особенно не нравится то, что все оценки даются публично. В Кремле реагировали самым примитивным образом, стимулируя

антиамериканские настроения. А ненависть к Америке, воспитанная советской пропагандой, и без того укоренилась в сердцах и умах российских граждан. Многие чуть ли не от рождения ненавидят Соединенные Штаты, хотя эта страна нисколько не виновата в несчастьях, постигших Россию в XX столетии.

Наши люди по-прежнему рисуют себе своеобразную картину мира, в центре которой наша страна — оплот добра и справедливости, а другой полюс — это враждебная всему хорошему Америка. И все, кто против Америки, наши друзья. «Самый последний советский человек на голову выше лучшего человека Запада», — говорил Сталин. В плену этой заманчивой картины пребывают не только мало искушенные в политике граждане, но и профессиональные политики и дипломаты.

«Путин — закрытый и контролирующий себя человек, — считает известный российский ученый Дмитрий Фурман. — Но периодически он, как это часто бывает с такими людьми, вдруг скажет что-то предельно откровенное. Такова, например, его знаменитая фраза о мальчике, вышедшем во враждебный двор, зажав конфетку в «потном кулачке». Здесь что-то очень глубокое, связанное с сугубо индивидуальными особенностями детства.

Этого мальчика всю жизнь подавляли. Но после долгих лет власти и под влиянием запаха нефтедолларов самоконтроль теряется, и мальчик выходит наружу. Только в кулачке у него теперь нефть и газ. И есть головокружительное сознание, что их много и они нужны всем. А вокруг тот же враждебный двор, где все хотят тебя обдурить или просто конфетку съесть».

Команда Путина — это люди сравнительно молодые, современные. Они хотят наслаждаться той жизнью, о которой, поездив за границу, хорошо осведомлены. Вкусив прелестей капитализма, они хотят обеспечить и детей, и внуков. Посылают детей учиться за границей, приобретают там собственность. И их недовольство прежней командой, желание убрать ее и поставить повсюду своих людей в значительной степени было продиктовано желанием самим получить в руки управление финансовыми потоками, самим распоряжаться богатой государственной собственностью, которая становится частной.

Отношение самого Путина к крупному бизнесу сложное. Одних промышленников и банкиров он просто невзлюбил, потому что раньше они играли против него. О других он знает то, что ему совсем не нравится. На одной из встреч с крупными бизнесменами кто-то стал жаловаться на то, что их не любят в стране. На что Путин жестко сказал: а чего вас любить, если вы с собой самолетами проституток возите… И все инстинктивно

посмотрели на бизнесмена, который этим известен.

План Путина и его команды, надо понимать, был таков: подавить «нелояльных» олигархов и открыть все дороги перед «своими». Владимир Владимирович обещал ликвидировать олигархов как класс, но обещания не исполнил. Сложилась новая олигархия — из числа близких к Кремлю людей. Работа в госбезопасности заставляет вести двойную жизнь, думать одно, говорить другое, с недоверием относиться к окружающим. Мир делится на своих и чужих. К своим — отношение особое. Известно, что Путин предан друзьям, никого из них не забывает. Считает делом чести помочь другу, дать ему хорошую должность.

История современного российского бизнеса не написана и, возможно, никогда не будет написана. Кто же решится рассказать о том, что огромные деньги зарабатывались путем каждодневного нарушения всех и всяческих законов? И делалось это с прямого благословения и при участии высших чиновников. Именно власть позволяла обогащаться приближенным к ней лицам. Что изменилось с приходом новой политической команды? Изменились только приближенные лица.

Заботы пенсионера

Все поразились, как легко Ельцин пережил уход на пенсию. Он вел тихую жизнь пенсионера, лечился, ходил в театры, путешествовал, насколько позволяли силы. В 2002—2003 годах он явно чувствовал себя неплохо и постоянно ездил по стране и миру. Не забывал родной Екатеринбург. Зимой 2003 года прилетел вручать именные стипендии лучшим студентам alma mater — Уральского политехнического. Поразил тем, что в двадцатиградусный мороз был с непокрытой головой. Встречавшему его губернатору Эдуарду Росселю тоже пришлось снять шапку. Стипендии в две тысячи рублей получили полсотни студентов. Ельцин предложил студентам задавать любые вопросы, но вопросов не было, видимо, университетское начальство запретило. Летом опять приехал в родной город. Борис Николаевич болел за российскую женскую команду на международном волейбольном турнире. Выиграла «Уралочка-НТМК» из Екатеринбурга, и Ельцин восторженно поздравлял девушек. Журналистам сказал:

— Весь сезон нашей команде пророчили неудачу. Но в решающий момент девочки проявили настоящий уральский характер.

Борис Николаевич с удовольствием собирал однокурсников, всякий раз в новом месте. В последний раз повидался со старыми друзьями в мае 2005 года в Кисловодске. Ельцин всем купил билеты и снял виллу, где минеральную воду можно пить, не выходя из номера.

1 февраля 2006 года его семидесятипятилетие отмечалось в Кремле. В Георгиевском зале был устроен прием для политической элиты страны.

Дважды в год — 12 июня и на Новый год — Ельцин собирал на даче в Барвихе всех родственников. Дочери, внуки и внучки навещали его чаще.

Ельцин по-прежнему интересовался спортивными состязаниями, приезжал на стадион поболеть. Известная тележурналистка Марианна Максимовская рассказывала, как за год до смерти видела Ельцина на Кубке Кремля:

— Он с Наиной Иосифовной сидел прямо надо мной. Ельцин невероятно эмоционально болел за наших теннисистов: прыгал, вскакивал, размахивал руками. Наина Исифовна все время его успокаивала: «Боря, ну сядь, ну что ты вскочил». Эта семейная идиллия была очень трогательной.

Поведение Ельцина-пенсионера в первую очередь

определялось состоянием здоровья. Через год после ухода в отставку, 1 февраля 2001 года, ему исполнилось семьдесят лет. Домашние хотели отметить юбилей, но на Бориса Николаевича обрушилась очередная инфекция, поднялась температура, и его положили в больницу. Ельцин ушел на пенсию тяжелобольным человеком, каждодневно зависящим от кремлевской медицины. Вместе с тем не подтвердились слухи о том, что ему совсем плохо, что начался распад личности.

Осенью 2001 года он пригласил к себе на дачу своих бывших помощников и референтов, которые писали ему все выступления. Один из приглашенных рассказывал мне, что они боялись ехать, не хотели видеть тень некогда выдающегося человека. Но помощники нашли Ельцина в очень приличной форме (он всех называл по имени-отчеству, знал, кто чем занимается) и были страшно довольны.

Поначалу думали, что он не выдержит, станет приезжать в Кремль, вмешиваться в текущие дела. Ничего подобного Борис Николаевич себе не позволил. Хотя бывший управляющий делами президента Павел Бородин, побывав у него в 2002 году, заметил:

— У него в глазах такая глубокая тоска по настоящему делу.

«Знаете, я много раз задумывалась над тем, что будет, когда папа оставит пост, как он это перенесет, — говорила Татьяна Дьяченко в газетном интервью. — Многие же писали, что он вообще не может без власти. Когда любой человек уходит на пенсию, он страшный стресс испытывает, а тут… К счастью, папа оказался сильнее.

Заметьте, он ведет себя предельно аккуратно и тактично, хотя при его сильном характере, при его темпераменте ему наверняка хотелось бы высказаться по многим вопросам, что-то прокомментировать».

Но он сам сказал журналистке Людмиле Телень в октябре 2003 года:

— Я считаю, что после отставки не вправе оставаться публичным политиком. Дал себе зарок не комментировать то, что делает действующий президент. То, что мне нравится или не нравится, я ему высказываю один на один. Оппозиционные мнения всегда должны быть в обществе, без них в жизни нельзя. Об этом я Владимиру Владимировичу говорил.

Говорят, что он не затруднялся снять трубку аппарата прямой связи и переговорить с Путиным.

Интересен список гостей, которых приглашал Ельцин. В середине февраля 2000 года у Бориса Николаевича побывал Егор Гайдар. В конце февраля многолетний руководитель кремлевского протокола Владимир Шевченко позвонил лидеру

фракции Союза правых сил Борису Немцову:

— Борис Николаевич приглашает пообедать. Немцов нашел бывшего президента в отличной форме:

— Я его давно таким не видел, лет десять.

Гостя угощали борщом и пельменями, поили красным вином. К мужчинам присоединилась Наина Иосифовна и Татьяна. Рассуждая о кадровой политике нового хозяина страны, Ельцин заметил, что новому президенту необходимо окружать себя не столько преданными людьми, сколько профессиональными. Он поддержал предложение избирать членов Совета Федерации: «Не назначать же всех из Кремля!» Бывший президент совершенно определенно высказался и в поддержку свободы слова:

— Я терпел любую критику, а сейчас даже справедливое замечание трудно произнести вслух.

Едва ли слова бывшего президента понравились Путину и его окружению. Борис Немцов рассказал журналистам, что руководители государственных телеканалов получили указание о его встрече с Ельциным ничего не говорить и самого Немцова в эфир не пускать…

Еще несколько раз Ельцин высказывал то, что не очень нравилось в Кремле. В декабре 2000 года в интервью «Комсомольской правде» он твердо заявил:

— Я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного. Такими вещами не шутят.

Владимиру Путину эти слова никак не могли понравиться, потому что это он решил вернуть стране старый гимн с новыми словами.

24 июня 2002 года на пресс-конференции президент Путин так отозвался о Ельцине:

— Он свободный человек. Имеет возможность свободно передвигаться, встречаться, высказывать свое мнение.

Думаю, что ничего здесь плохого нет. Но по многим проблемам у меня есть свое мнение, и я буду реализовывать то, что считаю нужным, то, что считаю соответствующим интересам России. Борис Николаевич яркий человек, опытный политик. У него есть свое мнение, он его высказывает. Ну, спасибо. Будем иметь в виду.

Ельцин еще несколько раз выражал свое несогласие с политической практикой своего наследника.

В сентябре 2004 года Ельцин высказался в газете «Московские новости», которую редактировал тогда Евгений Киселев. Текст, судя по всему, был, как обычно, написан Юмашевым. Редакция просила Ельцина высказать свое мнение о последствиях трагедии в Беслане и отмене губернаторских выборов. Ельцин ответил: «Я

уже говорил, что, уйдя из публичной политики, не собираюсь давать политические комментарии и обсуждать действия тех, кто пришел после меня: президента страны, лидеров партий, депутатов, политиков. У меня есть возможность те соображения, те мысли, которые волнуют меня, высказать лично Владимиру Владимировичу Путину… Но я твердо верю, что меры, на которые после Беслана пойдет руководство страны, будут лежать в русле тех демократических свобод, которые стали ценнейшим достижением России за это последнее десятилетие. Мы не позволим себе отказаться от буквы, а главное — от духа той Конституции, которую приняла вся страна на всенародном референдуме в 1993 году. Хотя бы только потому, что удушение свобод, свертывание демократических прав — это и есть в том числе победа террористов».

Резкий тон первого президента был воспринят как несогласие с политическими шагами Путина, как предостережение ему. Но больше таких резких слов Ельцин себе не позволял. Когда его спрашивали, не сожалеет ли он, что выбрал Путина своим преемником, он твердо отвечал:

— Нет.

Накануне своего семидесятипятилетия Борис Николаевич дал интервью журналу «Итоги». Особо отметил:

— Знаете, что мне больше всего нравится сегодня? Изменилось настроение людей. Экономическая ситуация улучшается, ежегодно увеличиваются размеры пенсий, зарплаты бюджетников. Конечно, я рад, что не ошибся, остановив свой выбор на Владимире Путине. Ситуацию в стране оценил так:

— Замечания всегда есть, было бы странно, если бы их не оказалось. Но главное — стратегический курс, его я поддерживаю, считаю правильным.

— А тактические расхождения? — уточнил корреспондент «Итогов».

— Они с прессой не обсуждаются. Один на один могу сказать Владимиру Владимировичу, но на публике, как говорят на Западе, no comments. Поэтому никаких критических замечаний вы от меня не услышите. Зачем вносить раздрай? Я выдвигал Путина и должен его поддерживать.

— А раньше, бывало, критиковали вслух, — напомнил корреспондент. — Например, из-за нового гимна России ворчали. Мол, старый советский перелицевали.

— Поворчал и успокоился, — ответил Ельцин. — Куда деваться? Гимн-то остался.

Люди, пришедшие к власти, оценивали эпоху Ельцина очень резко, его самого именовали разрушителем государства.

На пресс-конференции 1 февраля 2007 года (кстати, в день рождения Ельцина!) Путин выразился так:

— Вспомним середину девяностых годов, когда, как в известной басне, лебедь, рак и щука в разные стороны тащили, а страна стояла на месте. Когда разные ветви власти удовлетворяли только свои политические амбиции, говорили о реформах, но мало что делали…

А те, кто оказался в оппозиции к нынешней власти, кто считал, что страна пошла не тем путем, продолжали апеллировать к первому президенту — ведь это он привел к власти Путина. Люди демократических убеждений ставили Ельцину в вину войну в Чечне и то, что он отдал власть человеку, который отказался от его наследства.

Всего за несколько дней до смерти Ельцина «Новая газета» опубликовала адресованное ему открытое — и весьма резкое — письмо своего обозревателя Бориса Вишневского:

«Вы не в курсе, что нынешняя российская политическая власть, руководимая человеком, которого Вы назвали своим преемником, отнимает у граждан право на свободное выражение своего мнения? То право, которое Вы когда-то отстаивали (в прямом смысле отстаивали на танке у Белого дома) и которое закреплено в Конституции, которую Вы нас просили принять? Борис Николаевич, Вы не смотрели по телевизору, как разгоняли марши несогласных в Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде?

В конце восьмидесятых годов, когда народ выходил на улицу, в том числе чтобы поддержать Вас в борьбе против коммунистической власти, его не встречали, как сегодня, шеренги карателей, водометы и дубинки. И митинги тогда, как правило, не разрешалось запрещать — не говоря уже о том, чтобы избивать их участников и потом сутками держать в «обезьянниках». Борис Николаевич, когда-то Вы упрекали Горбачева за «нежелание слышать свой народ». Сегодняшняя российская власть не только не желает слышать свой народ — она отвечает ему ОМОНом. Если бы тех, кто собрался в августе 1991 года вокруг Белого дома, встретили так, как в Нижнем Новгороде в марте 2007 года, уверяю Вас, сентябрь 1991-го Вы встретили бы уже в камере. Вы считаете, что наша страна должна двигаться к демократии? А если Вы считаете, что она движется в противоположную сторону, почему молчите?»

Не знаю, показывали Ельцину такого рода газетные материалы или оберегали от неприятных эмоций. Но это открытое письмо Борис Николаевич уже в любом случае прочитать не мог. А если бы и прочитал? Не уверен, что отрезанный и оторвавшийся от реальной жизни человек мог

адекватно оценивать происходящее в стране. К тому же очень давно и столь тяжело болевший. Конечно, инфаркт не инсульт, но серьезные поражения сердечно-сосудистой системы не проходят бесследно и для интеллектуальной сферы. Со стороны судить непросто, но есть ощущение, что Борис Николаевич жил в нереальном мире, считая, что дела в государстве идут все лучше и лучше. И его семья, заботясь о здоровье близкого и дорогого человека, делала все, чтобы он пребывал подальше от забот и тревог страны.

«Где ручка, которой я буду подписывать?»

Все необходимые документы юристы подготовили давно — вариант досрочного ухода и в самом деле не раз рассматривался за закрытыми дверями в Кремле. Текст последнего обращения Ельцина писали руководитель президентской администрации Александр Волошин и Валентин Юмашев — никому другому не доверили.

29 декабря 1999 года Ельцин в последний раз вручал государственные награды. Золотые звезды Героя России получали полководцы второй чеченской войны — генерал-полковник Виктор Казанцев, генерал-лейтенант Геннадий Трошев, генерал-майор Владимир Шаманов.

30 декабря новогодний прием в Кремле давали от имени президента. Но Ельцин на прием не пришел. В его отсутствие хозяином стал глава правительства Владимир Путин. Он произнес тост:

— За благополучие и покой в каждом нашем доме, в каждой нашей семье! За новые победы в новом году! За великую Россию!

Позволю себе маленькое отступление. В тот день, 30 декабря вечером, я выступал со своим комментарием в вечерней программе новостей телекомпании «ТВ-Центр». Обычно темой комментария становилось главное событие дня. Почему-то в тот последний рабочий день года я решил попрощаться с Ельциным. И вот что я сказал (цитирую по видеозаписи):

— Если вы сейчас смотрите нашу программу, значит, вы тоже не пошли на большой новогодний прием в Кремле, который сегодня — впервые за все годы своей власти — решил дать президент Ельцин. В последний момент он не пришел и поручил Путину исполнять обязанности хозяина. Помимо очевидного желания уязвить Юрия Лужкова — а раньше такие приемы устраивал московский мэр — Ельциным руководило, возможно, и желание использовать последнюю возможность. К следующему новогоднему приему в Кремле обоснуется новый хозяин. 2000 год станет не просто годом президентских выборов, но и прощанием с целой эпохой, которую вполне можно назвать эпохой Ельцина. Все, что происходило с нами в последние десять лет, связано с этим человеком. Кто бы сейчас ни был избран президентом, он станет им потому, что его выдвинул Ельцин…

Итак, вечером 30 декабря я публично попрощался с президентом Ельциным, а на следующий день он действительно ушел в отставку.

31 января Борис Ельцин в девять часов утра подписал указ

№ 1761:

«1. В соответствии с частью 2 статьи 92 Конституции Российской Федерации прекращаю с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г. исполнение полномочий Президента Российской Федерации.

2. В соответствии с частью 3 статьи 92 Конституции Российской Федерации полномочия Президента Российской Федерации временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.

3. Настоящий указ вступает в силу с момента его подписания».

Это был последний указ президента Ельцина.

Он всегда придавал особое значение этой процедуре. Никогда не ставил закорючку, подписывался очень аккуратно, тщательно выводя все буквы своей фамилии. Подпись на указе ставил специальной ручкой — только перьевой. Когда ему приносили указ, Ельцин спрашивал:

— Где ручка, которой я буду подписывать?

В 9.30 к нему приехал наследник. Владимир Путин подписал следующий по номеру указ — первый в своей жизни:

«В связи с отставкой Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина приступил в соответствии со статьей 92 Конституции Российской Федерации к временному исполнению полномочий Президента Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.».

Вскоре к ним присоединился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Своим присутствием он как бы освятил церемонию передачи власти. Обычно волнующая всех передача «ядерного чемоданчика» прошла самым простым образом. Дежурный офицер-оператор, обладатель переносного терминала «Чегет», обеспечивающего постоянный доступ президента к закрытой системе связи «Казбек», стал теперь сопровождать не Ельцина, а Путина. Эта система связи дает возможность в любой точке и в любой момент устроить совещание между президентом, министром обороны и начальником Генерального штаба и — в случае необходимости — принять решение о нанесении ядерного удара.

Телевизионная съемочная группа томилась в Кремле с восьми утра, хотя для маскировки Борис Николаевич еще 28 декабря записал стандартное поздравление с Новым годом. Держали телегруппу в комнате без телефона, а мобильные отобрали. В десять Ельцин приехал в Кремль. Запись была назначена на одиннадцать. Он распорядился пригласить Путина, который находился в тот момент в Белом доме, и силовых министров.

Телеобращение Ельцина должно было выйти в эфир в полдень по московскому времени, потому что на Дальнем Востоке уже готовились отмечать Новый год. На телевидение кассету отвез, никому не доверяя, сам Валентин Юмашев в бронированном лимузине, впереди мчалась машина ГАИ.

Когда Борис Николаевич начал читать свое прощальное обращение, голос его дрогнул. Съемочная группа решила, что он сейчас заплачет:

— Мои друзья, дорогие мои, сегодня я в последний раз обращаюсь к вам как президент России. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми. А мы, те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти…

Прощаясь со страной, Борис Ельцин говорил, что он уходит раньше положенного срока не потому, что плохо себя чувствует:

— Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее? Почему я должен ему мешать?

Прощальное выступление Ельцина было, как всегда, ясным и точным. Конечно, речи президенту пишут помощники. Но они пишут такие речи, которые президент желает произнести.

— Я хочу попросить у вас прощения, — говорил в тот день Ельцин. — За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком — и все одолеем. Одним рывком не получилось.

Он не лукавил, действительно в это верил.

«Весной 1986 года, — вспоминает тогдашний посол в ФРГ Юлий Квицинский, — первый секретарь Московского горкома партии Борис Ельцин, приехав в Западную Германию, убежденно говорил, что перестройку надо сделать за три-четыре года. Ради этого Ельцин готов был спать несколько часов в сутки,

пожертвовать своим здоровьем и даже жизнью».

Посол Квицинский засомневался: потерять здоровье и загнать себя — дело не хитрое, но так быстро завершить перестройку едва ли удастся.

— Надо не бояться один раз сделать больно, — повторил тогда Ельцин, — потом будет легче.

Разве мог тогда предположить сделавший блистательную карьеру сравнительно молодой партийный работник, сколько раз он сделает больно стране и сколько раз ему самому будет больно.

— В чем-то я оказался слишком наивен, — говорил он 31 декабря 1999 года. — Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи… Но я хочу, чтобы вы знали. Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце.

Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи. Я ухожу. Я сделал все, что мог…

Владимир Путин прочитал свое первое телеобращение в том же кабинете, только ему принесли другой стол.

Ельцин заплакал, заплакала и Татьяна Дьяченко. Ельцин распорядился принести шампанского, потом устроил небольшой обед для силовиков и уже официально представил им нового президента — Владимира Владимировича Путина.

В час Ельцин поднялся, чтобы уехать. Договорились, что на следующий день, 1 января 2000 года, Путин, Волошин и министр обороны маршал Игорь Сергеев приедут к Ельцину на дачу обедать. Гостей угостили пельменями, которые так любят в семье Ельциных.

31 декабря 1999 года Ельцин и Путин проговорили еще часа два наедине. Напоследок Ельцин еще раз зашел в свой кабинет, обвел его глазами, сказал:

— Здесь все государственное. Моего уже ничего нет.

Все личные вещи и документы первого президента России заблаговременно переправили на дачу. Путину он подарил ручку, которой подписывал указы. Сказав на прощание: «Берегите Россию», Борис Николаевич покинул Кремль. Владимир Владимирович остался. Наступил Новый год, новый век и новая эпоха. Жизнь в Кремле продолжалась. Уже без Ельцина.

Наина Иосифовна была довольна решением мужа:

— Какой ты молодец!

Журналистам Наина Ельцина говорила потом:

— Знаете, какой день считаю едва ли не самым счастливым?

Когда Борис Николаевич заявил об отставке. Услышала об этом в новостях по телевизору и, кажется, даже прыгала, как девочка. Работа мужа тяжелым бременем давила на всех нас.

Сам Ельцин говорил, что когда 1 января 2000 года он проснулся, то впервые почувствовал себя свободным человеком.

После праздников Татьяна Дьяченко собрала свои вещи и покинула кабинет в первом корпусе Кремля.

Руководитель президентской администрации Волошин отыскал на даче главного редактора «Российской газеты» Анатолия Юркова и попросил срочно опубликовать закон «О выборах Президента Российской Федерации». Любой закон вступает в силу только после публикации в «Российской газете». 5 января 2000 года обещал собраться Совет Федерации, чтобы назначить президентские выборы на 26 марта. Если бы закон к тому времени не опубликовали, пришлось бы откладывать выборы. А этого в Кремле не хотели…

После избрания Путина президентом, 5 апреля, Ельцин получил удостоверения пенсионера и ветерана труда.

Владимир Владимирович честно исполнил свою часть обязательств — подписал давно подготовленный указ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Главное в этом указе состоит в том, что Ельцину был предоставлен полный иммунитет от уголовного преследования: он «не может быть привлечен к уголовной или к административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру». Столь же неприкосновенными оставались его жилье и транспорт.

В 1991 году Ельцин, завоевав Кремль, категорически отказался наделить такой же неприкосновенностью Михаила Сергеевича Горбачева, уходившего с поста президента СССР, и посоветовал тому сразу покаяться во всех своих грехах — пока не поздно…

Через год после ухода Ельцина Государственная дума приняла закон «О гарантиях президенту России, прекратившему исполнение полномочий, и членам его семьи». Закон фактически повторял указ, подписанный Путиным 31 декабря 1999 года.

Щедрый путинский указ сохранил за Ельциным практически все блага и привилегии, которыми Борис Николаевич пользовался до отставки: государственную дачу, спецтранспорт, охрану, медицинское обслуживание, все виды правительственной связи и деньги на помощников и секретарей. Пенсию ему установили в размере семидесяти процентов от президентского оклада.

Борис Николаевич говорил, что живет на гонорары от книг,

изданных по всему миру. Вероятно, он сам в это верил. В реальности содержание первого президента оплачивалось казной. Федеральная служба охраны располагает для этого никем не контролируемыми фондами. Никто из наших властителей и денег-то в руках не держал — разве что в тех случаях, когда утверждал внешний вид новых купюр государственного банка.

Многие привилегии распространяются и на семью бывшего президента, что особенно не понравилось депутатам, поэтому администрация президента согласилась уточнить и по возможности сократить число привилегированных членов семьи.

Депутаты говорили, что предоставлять бывшему президенту иммунитет от уголовного преследования опасно, потому что тем самым ему позволяется совершать любые преступления. Поэтому договорились предусмотреть такую ситуацию: если бывший президент, уже находясь в отставке, совершит уголовное преступление, то Государственная дума может по докладу генерального прокурора и после тщательного изучения обстоятельств дела принять специальное решение о привлечении бывшего главы государства к уголовной ответственности.

Когда в стране многие семьи буквально замерзали, сидели без тепла и света, когда не отапливались больницы, школы и детские дома, казалось не очень уместным оглашать тот огромный список привилегий, которыми наделили бывшего президента и его семью. Конечно, людям, которые находятся в бедственной ситуации, неприятно слышать, что за их счет семья одного человека обретает невиданно комфортную жизнь, что чьих-то детей и внуков будут лечить, возить и охранять за счет налогоплательщиков.

Граждане готовы признать право на привилегии для действующего президента, но не для прежнего. Тем более что у многих людей в нашей стране был личный счет к Борису Ельцину.

Конечно же те льготы, которыми Путин наделил Ельцина, это больше, чем следует давать бывшему президенту. Понятно, что это было частью политической сделки, в результате которой Ельцин досрочно покинул Кремль и тем самым фактически гарантировал Путину победу на выборах.

И тем не менее такой закон следовало принять. Не ради Бориса Николаевича. В России очень молодая демократия, у нас демократические механизмы еще не действуют в автоматическом режиме. Теперь-то мы знаем, сколько раз Ельцин собирался отменить президентские выборы и остаться у власти без нашего благословения! В частности, такая мысль приходила ему в голову еще и потому, что он понимал: если к власти придут его политические противники, они могут устроить над ним расправу.

Борис Николаевич ушел тогда, когда убедился, что бояться ему нечего.

Когда-нибудь, когда демократические механизмы отладятся, можно будет пересмотреть этот закон и сократить перечень привилегий, которые полагаются бывшему президенту. Но сейчас мы все заинтересованы в том, чтобы президенты безбоязненно покидали Кремль, когда срок их работы заканчивается.

Если бы Борис Николаевич знал, что после отставки ему ничего не грозит, он бы не стал заниматься операцией «Наследник»! И наша страна, возможно, пошла бы иным путем…

ФОТОАЛЬБОМ

Борис Ельцин с родителями, Клавдией Васильевной и Николаем Игнатьевичем

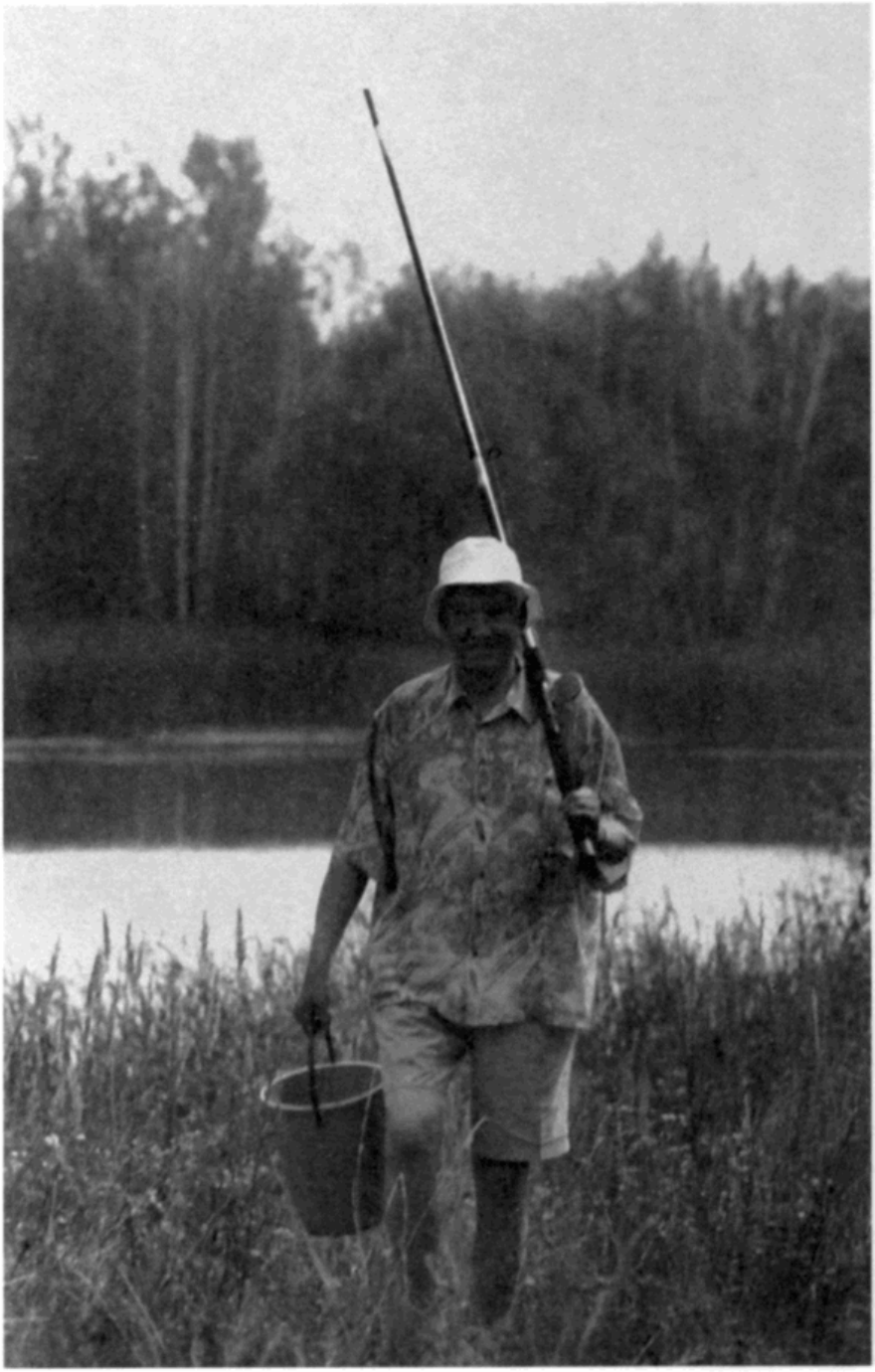
Борис Николаевич и Наина Иосифовна. 1954 г.

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин на коммунистическом субботнике. 1979 г.

Мать и сын

Борис Николаевич с Наиной Иосифовной

С женой и дочерью Татьяной



Борис Николаевич — рыболов

Этот снимок обошел весь мир. Москва. 19 августа 1991 г.

Михаил Горбачев, Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов

Борис Ельцин и Александр Руцкой

Президент России Борис Ельцин принимает присягу. 1991 г.

Борис Ельцин в борьбе с непокорным Верховным Советом. Митинг на Васильевском спуске в Москве. Март 1993 г.

Борис Ельцин и Джордж Буш-старший

Борис Ельцин и Билл Клинтон

Борис Ельцин и Гельмут Коль

Ельцин и его команда. Министр обороны Игорь Сергеев, глава президентской администрации Александр Волошин, глава правительства Сергей Степашин. 1999 г.

Президент России Борис Ельцин 31 декабря 1999 г. объявил, что уходит в отставку с поста главы государства, и возложил исполнение обязанностей президента на председателя правительства Владимира Путина

Борис Ельцин покидает рабочий кабинет. 2000 г.

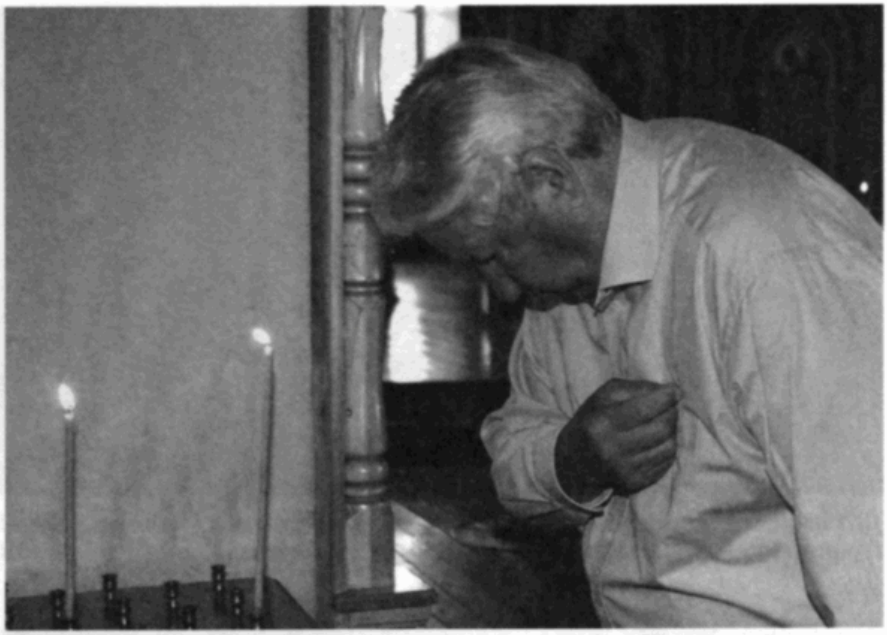
Новый президент России Владимир Путин и первый президент России Борис Ельцин на Соборной площади Кремля после окончания церемонии инаугурации в Большом Кремлевском дворце. 7 мая 2000 г.

Владимир и Людмила Путины приехали в Барвиху, чтобы поздравить Ельцина с днем рождения

Борис Ельцин с Наиной Иосифовной в день своего 75-летия

Татьяна Дьяченко, Наина Ельцина и Борис Ельцин на любимом теннисном турнире. Москва, 2 декабря 2006 г.

Борис Ельцин с правнуком. А это уже финал. 3 декабря 2006 г.



Борис Ельцин в Свято-Троицкой церкви в городе Полевском Свердловской обл. 2006 г.

Страна прощается с первым президентом. 24 апреля 2007 г.

Леонид Млечин

БОРИС ЕЛЬЦИН

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Борис Ельцин… Обязана ли ему Россия демократией и нынешним экономическим подъемом, или же он один несет ответственность за распад Советского Союза, хаос, коррупцию и власть олигархов? В любом случае он вошел в историю как самая масштабная фигура российской политики конца XX века. Для одних Ельцин окружен исключительно темным ореолом, а для других он человек из народа, сильная личность, повернувшая страну навстречу великим переменам. Бесспорно одно — Ельцин обладал огромной, всесокрушающей волей к власти, которая сделала его фактически единоличным хозяином страны. В новой книге Леонида Млечина представлена подробнейшая хроника жизни и политической карьеры первого президента России, рассказано о запутанных кремлевских интригах, перипетиях личной жизни президента, его семье и всемогущих «кремлевских» олигархах.

Леонид Млечин — политический обозреватель телекомпании ТВЦ. Автор многих бестселлеров, изданных в нашей стране и за рубежом: «КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы», «Евгений Примаков. История одной карьеры», «Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина», «МИД. Министры иностранных дел. Тайная дипломатия Кремля», «Моссад. Тайная война», «Русская армия между Троцким и Сталиным», «Смерть Сталина. Вождь и его соратники», «Иосиф Сталин, его маршалы и генералы», «Кто взорвал Америку?», «Адольф Гитлер и его русские друзья».

ISBN 978-5-9524-3111-9

9 785952 431119

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®